

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Ульяна Черкасова

СОКОЛ И ВОРОН

Морана
сплетёт
их судьбы

Ульяна Черкасова
Золотые земли. Сокол и Ворон
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Новые сказки»
Серия «Золотые земли», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65803405
Золотые земли. Сокол и Ворон: Эксмо; М.; 2021
ISBN 978-5-04-156062-1

Аннотация

Дара выросла на краю Великого леса. С детства её учили: не твори заклинаний и остерегайся лешего. Но однажды у неё не останется выбора.

Милош чудом выжил, когда началась охота на ведьм. Он привык скрывать свой чародейский дар, но бояться смерти просто устал.

Вячко знает, что он незаконный сын Великого князя, и мечтает заслужить признание отца. Но это значит, что придётся навсегда проститься с любимой.

Ежи помнит сказания о древних богах предков: они коварны и беспощадны. Но что делать, если ты стал их жертвой?

Невозможно обхитрить богов в их игре человеческими судьбами.

Но все четверо обязательно попытаются.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	55
Глава 3	79
Глава 4	114
Глава 5	146
Глава 6	184
Глава 7	213
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Ульяна Черкасова

Золотые земли.

Сокол и Ворон

*Я пел о богах и пел о героях,
О звоне клинков и кровавых битвах;
Покуда сокол мой был со мною,
Мне клёкот его заменял молитвы.*

«Королевна», Мельница

© Черкасова У., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Великий лес 526 г. от Золотого Рассвета

Великий лес молчал. Он требовал жертвы.

Кто-то уже пытался пересечь границу. На плите лежал зарезанный петух, жужжали мухи, застыла кровь на холодном камне. Лес не принял жертву, не пропустил путника дальше каменной домовины. Следы на примятой траве вели обратно, прочь от владений Нави.

У Чернавы не было с собой ничего, но кровь чародея всегда была слаще мёда для навьих духов.

В руке дрожал короткий нож – острый что игла.

Шумели кроны деревьев в вышине, и где-то над головой коротко пропела кукушка, вдруг замолкла, и вместе с ней весь лес замер в ожидании.

Наконец Чернава решилась, провела лезвием по смуглой коже, и горячая кровь потекла, зашептала голосом древних сил, запела, зашипела, коснувшись камня.

А лес всё молчал. Наблюдал, изучал. Он пробовал на вкус её кровь, познавал её душу, разум, её прошлое и будущее.

Чернава не замечала этого. Она выросла вдали от земель Нави. Она не понимала, о чём пел ветер в вышине, она не

слышала, как звала вода в ручье, она не знала, как попросить духов о защите. Прежде она никого ни о чём не просила. Прежде она не признавала никакой другой силы, кроме своей.

Но пришли Охотники, уничтожили её дом, семью, друзей, и вот Чернава стоит у границы Великого леса, отдавая свою кровь, обещая свою верность и чужую жизнь, если потребуются. Больше у неё ничего не осталось.

В ожидании Великий лес молчал.

Словно сумрак в вечерний час к границе подбирались шорохи и шёпоты. Кто-то скрывался среди тёмных деревьев. Еле слышными были его шаги, и Чернава не сразу заметила, что за ней следят, а лишь тогда, когда ей это позволили.

Меж еловых ветвей мелькнуло девичье лицо и тут же исчезло, только зелёная лапа ели качнулась, подтверждая, что увиденное не показалось.

– Стой! – Чернава сорвалась с места, но не нашла никого за деревьями.

Раздался треск. Звуки разлетелись в разные стороны. Тишина разбилась, лес ожил и заголосил.

Незнакомка мелькала то слева среди сосен, то справа в зарослях кустарника, и Чернава бросалась каждый раз за ней в погоню и каждый раз никого не находила.

Дыхание сбилось, руки покрылись царапинами, нож выпал и потерялся безвозвратно в траве.

В хороводе заплясали сосны. Закружилась голова.

– Сюда, – позвал лес.

Чернава оглянулась, побежала на зов, споткнулась о корягу и упала. Она не успела подняться. Нечто навалилось сверху, вцепилось в плечи, вдавило в землю. И зарычало утробно. Дыхание его смердело гнилой плотью и прелой листвой.

В оцепенении, точно во сне, Чернава неожиданно ясно разглядела росу на траве, пожелтевшие еловые иголки и зелёный мягкий мох. Время замедлилось, утонуло в трясине. Страх сковал тело, помутился разум, а когда пальцы всё же начали вить заклятие, нечто надавило на спину, прильнуло к самому уху и громко выдохнуло. Ледяная дрожь пробежала по телу.

Чернава не смела пошевелиться и только слушала громкое дыхание и чувствовала, как острые когти больно впивались в плечи.

– Дитя-а-а, – прошипело существо по-змеиному. – Ж-живое дитя.

Где-то в вершинах елей загудел ветер, всполошив птиц, они заголосили испуганно, а ветер полетел дальше, разнося весть:

– Ди-и-итя-а-а... Ди-и-итя-а-а...

Духи Нави почуяли новую жизнь, что зародилась в Чернаве.

Она попробовала вырваться, но ещё сильнее впились в кожу когти.

– Не убеж-ж-жишь...

Чародейка вскрикнула, порыв ветра сорвался с пальцев, подкинул её. Чудище сорвалось со спины, отлетело в сторону. Чернава вскочила на ноги, обернулась и увидела перед собой девушку, бледную, как погребальный саван. Она была простоволоса и нага, прижималась грязным телом к земле и всем своим видом походила на дикого зверя, что готовился к прыжку.

Лесавка.

Зашевелились кусты, и на глаза Чернаве показалась вторая лесавка, одетая в порванную рубаху. Шла она, сгорбившись, припадала на руки, скалилась, обнажая острые зубы.

– Дитя, – вторила она остальным. – Ж-живое дитя.

Пальцы уже вили новое заклятие. Незаметно, осторожно Чернава попробовала коснуться разума лесавок, одурманить, подчинить их, но мёртвым девам оказались не страшны чары, которые убивали живых, и она отступила. Медленно, не зная даже, в какую сторону бежать, она начала пятиться назад, когда за спиной раздался шум.

Чернава обернулась, и мир вокруг побледнел. Она рухнула на землю как подкошенная. Видения менялись одно за другим, наслаивались, путались. Образы смешались. Стоял перед ней человек в звериных шкурах? Или медведь на задних лапах? Или вовсе высокое дерево колыхалось на ветру, и не было в помине человека? Чернава зажмурилась от боли, взгляд прожигал её. Горели ярко золотые глаза, пронзали насквозь, и голос гулкий, как ветер, и скрипучий, как стон

старых деревьев, спросил:

– Чего ты хочешь, чародейка?

Чернава с трудом разлепила губы и произнесла едва слышно:

– Силы и убежища. Разреши мне спрятаться в твоём лесу, мне больше некуда идти.

– Чем ты заплатишь, чародейка?

Чернава промолчала, а лесавки закружили вокруг:

– Дитя, ж-живое дитя...

Руки сами потянулись к плоскому животу. Это была ещё не жизнь, только искра, но духи леса почуяли её, узнали. Сказания не лгали, всё до последнего слова оказалось правдой. И всё случилось так, как задумала Чернава.

– Я заплачу любую цену, но хочу получить кое-что взамен. Сделку, Хозяин, заключи со мной сделку, – проговорила она, и голос вдруг сорвался от отчаяния.

Лес недолго думал.

– Оставайся, – разрешил Хозяин. – Покуда не родится дитя, оставайся.

Часть первая Пёрышко Сокола

Глава 1

*От панского дома
по травам, долинам
едет панич в шапке
с пером соколиным.*

«Голубок», Карл Яромир Эрбен¹

*Ратиславия, Златоборск 543 г. от
Золотого Рассвета, месяц червень*

– Во-о-ор!

В кибитке завизжала старуха.

Милош чуть не выронил ларец, споткнулся и задел ногой охранную сеть чар, она вспыхнула ярко, коротко, и ногу пронзила молния.

– Ку-урва...

¹ Перевод М. Зенкевича и М. Голодного.

Дальше он не смог бежать, прошёл всего несколько шагов, волоча непослушную ногу. Проклятие прошло глубоко до самой кости. В глазах почернело.

Чары. Кто в фарадальском лагере мог наложить защитные чары на кибитку?

– Стой, вор!

Милош замер на месте. Вряд ли старуха хотела просто поговорить, но и бояться её вряд ли стоило. Медленно, осторожно он обернулся. Фарадалка стояла на ступеньках кибитки. Лицо её перекосило от бешенства.

– Верни ларец, – просипела она.

Неужели старуха и вправду надеялась его остановить?

– Ещё чего. Вы первые нас обокрали.

– Чтоб тебя!

Она выбросила скрюченную руку перед собой. Милош едва успел сообразить.

В него полетела молния.

Он отпрыгнул в сторону, упал на землю и подкатился под ближайшую кибитку.

Старуха закричала на фарадальском. Лагерь загудел как потревоженный улей. Со всех сторон слышались голоса, а старуха всё вопила, созывая народ.

Прижимая к груди ларец, Милош прополз в сторону. Старуха была ведьмой! Он мог догадаться. Он должен был догадаться, но совсем потерял голову от вина. Да если бы не вино, он вообще не полез бы грабить фарадалов!

Ежи был прав: Милош совсем ошалевший. Зачем он полез? Зачем?

Послышался топот. Стоило поспешить.

Вылез он с другой стороны кибитки. Там было безлюдно, но остальной лагерь уже проснулся. Милош ясно услышал голоса неподалёку.

Некоторое время он ковылял, как дряхлый старик, но с каждым шагом нога слушалась всё лучше, ступала твёрже, и наконец Милош смог побежать и бросился прочь из фарадальского лагеря. Каждый раз, когда он касался ступнёй земли, в ногу отдавало режущей болью, но страх оказался сильнее, он гнал его вперёд.

Больше никто не спал, никто не прятался.

Из кибиток выглядывали люди. Мужчины и женщины, молодые и старые. Почти каждый держал в руке оружие. Фарадалы всегда были готовы к драке.

Загорелись огни. Его заметили.

Краем глаза Милош увидел синюю вспышку. Он действовал не раздумывая – тело само приняло решение, – пригнулся чуть ли не до земли. И в следующий миг над головой пролетела молния, ударила в кибитку впереди.

Снова старуха? Он обернулся и увидел здорового мужика с топором. Сколько в фарадальском лагере чародеев?

– Чтоб Навь тебя поглотила, – выдохнул Милош.

Он нырнул в темноту и наконец выбрался из лагеря.

Милош восемнадцать лет не видел других чародеев, кро-

ме учителя, и в эту ночь на него напали сразу двое. Из груди вырвался смешок, и он не понял, над чем засмеялся. От огня и шума закружилась голова.

Осторожно он выглянул из кустов. Милош огляделся, пытаясь сообразить, где оказался и в какой стороне находилась дорога. Из загоревшейся кибитки выбежала женщина, вытолкала детей и стала кидать им вещи, спасая от пожара. Дети голосили, рыдая от страха.

Из темноты, будто с неба, мигал ночными огнями Златоборск. Дорога от Восточных ворот города вела к тракту, там Милош договорился встретиться с Ежи.

Снова перевернулось сердце в груди. Кожей и кровью он почуял, как к нему устремилась смерть. Милош взмахнул рукой, выставил щит. Воздух задрожал, отразил удар. Молния отскочила, попав в другую кибитку, и та вспыхнула в одно мгновение. Наружу с воплем выпрыгнул мужчина, одежда его занялась огнём, и фарадал закрутился по земле, пытаясь сбить пламя.

Милош сорвался с места. Одной рукой он прижимал к груди деревянный ларец, а второй безостановочно плёл заклятие, надеясь сбить преследователей со следа.

Он уже не чувствовал боли в ноге, будто и не было сети проклятия. Выбежал прочь из лагеря, нырнул к избам в посадке, сворачивая с главной улицы, и, петляя, добрался до безлюдной дороги, ведущей из Златоборска к восточному бору.

Оглушённый собственным дыханием, он бежал, задыхал-

ся. В боку кололо, но Милош не мог остановиться. Позади шумел фарадальский лагерь, пахло дымом. Вдруг в столице ударил колокол. Пронзительный звон его разнёсся над посадом и полями вокруг, догнал Милоша на дороге и пролетел дальше. И ему вторили десятки других колоколов по всему Златоборску. Город проснулся, встревоженный пожаром под своими стенами.

Грохот подгонял Милоша вперёд. Он должен был уйти с дороги, укрыться за деревьями. Но когда до бора осталось всего ничего, топот коней разорвал тишину.

По дороге мчались два всадника. Милош побежал со всех ног, ещё отчаяннее, ещё быстрее, но всё равно не успел достичь деревьев. Хлёсткий удар сбил его с ног. Копыта лошади, разрывая землю, отбили дробь совсем рядом с головой.

Всадник ловко спешил, подскочил к нему и только нагнулся, чтобы схватить Милоша за шиворот, как он перевернулся на спину, вцепился рукой фарадалу в лицо. Тот завопил, упал на спину и заревел в ужасе. На лице багровел ожог от ладони, глаза обуглились, рассыпались золой. Слепший, он закрутился на месте, завопил, проклиная и моля.

Но оставался ещё второй. В прыжке он соскочил с лошади и в мгновение оказался рядом. Его хлыст ударил по груди Милоша, вырвав пронзительный крик. Фарадал вновь замахнулся, но не успел ударить. Милош соединил пальцы, развёл в стороны руки, будто держа невидимую нить. Он бросил её на фарадала, тот обмер, с застывшим в воздухе хлыстом, и

камнем грохнулся на землю. Ужом он закрутился, захрипел, пытаясь стянуть удавку.

У Милоша с трудом получилось встать на ноги, ещё сложнее получилось пойти. Ларец лежал на земле рядом с фарадалом. Он всё пытался стянуть невидимую петлю с шеи, лицо его посинело, ноги били по земле. Другой, что был с обожжённым лицом, пытался подняться. Эти двое вряд ли были чародеями, иначе смогли бы разорвать заклятие.

Милош отвернулся, поднял ларец, перехватил покрепче и направился в сторону бора.

Страх погони прошёл, и боль в ноге стала сильнее прежнего.

От использованных заклятий закружилась голова. Через несколько шагов Милош упал у корней дерева и долго пролежал, уткнувшись лицом в землю. Он дышал тяжело, лёгкие его горели, словно сожжённые изнутри. Колдовать, используя только собственные силы, всегда выходило непросто.

Он не сразу расслышал знакомый голос:

– Милош?

– Я, – выдавил он тяжело.

Ежи подошёл ближе, оглянулся пугливо на фарадалов. Один из них больше не шевелился. Другой смог сесть на коня, обхватил руками его шею, но, кажется, лежал без чувств.

– Ты в порядке? – спросил Ежи.

– Вроде. Ты всё взял?

– Да, – слуга помог ему подняться, подставил плечо и

дальше почти потащил на себе. Милош едва передвигал ногами, но шёл упрямо дальше, прижимая к груди ларец.

– Пойдём подальше отсюда.

– А эти? – Ежи оглянулся на фарадалов.

– Эти всё. Если поспешим, то остальные не догонят.

Они удалились в глубь бора, опасаясь погони. Было темно, и Милошу пришлось достать из сумы хрусталь. Тот загорелся в его руке холодным синеватым светом, освещая путь. Сил хрусталь забирал совсем немного, но после всех заклятий и это давалось нелегко.

Ежи нёс их сумы и придерживал самого Милоша.

– Мы в беде, – проговорил он тревожно. – Я же просил тебя не лезть к фарадалам. Нельзя с ними связываться. Они же разбойники, их даже в Рдзению не пускают.

– Они сами не суются в Рдзению, – прохрипел Милош. – Они чародеи.

– Чародеи? – Ежи застыл на месте, уставился на него во все глаза. Свет хрусталя сделал его лицо мертвенно-бледным. – Чародеи? – повторил он изумлённо. – Нам конец. Они убьют нас. Убьют.

Милош не знал, как его успокоить. Он и правда не ожидал, что всё выйдет настолько неудачно. Все знали, что фарадалы нечестные люди. Если они проходили мимо деревни, то в стадах селян пропадала скотина, если появлялись в городе, то купцы теряли товар и деньги. Фарадалы обманывали легковверных и обкрадывали невнимательных. Но чтобы они

были чародеями? Если бы Милош знал, то вряд ли осмелился ограбить их старейшину. Но вечером, когда они гуляли в лагере вместе с остальными горожанами, он не заметил в лагере колдунов.

И поплатился за свою невнимательность. Ногу сводило от каждого шага.

Когда они ушли достаточно далеко от дороги, Милош наконец решился остановиться на отдых. Он сел прямо на голую землю.

– Будешь пить? – услужливо предложил Ежи.

Милош не слушал его. Он скинул сапог с левой ноги, закатал штанину и посветил на кожу хрусталём.

– Что такое? – Ежи присел рядом, присматриваясь.

Проклятие железом отдавало на языке. Милош чувствовал его в жилах и костях. Пока он шёл, то представлял, как всю ногу покрыли язвы, но на коже осталось только небольшое чёрное пятно.

– Мне удивительнейшим образом повезло, – хмуро сказал он.

– Что это?

– Фарадальское проклятие.

– И в чём же тебе повезло?

– Я не умер на месте. А мог бы.

– Ты же сможешь его снять? – с надеждой спросил Ежи.

Милош ответил не сразу. Пальцы его крепко сжимали хрусталь, а ногу сводила судорога. Он прикусил губу, чтобы

не застонать.

– Не уверен. Не знаю.

Ежи вздохнул тяжело, сел рядом прямо на землю.

– А я говорил, говорил, – ворчливо начал он. – Не стоило соваться в Златоборск, а уж тем более в фарадальский лагерь. Они же известные разбойники...

– Они украли у тебя кошель. Я должен был отомстить, – Милош нашёл в суме с вещами платок и обвязал чёрное пятно на ноге.

– Ты просто хотел получить это их фарадальское чудо, – возразил Ежи. – Какой же ты беспечный болван.

– А ты зануда, – лениво огрызнулся Милош. Спорить не хотелось. Да и были вещи поважнее.

Оба посмотрели на ларец, стоявший на земле.

– И что там?

– Не знаю, не успел посмотреть, – признался Милош. Он прищурился и даже сквозь деревянный ларец увидел яркий колдовской огонь.

– Надеюсь, что-нибудь стоящее, иначе совсем обидно.

Ещё вечером, когда они пришли к фарадальскому табору, у Милоша и в мыслях не было грабить вольных детей. Вместе с Ежи они жадно разглядывали кибитки и их хозяев в разноцветных одеждах – всё было для них в новинку. Ни Милош, ни Ежи прежде ни разу не видели фарадалов, в Совин и Рдзению их не пускали Охотники. Но даже в Совине рассказывали, что все фарадалы славные танцоры и певцы,

а ещё убийцы и колдуны.

Милош не замышлял зла. Он весь вечер провёл с молоденькими девушками, такими смуглыми, лёгкими, гибкими, что голова шла кругом от их прелести. Фарадалки оголяли плечи и в танце высоко задирали юбки. Ничего не укрывалось от глаз. Милош опьянел от их красоты и от вина. Голова его кружилась, а сердце пело. А потом появился Ежи и, чуть не плача, пожаловался, что его кошель срезали где-то в толпе. С пальцев Милоша тоже пропало одно из колец. Слава Создателю, изумрудную серьгу из уха фарадалки вытащить не смогли.

Затихло гулянье в лагере, и народ начал расходиться. Милош и Ежи тоже ушли, почти вернулись на постоянный двор, но Милош не мог успокоиться. Его обвели жалкие бродяги, безродные и бездомные. Обвели, как последнего дурака. Хмель распалил его ярость, заглушил разум. И он решил вернуться, проверить старые сказки, будто каждый фарадальский табор хранил некое сокровище невероятной чародейской силы. Милош убедил себя, что это чудо могло оказаться ценнее, чем источник Великого леса. Мало он верил, что затея его увенчается успехом, скорее хотел прочесть вольных детей. Но ларец с фарадальским чудом существовал на самом деле. Милош ощущал его силу, видел, как в темноте расплавленным золотом горели чары.

– Откроем? – предложил Ежи, поглядывая на деревянный ларец и придвигаясь ближе.

Милош молча кивнул. Неожиданно для самого себя он разволновался, протягивая руки к ларцу, осторожно приподнял крышку, и ночную тишину взорвал оглушительный шум. Десятки, сотни голосов закричали, запели, из ларца ударил яркий свет, будто внутри горел костёр. Птицы сорвались с деревьев. Ночь пронзило солнце.

Милош захлопнул крышку, и тьма снова накрыла бор. Но птицы продолжили кричать пронзительно, кружа над деревьями.

Если фарадалы были рядом, то не могли их не услышать.

– Создатель! Что это такое было? – воскликнул Ежи.

– Потом разберёмся. Идём, быстрее, идём, – велел Милош и сам рывком поднялся.

Ногу снова свело от боли, и он зашипел, сдерживая крик.

Ежи подхватил с земли их сумы, закинул в свой мешок ларец и быстро пошёл следом.

– Фарадалы убьют нас из-за этой штуки. Точно убьют.

– Тише, – прошипел Милош, но ночной лес и без того был полон криков.

В одном Ежи был прав: фарадалы не оставят их в покое. Что бы они ни нашли, это было ценно. Может, почти так же ценно, как тайны, что хранил Великий лес.

Ратиславия, Златоборск

Солнце пробило сумрак на горизонте, и стало видно, что

над деревьями поднимался дым. Сердце сжалось. Вячко прищипорил коня.

– Поторопимся, – выкрикнул он через плечо.

Топот копыт разнёсся по бору. Дюжина всадников пронеслась по дороге в тени деревьев и вырвалась на тракт. Оттуда было видно всю столицу. Златоборск возвышался над посадом, отливал в этот час золотом и медью. От нижнего его вала, там, где уже закончились дома горожан, шёл дым. Горел лагерь.

– Фарадалы, – Стрела выдохнул, криво улыбаясь. – Главное, что не город.

– От одной искры и столица может вспыхнуть, – мрачно произнёс Деян.

Вячко натянул поводья.

Даже от тракта он мог разглядеть княжьих людей, что тушили пожар, помогали фарадалам оттащить в стороны ещё целые кибитки, разгоняли людей подальше от огня. Дым шёл чёрно-серый, рваный. Пламя затухало.

– Надеюсь, князь хотя бы после этого запретит им останавливаться так близко к городам, – сказал Стрела.

Вячко был с ним согласен, но промолчал. На перекрёстке он задержался. Ему показалось, что в лагере он заметил Горя. Как бы сильно Вячко ни тянуло домой, стоило самому разузнать о пожаре. Князь бы это оценил.

– Поезжайте одни, – велел он дружинникам. – Я сначала загляну в лагерь.

Стрела скривился.

– Да на что там смотреть? На этих конокрадов?

– Поезжай, – устало повторил Вячко. Он сам с трудом держался в седле.

Остальные товарищи махнули ему рукой, распрощались и направили коней по дороге к воротам. Стрела остался.

– Куда ты без меня?

Лагерь почти целиком был разрушен огнём. Кто-то погиб. Фарадалы были над мёртвыми и над утерянным добром с одинаковым горем. Они заламывали руки, ругали дружинников и холопов, которые помогали тушить пожар, и рыдали так громко, что хотелось заткнуть уши.

Между сгоревшими кибитками прохаживался худощавый мужчина в дорогом кафтане, теребил короткую светлую бороду, касался земли то тут, то там, бормотал что-то себе под нос. Фарадалы наблюдали за ним с неодобрением. Вячко услышал, как одна старуха обругала его последними словами, но Горяй только отмахнулся от неё как от назойливой мухи, и тогда старуха попыталась ударить его клюкой.

– Отойди от княжеского целителя, – велел Вячко.

Он направил коня между ними так, чтобы оградить Горяя от фарадалки. Старуха стрельнула на него злыми чёрными глазами, плюнула под ноги и развернулась. Стрела проводил её взглядом, полным досады.

– Я смотрю, фарадалы очень хотят отдохнуть в порубе. Совсем страх потеряли.

– Она не знает, кто я.

– Ты человек князя, а этого уже достаточно, чтобы уважать тебя.

Вячко не стал спорить. Будь он в дурном настроении, так тоже взъелся бы на старуху, может, даже пригрозил ей, но от усталости хотелось только поскорее закончить с делами и вернуться домой.

– Да озарит Создатель твой путь, княжич, – приветствовал его Горяй.

– Да не опалит он тебя, – ответил Вячко. – Что ты здесь делаешь?

Горяй огляделся, не желая, чтобы чужие уши его услышали, и подошёл ближе. Вячко спешил.

– Незадолго до рассвета у фарадалов начался пожар. Дозорные всё видели со стены. Они клянутся, что повсюду летали молнии и огонь. Говорят, что это были чародеи, якобы они подрались между собой.

– Чтоб их леший побрал, – Вячко провёл рукой по кудрям, собираясь с мыслями. Сонливость растаяла вместе с утренним туманом. – Если пойдут разговоры про чародеев в столице, то беды не миновать. Ты что скажешь? Они здесь были?

– Я чувствую следы заклятий, – вид Горяя был озабоченным. – Многие из них чародеи, да-да, – взгляд его помутнел. – Но раньше они были тихи. Вольные дети осторожны, когда дело касается заклятий. Дело не в них.

– А в ком?

Горяй пожал плечами.

– В ком-то? М-м-м? – Он посмотрел поверх плеча Вячко куда-то в сторону, зрачки его расширились.

Разговаривать с ним стало бесполезно. Вячко давно уяснил, что когда Горяй начинал бормотать что-то тихо, а глаза его становились мечтательными и пустыми, то стоило оставить его в покое. Чародей князя всегда был странным человеком, может, оттого что разум его пострадал от чар, а может, потому, что он потерял всю семью много зим назад.

– Увидимся, Горяй. Спасибо тебе.

Чародей его уже не слушал. Он присел на корточки и коснулся пальцами земли, замер, прислушался, точно следы на дороге о чём-то ему шептали.

Вячко и Стрела повели коней за поводья дальше по лагерю.

– Если пойдут слухи о чародеях под стенами Златоборска, Орден потребует пропустить Охотников в Ратиславию, – рассудил княжич. – Им нельзя здесь оставаться. Эй, добрый человек, – он остановил первого, кто им повстречался. – Кто ваша телепта?

Старейшина табора нашлась на ступенях своей кибитки посреди лагеря. Она сидела, раскуривая трубку, и, кажется, единственная во всём лагере оставалась спокойна, только чёрные глаза её горели словно два уголька. Враждебно и мрачно она оглядела Вячко с головы до ног.

– Ты кто такой?

– Вячеслав, сын Великого князя Мстислава. А ты?

– Люди кличут меня старой Годявир, – ответила телепта. – Я думала, княжьи сыновья богаче одеваются, – хмыкнула она. – Что тебе нужно, княжий сын?

– Мне нужен мир. Ты знаешь законы этой земли, – он говорил спокойно и устало, почти не задетый неприкрытой враждебностью. – В Ратиславии запрещено чародейство.

– Раз запрещено, то почему твой князь держит при себе чародея? Я увидела в нём силу.

Вячко вздохнул, собираясь с мыслями. От запаха гари и человеческих стонов разболелась голова.

– Ты знаешь, как всё непросто на этом свете, Годявир. Если мы не прогоним вас за колдовство, то скоро сюда придут Охотники, и тогда ты и твои люди будете гореть в своих кибитках заживо. Ни ты, ни я этого не желаем.

Годявир молчала, посасывая трубку. Медленно она вдохнула и выпустила изо рта вонючий дым.

– Мы не можем уйти сейчас. Мой табор всегда приходит к Златоборску незадолго до ночи Купалы и уходит перед первыми осенинами к Приморску.

– Тогда уходи к Приморску сейчас, – пожал плечами Вячко.

– Сейчас никому туда нельзя, я видела в рисунке крови на воде знаки, – Годявир потрясла трубкой. – Тревожные знаки. Нельзя на восток, нельзя на юг. Никому нельзя.

– Там Охотники тебя не найдут.

– Что мне до Охотников? – хмыкнула Годявир, её седые волосы растрепались, на тёмном лице стало ещё больше морщин, когда она нахмурилась.

Вячко посмотрел на неё с недовольством и некоторым любопытством, но промолчал, только покачал головой.

– Куда хочешь, лишь бы подальше от столицы, – предупредил он.

Кажется, телепта сама уже поняла, что бесполезно было упрямиться и спорить с княжичем.

– Сколько дней ты нам дашь? – спросила она.

– Три, думаю, хватит.

Вячко уже собрался сесть на коня, но задержался.

– Скажи, кто устроил пожар ночью? Один из ваших?

– Если бы из наших, так я бы лично выдрала ему сердце, – Годявир плюнула со злостью. – Рдзенец. Танцевал с нашими девушками, пил наше пиво и вино, пел наши песни, а ночью прокрался, как мышь в амбар, и обокрал нас.

– Что он украл?

– Кое-что ценное, – неохотно ответила Годявир. – Но не для тебя, ты не фарадал.

Больше телепта не хотела ничего говорить, и Вячко решил, что узнал достаточно. Они со Стрелой сели на коней.

Дорога вела вверх от посада к городу. Кони пронеслись, как на крыльях, ветер ударил в лицо всадникам, растрепал кудри княжича. Столица уже пробуждалась, и люди навод-

няли улицы. Молодая лоточница заметила всадников.

– Эй, красавцы, купите хлеб! Горячий хлеб!

Они не остановились, и голос её утонул в щебете городских торговцев.

– Горячий хлеб!

– Кожаные поршни за три медяка! За три медяка кожаные поршни!

– Мазь от вшей! Мазь от вшей!

Кони несли их мимо чужих дворов и площадей до самого княжеского двора. Навстречу выбежали конюх с холопами.

После шумных улиц двор показался разительно тихим. Тянуло хлебом и жареным мясом из кухонной избы. Пел пелух на заднем дворе, да мальчишки-холопы негромко переговаривались между собой.

Вячко спешил, обтёр пыльное лицо ладонью и вдруг улыбнулся, заметив движение в приоткрытом окне. Неосознанно он поправил рубаху и пояс, взмахнул головой, откидывая рыжие пряди со лба. Девушка в окне уже скрылась.

– Вячеслав, наконец-то! – воскликнул с крыльца Горыня.

Княжич приветственно махнул воеводе рукой и отдал поводья коня подбежавшему мальчишке-конюху. Тот не совладал с любопытством и спросил:

– Что, разбойников ловили?

– Ловили, – устало произнёс Вячко.

Юркий Стрела тут же оказался рядом и добавил:

– Ловить-то ловили, да тати пошли что тараканы.

– Рыжие? – Мальчишка склонил голову набок, видимо, припомнив историю о рыжем одноглазом разбойнике, что жил на вершине древнего дуба и метко плевался желудями прямо в темечко проезжавшим всадникам, отчего те падали замертво на землю. И у каждого разбойник вырывал левый глаз, пытаясь найти замену своему.

– Да нет, не рыжие, – хохотнул Стрела. – Убегают быстро словно тараканы. Только нас завидят и все в разные стороны, поди лови.

Вячко покачал головой:

– Да ты, смотрю, совсем не устал. Может, обратно в дозор?

Дружинник поморщился:

– Княжич, не щадишь совсем. С меня три пота сошло от усердия, после такого седмицу лежмя лежать буду.

– Ну-ну, вечером увидимся тогда.

– Вячеслав! – нетерпеливо прикрикнули с крыльца.

– Эк разбушевался, – хмыкнул Вячко. – Давай, малец, пойду. Хочешь истории послушать, так расспроси Стрелу. Он всегда горазд языком потрепать.

Горыня дожидался на крыльце. Несмотря на то что несколько седмиц он не видел племянника, радостным воевода не выглядел.

– Не докричишься тебя. Оглух? – ворчливо спросил он.

Вячко хотел ответить в шутку, укорить дядьку за холодное приветствие, но вдруг подумал, что только серьёзное дело могло сделать его столь мрачным с раннего утра.

– Что стряслось?

– Князь ждёт. Я уже хотел послать за тобой, – он всё же обнял Вячеслава, и тот вновь почувствовал себя малым ребёнком в огромных медвежьих объятиях своего дядьки. Горыня был выше и сильнее любого в дружине. Не зря говорили, что род он вёл от славного богатыря Яромира, который поборол крылатого змея, разорвав его пасть голыми руками.

В сенях было темно, слуги ещё не успели распахнуть ставни, и вдруг свет мелькнул вдалеке. Вячко пригляделся. Добрава открыла окно на другом конце длинных сеней. Солнце вырвало из сумрака её глаза, улыбку, заиграло в камнях на височных кольцах. Девушка показалась ненастоящей, словно сотканной из звёздной пыли. Княжич застыл, заглядевшись на неё.

– Пошли, – поторопил сердито Горыня, схватил Вячко за предплечье и потянул наверх по лестнице.

Они поднялись на самый верх в терем. Стены там были украшены искусной резьбой и пахло сладко деревом и смолой. В тепле, укрывшись от ветра и утренней прохлады, Вячко снова почувствовал усталость. Он зевнул широко, прикрывая рот. Дядька бросил на него мрачный взгляд.

– Ты завязывай с этой девкой, – проговорил он.

Вячеслав остановился.

– Не говори о ней так.

– Я бы говорил иначе, да тебе пора уже позабыть про молодецкие шалости. Умер посадник в Новисаде, Великий

князь может отправить тебя на его место. А если прогневаешь его, тебе останется какой-нибудь Лисецк.

– И что с того?

– Жена тебе нужна хорошая, боярского роду. Если повежёт, то посватаешься к дочке ярла Ульрика.

Вячко нахмурился:

– Я сам незнатного роду, отец может разрешить мне...

– Ты княжич, – оборвал его Горыня. – А княжичи не женятся на дворовых девках. В любовницы берут, но не в жёны.

– Она вольная. А в услужении ходит, потому что я попросил Мирославу её взять, чтобы училась всякому...

Что бы он ни сказал, дядька бы его не услышал. Это был старый спор, и они повторяли слова, сказанные уже не раз.

– Безродная девка тебе не ровня.

– Отец же признал меня законным сыном...

Горыня оглянулся на гридней у двери в княжеские палаты.

– Другие сейчас времена, Вячеслав, – сказал он тише. – И Ратиславии нужна дружба северян. Так что лучше сейчас скажи всё Добраве, чтобы потом меньше бабьих слёз было. Она молодая, ладная, хорошего жениха себе найдёт. Ты, опять же, можешь ей в благодарность богатое приданое дать...

– Замолчи, – вырвалось раньше, чем Вячко успел подумать. – Не желаю больше слышать подобных разговоров.

Горыня только покачал головой:

– Твой отец таким же был по молодости. И где теперь твоя мать?

Распахнулась дверь в княжеский чертог, и оттуда вышел Горяй. Пока Вячко тратил время на телепту и сказки для конюших мальчишек, чародей успел посетить князя. Горяй прошёл мимо, кажется, вовсе их не заметив. От любого другого это стоило воспринимать как оскорбление, но чародей часто не видел ничего дальше собственного носа.

Гридни расступились, пропуская княжича с воеводой. Вячко зашёл первым.

Великий князь Мстислав изучал развёрнутую перед ним карту. Медленно он поднял голову, устало посмотрел на сына, и в светлых глазах промелькнуло облегчение.

– Рад видеть тебя во здравии, – произнёс он. – Да озарит Создатель твой путь.

– Да не опалит он тебя, – Вячко слегка поклонился, подошёл ближе, чтобы обнять отца.

Вячеслав был младшим из троих сыновей, и все давно привыкли к некоторой его простоте, как и смирились с неблагородной кровью. Конечно, бояре шептались, а боярские дочери считали Вячко неравным себе, но Великий князь признал байстрюка от служанки родным, назвал княжичем, и никто не посмел возразить. Империя и её законы были далеко. В Ратиславии среди густых непроходимых лесов, полноводных рек и диких зверей сохранялись пока свои поряд-

ки, и златоборский князь правил так, как того желал.

Вячко отпил воды прямо из кувшина и присел на лавку у стены, вытянул устало длинные ноги.

– Горыня сказал, что ты хотел меня немедленно видеть. Что-то случилось? – спросил он.

Отец прошёлся вдоль стены.

– Пока тебя не было, один рдзенец ограбил фарадалов, стоящих лагерем у города.

Вячко чуть выпрямил спину.

– Я посетил их лагерь, поговорил с телептой и Горяем. Он утверждает, что фарадалы колдовали. А телепте я велел уезжать из города через три дня. Я давно говорил, что не стоит пускать этих людей в наши земли. Мне не раз докладывали, что в деревнях пропадали дети там, где проходили фарадалы.

– Не в этом дело, Вячко, – вздохнул князь. – Тот рдзенский вор, кажется, был чародеем.

Вячеслав понимающе кивнул. Горяй был безумцем, но не дураком. Он знал своё дело.

– Что ж, значит, не всех чародеев извели на рдзенской земле, кто-то остался, – пробормотал Горыня.

В дверь постучали, пришли гридни, что были на пожаре. Князь пригласил их войти.

– Пока можешь привести себя в порядок, Вячко, – сказал он. – Подожди меня в горнице. Горыня, ты останься.

Куда больше княжич хотел бы уйти к себе и лечь спать,

но противиться указам отца не смел. Он прошёл в соседнюю горницу. Холоп принёс ему воды для умывания и быстро накрыл завтрак на стол. Вячко сел на лавку, облокотившись локтями на стол, заглянул в горшок, понюхал пшённую кашу, съел ложку мёда и понял, что совсем не голоден. Зато со сном бороться становилось всё сложнее, и юноша решил, что только прикроет глаза на пару мгновений, положил голову на руки и почти заснул, когда вдруг приоткрылась дверь.

В горницу через ход для слуг заглянула Добрава. Она улыбнулась, приложила палец к губам и тихо крадучись подошла к столу, села на лавку рядом, прильнула. Вячко сгрёб её в объятия, уткнулся носом в волосы, вдыхая запахи.

– Я быстро, чтобы никто не заметил, – Добрава погладила его по плечам, коснулась лица. – Какой ты чумазый, – она фыркнула будто брезгливо и поцеловала его в губы. Вячко обхватил девушку крепче. – Эй, испачкаешь меня.

Она выскользнула из его рук, встала по другую сторону стола, и Вячко протянул руку, пытаясь дотянуться.

– Я скучал.

– Я тоже, – она сжала его ладонь. – Надеюсь, теперь ты ко мне надолго.

Пальцем другой руки она макнула в мёд, слизала лакомство.

– Так ты надолго?

– Не знаю. Отец, – Вячко покосился на дверь, за которой скрывались покои князя. – Отец хочет поговорить со мной

о чём-то. Он скоро придёт.

Медленно Добрава высвободила руку.

– Не дай Создатель он нас заметит, да?

Лицо её переменялось неуловимо, глаза покрылись инеем.

– Я не это имел в виду.

– Разве? Ты же боишься, что он узнает.

– Неправда!

– Да? Тогда почему никому не говоришь о нас? Почему мы скрываемся, точно тати? Может, потому что ты княжич, а я простая девка?

Вячко сжал зубы, проговорил едва слышно:

– Не говори так.

– Не говорить что? Правду?

Она развернулась, длинная коса подпрыгнула, точно хвост у кошки.

– Добрава! – Он воскликнул слишком громко, в дверях тут же возник встревоженный холоп.

Девушка прошла мимо и скрылась в тёмном проходе.

– Уйди, – расстроенно велел Вячко холопу и опустил голову на стол. Он лгал, а она была права. Как всегда.

Ратиславия, Златоборское княжество

Ежи потёр глаза, плетясь следом за Милошем. Они долго шли по дороге, всё это время он видел перед собой спину

друга, и только когда Милош остановился на берегу реки и обернулся, то Ежи заметил, как он был бледен.

– Ты в порядке?

– Бывало хуже, особенно после того курева, что достал Часлав у бидьярцев.

Под глазами у Милоша залегли глубокие тени. Они оба почти не спали в ту ночь, опасаясь погони, и только перед самым рассветом осмелились остановиться и вздремнуть. Но даже лучины не прошло, когда Милош поднялся и решил идти дальше.

Наконец они оказались у дороги, что пролежала вдоль Звени. Узкая речушка петляла в полях, убегала далеко вперёд и сверкала в лучах рассветного солнца. При утреннем свете быстро позабылись и страх перед острыми клинками фарадалов, и страшное проклятие. Все мысли были только об отдыхе. Ежи не мог перестать зевать, ноги его заплетались.

– Хотя, знаешь, – тихо проговорил Милош, – всё же хуже мне никогда не бывало.

Он долго стоял на одном месте и тяжело дышал.

– Давай к воде сначала спустимся, – решил наконец он. – Мне нужны силы.

Ежи остановился на покато́м берегу, щурясь на солнце. Глаза болели от недосыпа, но дышалось легко, сладко. Вдали от поселений совсем не пахло ни зловониями, ни навозом. В роще пели птицы. Вокруг не было ни души. Почти не верилось, что фарадалы могли найти их в таком спокойном месте.

Хотелось прилечь на мягкой траве и заснуть крепким сном.

Милош не стал медлить и спустился к реке. Дорогие сапоги он скинул в траву, чтобы те не запылились. На песчаном берегу бросил суму на землю, стянул рубаху и штаны, сложил поверх сумы и с фырканием вошёл в холодную воду.

Ежи оставил свой мешок рядом с хозяйским и присел на траву. Вещей в дорогу они взяли мало. Милош поначалу ворчал, что он не может отправиться в путь, если с собой у него всего три сменных наряда, но идти нужно было быстро, чтобы к зиме успеть возвратиться назад, и он в конце концов сдался. Правда, сум у них всё равно было не две, а три. Третью они носили по очереди.

Ежи подскочил на месте. Третья сума! Когда Милош вернулся в фарадальский лагерь, Ежи должен был забрать их вещи с постоянного двора и ждать в бору за городом. Он взял две сумы. Две, а их должно было быть три. Он скорее открыл свою суму, проверил содержимое, заглянул внутрь второй.

Всё было не так плохо: сменная одежда, деньги и мыло с гребешком. Значит, в столице они оставили наряд Милоша, вышитый серебряной нитью, и запасные сапоги, то есть вещи в дороге бесполезные. Конечно, узнай Милош, что его платье, стоившее как добрый конь, потеряно, он бы рассердился, но Ежи надеялся, что он вообще об этом не вспомнит. Да и были у них беды посерьёзнее.

Ежи с опаской обернулся на дорогу. Уже больше седмицы они находились на землях Ратиславии. Постоянно он ловил

на себе косые взгляды, слышал злое перешёптывание за спиной. Всё, чем он отличался от местных, так это родовыми знаками на одежде и мягким говором, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя чужаком. Ему не терпелось вернуться обратно в Совин, где не было ни ратиславцев, ни фарадалов, ни других чародеев, кроме Милоша и Стжежимира, зато была надёжная стена вокруг города, привычная стряпня матери и крыша над головой.

Милош вскоре вышел на берег. Речная вода вернула ему силы. Раскрасневшийся, сбросивший всякую утреннюю сонливость, он весело прокричал:

– Ежи, полотенце!

Он вскочил с земли, прихватив полотенце и необходимые для бритья принадлежности, и поспешил к господину.

– Искупался бы, – сверкая белыми зубами, посоветовал Милош. – Я себя другим человеком почувствовал.

Ежи недовольно поглядел на неторопливые воды реки и поморщился.

– Рано ещё, она же ледяная.

– Зануда, – усмехнулся Милош. – Давай, начинай.

Ежи не обижался на приказной тон Милоша. Хотя и выросли они вместе, а всё же лежала между ними огромная пропасть. Милоша взял к себе в обучение королевский целитель, а Ежи был сыном кухарки, которая служила в доме. И доля у них была разная: слуги и его господина.

После купания Милош взбодрился, краски вернулись его

лицу, и Ежи стало казаться, что проклятие его вовсе не беспокоило, а может, и совсем прошло.

– Как нога? – осторожно спросил Ежи.

Милош пожал плечами, откинув голову назад. Изумрудная серьга в левом ухе сверкала на солнце, переливаясь зелёным.

– Пока не болит.

– Ты смотрел? Пятно растёт?

Милош только поморщился недовольно.

– Вода помогла на время. Будет хуже – ещё откуда-нибудь потяну силу. Главное – дотянуть до Великого леса, а уж там наверняка найду средство посильнее.

– Давай всё же посмотрим, как нога, – упрямо попросил Ежи.

– Что на неё смотреть? – разозлился Милош. – Из нас двоих на целителя учился я, и я тебе точно говорю: ни одно лекарство это проклятие не снимет. Это заклятие, и я понятия не имею, как от него избавиться. Но в Великом лесу что-то должно быть. Что-то обязательно осталось от Златы. Если я смогу туда попасть, то всё пойму. Стжежимир научил меня, что искать.

– А что нужно искать? – Ежи перестал дышать. Они шли уже больше седмицы, преодолели много вёрст, а он до сих пор не знал, зачем Стжежимир послал их в Великий лес.

Милош провёл пятернёй по светлым волосам, взъерошив непослушные пряди.

– Всё тебе расскажи, – весело усмехнулся он.

Ежи хотел обидеться, но не получилось. Он был всего лишь слугой Милоша, тот имел право хранить тайны, особенно если они касались чародейских дел.

– А что с фарададьским чудом? Что это такое?

Ларец они больше не открывали и даже не вынимали из сумы. Крик и яркий свет могли привлечь внимание не только фарадалов, но и княжеского дозора или разбойников.

Милош прищурился, глядя на солнце.

– Без понятия, что с фарададьским чудом, Ежи. Покажу его Стжежимиру, он может знать больше, но это точно что-то ценное. Я чувствую его силу, такое сложно объяснить.

Он помолчал.

– Слишком много тайн для тебя, а, Ежи?.. знаешь, я подумал, что сегодня хочу надеть серое платье с серебряной вышивкой. Доставай.

Под ложечкой у Ежи засосало.

– Понимаешь, тут такое дело...

Ратиславия, Златоборск

Вячко проснулся оттого, что кто-то был рядом. Вскинул голову и увидел отца. Напротив за стол присел Горыня.

– Устал? – понимающе улыбнулся князь, на что Вячко смог только кивнуть. Отец хлопнул в ладоши. – Млад, неси нам всем обед.

Холоп выскочил из-за двери, поклонился и убежал прочь выполнять приказ.

– Уже обед? – сонно спросил Вячко, протирая глаза. – Это сколько же я проспал?

– Достаточно, чтобы мы узнали больше о нашем рдзенском госте.

– Что с ним?

– Давай отобедаем сначала.

Со стола убрали остывшую кашу, вместо неё принесли горячих щей, свежего хлеба и пирогов, жареных перепелов и разных солений. Вячко тут же позабыл и про фарадалов, и про рдзенца. Ел он за обе щеки. В дозоре редко удавалось приготовить горячий обед, а иногда и вовсе целый день приходилось ходить с пустым животом.

Разговаривать во время еды отец не любил, Вячко и Горыня знали об этом и молчали, пока Млад не убрал все блюда со стола. Тогда Великий князь вернулся к делам.

– Как оказалось, этот рдзенец не простой человек. Хозяин постоянного двора в посаде пожаловался страже, что гости его пропали, не заплатив. Рдзенец так торопился, что забыл свои вещи, среди них нашлась именная грамота на пересечение границы. Звать его Милош и он числится учеником при целителе короля Властимира.

Вячко помрачнел.

– Значит...

– Не всех чародеев Совиной башни успел потравить Ча-

слав Прихвостень, — в задумчивости отец прокрутил перстень на пальце. — Видимо, его сын втайне от Лойтурии держит при себе чародеев и одного из них отправил в Ратиславию. Как думаешь, куда именно?

Ответ пришёл сразу:

— В Великий лес.

Никто не входил туда с тех пор, как погибла княгиня Злата. Никто, кроме неё, не смел встретиться с Хозяином леса.

— И где теперь этот рдзенец?

— Сбежал из города, скорее всего, — уверенно сказал Горыня. — Я велю искать его в столице, но уверен, что он уже на восточном тракте.

— Думаешь, он замышляет недоброе?

— Были ли времена, когда рдзенцы замышляли добро? — невесело произнёс отец. — Боюсь, Вячко, не просто так король Властимир вновь собирает вокруг себя чародеев. Этот Милош скорее всего ищет силы Златы. Мне уже не первый месяц доносят, что король Властимир готовится к войне, а против кого она будет — не сложная загадка.

— Неужели лойтурцы не знают про чародеев? — усомнился Горыня.

— Лойтурцы уже не раз использовали их ради их же истребления. Не удивлюсь, если они закрыли глаза на всё, чтобы добраться до нас. А может, Властимир решил избавиться от Охотников? Кто знает? Ясно только, что нельзя допустить новой войны.

От одного-единственного слова повеяло холодом. Вячко родился в год, когда Ратиславия и Рдзения заключили мир, но впитал горечь потери с материнским молоком, с песнями няньки.

Мстислав склонил в задумчивости голову. Его длинные кудрявые волосы, когда-то рыжие, как у младшего сына, были полны седины.

– Я не могу просить о том никого, кроме моих сыновей, Вячко. Простого человека леший не пропустит, но внука Златы может, – отец выглядел виноватым. – Ярополк и Мечислав далеко, и кроме тебя пойти некому. Твоя бабка завещала не пускать никого к её избушке в Великом лесу, значит, так надо. Там хранятся тайны, которые могут навредить всем нам, и лучше им оставаться никем не найденными.

Вячко послушно кивнул. Он не хотел так быстро уезжать из дома, он нуждался в отдыхе и в Добраве. Но это не имело значения. Мстислав мог казаться мягким и спокойным, но его просьбы стоило понимать как приказы, а спорить с ним было бесполезно.

«К тому же если я приведу отцу рдзенца, он может передумать по поводу Добравы».

Пока даже заговаривать с отцом о ней не стоило, и Вячко вместо этого спросил:

– Есть ли новости от братьев?

Мстислав похлопал его по плечу и поднялся.

– Сегодня гонец принёс вести от Мечислава, – сказал он. –

Но об этом мы поговорим, когда ты вернёшься с рдзенцем. Ничто не должно отвлекать тебя от цели.

Ратиславия, Златоборское княжество

Ловко вспрыгнула Дара на камни, взобралась повыше и встала босыми ногами на лопасти мельничного колеса, задавая его ход. Вода полилась в карманы, потянула колесо вниз, и оно заработало с тихим скрипом. Задышала вся мельница. Позеленевшие от воды и времени лопасти скользили под ногами, но Дара легко держала равновесие.

Из-под колеса с гневным бульканьем выплыл водяной. Он сердито взглянул на девушку, а она лишь весело усмехнулась и показала ему язык.

– Я тебе говорила там не спать.

Водяной возмущённо промолчал и пропал, ныряя глубже.

– Дарка, чего возишься? Давай сюда скорее! – прикрикнул отец.

Девушка откинула тёмные косы за плечи, пробежалась по краешку потока, спрыгнула на землю и подлетела стрелой к дверям. Молчан к тому времени уже затащил внутрь мельницы все мешки и привязал первый из них к верёвке.

– Иди наверх, – велел он.

Дара проворно взлетела по лестенке под самую крышу.

Ей несложно было поднять тяжёлый мешок на самый верх и высыпать зерно в жёлоб. Она привыкла к труду, с тех пор

как дед повредил ногу. Да и лучше было поработать на мельнице, чем остаться готовить поминальный обед вместе с махей. Ждана с утра была не в духе.

За две лучины они с отцом управились со всеми мешками. Молчан хмуро оглядел дочь, завязывая мешки с мукой.

– Богдан вас подвезёт до Мирной. Продашь там остатки ржи, ясно? А пока идите искупайтесь с Вёской. Как раз успеете себя в порядок привести, когда всё зерно перемелется.

Такой удачи она и не ждала. Мыслями Дара уже была на берегу реки, но всё же заставила себя спросить:

– Разве нам не стоит остаться к обеду? Поминки всё-таки...

– Иди, – хмуро велел отец. – Ждане без тебя лучше будет.

Глупо было медлить и переспрашивать, Молчан мог и передумать. Дара нырнула кошкой к лестнице, слетела по ступенькам вниз. Когда оставалось до пола ступенек пять, она оттолкнулась и прыгнула, приземлилась с чудовищным грохотом. Сердце ухнуло в пятки. Отец перевесился через перила:

– Ноги переломаешь!

Но Дара уже выбежала на улицу и понеслась к дому. На завалинке сидел Старый Барсук. Хитро засверкали его глаза, когда он заметил внучку.

– Это ты к Богдану, что ль, так спешишь? – лукаво спросил он.

– Ещё чего, – хмыкнула Дара. Она остановилась, нарочно присела рядом с Барсуком. – Не заслужил он, чтоб я так к нему бегала.

– Эх, коза, – протянул ворчливо дед, а у самого улыбка не сходила с губ. – Так и проскачешь всю жизнь одна-одинёшенька.

– Невелика беда, – она чмокнула его в сухую колючую щёку. – Не оставляю же я тебя одного. – Дара прильнула к плечу старика, он был рад её ласке. – Что Веся делает? Отец разрешил нам в Мирную пойти на ярмарку, только к речке сбегает, искупаемся.

– Они с матерью обед готовят. Не отпустит, наверное. Гости придут, угощать чем-то надобно.

– Если отец разрешил, Ждана спорить не будет.

Дара чуть скривилась, поправляя рубаху. Дед покосился на неё.

– К слову, Дарка, я всё видел, – произнёс он с неодобрением. – Сколько раз просил, чтобы ты не разговаривала с водяным?

Она выпрямилась невольно, готовая сорваться с места.

– Ты и сам говоришь с ним, когда по весне мельницу запускаешь. И перед рыбалкой дары ему приносишь.

– Дара, он мне никогда не отвечает.

Голос его переменялся, дед больше не шутил.

– Ты знаешь, что тебе нельзя...

Слова вырвались со злостью:

– Я не смогу, даже если очень захочу.

– Это для твоего же блага...

Она понимала, только глаза застилала старая обида, она была как корка на заживающей ране, которую Дара постоянно расчёсывала до самой крови.

Не желая наговорить Барсуку ещё больше гадких слов, она поднялась и поскорее ушла в дом.

Было душно, хотя и распахнули нараспашку двери и ставни. Богдан, который ещё рано утром привёз зерно на помол, сидел за столом, пил квас. Он не поднялся и не сказал Даре ни слова, но посмотрел так пронзительно, что все его мысли можно было прочесть по глазам. Дара отвела взгляд.

– Что ты так быстро? – удивилась Ждана.

Мачеха стояла у печи, круглое лицо её покраснелось от жара. Блины шипели так призывно, что Даре сразу захотелось есть. Веся прибиралась в доме, готовила всё к приходу гостей. Она то и дело поглядывала то на Богдана, то на старшую сестру, но молчала. Только кончик её веснушчатого носа шевелился от любопытства.

– Отец сказал, что мы с Весняной можем идти сегодня в Мирную, а сейчас на речку. Богдан, – холодно позвала Дара. – Ты не подвезёшь нас с Весей до Мирной?

– С удовольствием, – парень не сдержал улыбки.

Ждана была недовольна. Щи к обеду отстаивались уже пару дней, блины она могла напечь сама, но нехорошо было единственной родной дочери уходить с поминок.

– Сказал он, – буркнула мачеха. – А помогать мне кто будет?

Весья, с надеждой посматривая на сестру, продолжила наводить порядок, хотя и так всё вокруг блестело чистотой. Мачеха сердито загремела посудой.

Воздух в избе раскалился, и даже домовый чуть слышно запыхтел в углу, задыхаясь от жара. Из открытого окна было слышно, как скрипело мельничное колесо.

Все притихли, ожидая решения Жданы. Наконец она вздохнула недовольно и махнула рукой:

– Идите.

Сёстры не стали медлить, мигом выскочили из дома, как будто вся лесная нечисть гналась за ними, пролетели по двору и выбежали на дорогу к полям.

Они купались всегда выше по реке, почти у самого Великого леса, где на солнечном берегу хорошо было развалиться на сочной зелёной травке, а в неглубоких водах Звени мельтешили рыбки. От мельницы идти было недалеко, стоило только минут небольшую рощу, и с высокого холма открывался обзор на извилистую речушку, далёкие поля гречихи, а ещё дальше зелёные засева пшеницы. Каждый раз, когда Дара взбиралась на этот холм, думалось ей отчего-то, что именно на этом месте из Великого леса вышли рука об руку князь Ярополк Змееборец и его будущая жена ведьма Злата. Но на этот раз задерживаться на холме времени не было.

Они не останавливались и молчали, пока не добрались до самой реки, только широко улыбались и тяжело дышали от бега. Трава колола голые ноги, залезала под юбки, и потому ещё быстрее, ещё выше подскакивали девушки.

Редко кто бывал в их заветном местечке у реки. Деревенские ходили в лес другой дорогой и купались ближе к старой запруде у сгоревшей мельницы. Поэтому без стыда и страха девушки скинули свои одежды. Дара тут же с визгом и фырканием влетела в воду, не раздумывая, нырнула с головой. Веся заколола медовую косу повыше и медленно, с наслаждением вошла в реку.

– Дарка, – сказала она, когда сестра вынырнула рядом, отплёвываясь. – Теперь ведь не обсохнешь.

– Успею, – и она ударила ладонью по воде, окатив сестру волной брызг.

– Дара! – возмущённо воскликнула Веся, но та только громко захохотала.

Дара оттолкнулась ото дна и поплыла, чувствуя, как касаются её ног водоросли и стебли кувшинок, как оплетают, норовя утянуть, но она сбрасывала их и плыла дальше. Как же хорошо было, как блаженно. Наверное, такого счастья не знали даже на Благословенных островах.

Она слушала сладкий плеск воды и представляла себе дальние дивные земли Империи, когда заметила вдруг, как блестели два жабьих глаза среди камышей, как жадно наблюдали они за Весей, выбравшейся уже на берег и подставив-

шей солнцу своё стройное тело.

В груди у Дары зарычало что-то, заскребло острыми когтями. Она отплыла чуть в сторону и вытащила небольшую почерневшую корягу, застрявшую в траве у берега. Пригляделась, убедилась, что водяной не смотрит на неё, прицелилась и бросила.

Водяной со злобным вскриком ушёл под воду, и Дара прыснула от смеха. Дух слишком любил подглядывать за девками, и хорошо ещё, если держался в стороне.

– Ты чего кидаешься? – удивилась Веся.

– Показалось что уж в воде, – Дара выбралась на берег и откинула косы за спину. Вода стекала с её тела на землю.

– Вот и не трогай его. Что он тебе сделает? – лениво протянула сестра. – Ай, не ложись рядом, ты вся мокрая.

Дара присела в стороне на траве, откинула голову назад, щурясь на солнце. На иве у воды она заметила первые жёлтые листья. Лето только началось, а осень уже грозила им увяданием и скорыми морозами.

Следующей весной должен был прийти срок для Весняны, когда к юной девушке приходят сваты.

– Неужели это всё когда-нибудь закончится? – проговорила тихо Дара.

– Что? Лето?

– Нет, – она прикусила губу, но всё-таки произнесла слова, которые долго боялась сказать сестре. – Вот выйдешь ты замуж, и останусь я здесь совсем одна.

– Так ты тоже замуж выйдешь.

Дара усмехнулась:

– С моим-то нравом кто такую жену захочет?

– Богдан, например, – Веся перевернулась на живот, положила голову на руки и прикрыла глаза. Веснушчатый нос чуть морщился.

– Родители ему не позволят. Я ведьма.

– Ты не ведьма, – возмутилась Веся. – Ты же ничего не можешь.

– Но все знают, что моя мать ведьма, а это то же самое, – упрямо возразила Дара. – Да и не в этом дело. Нет ничего хорошего для меня в такой жизни. Ты – другое дело. Ты добрая, смирная, как раз для семьи и созданная. А я...

Веся приподнялась, прислушиваясь к сестре и пытаясь заглянуть ей в глаза.

– О чём ты?

– Ты сама понимаешь. – Они долго смотрели друг на друга и без слов разговаривали.

Существовало что-то, что было не объяснить словами. Веся погрустнела, кивнула так же молча, согласилась с тем, чего Дара не сказала.

– Я раньше всё мать свою ждала, – призналась Дара. Никогда прежде она этого вслух не произносила, хотя столько всего они с Весей друг другу сказали, о чём только не шептались порой до поздней ночи, лёжа рядышком. – Но теперь мне ясно, что никогда я её не увижу.

– Ты не думай, она тебя не бросила. Случилось, наверное, что. Охотники тогда повсюду были...

– Наверное, – Дара сама в это не очень верила.

Дома редко говорили о её матери. Один только Старый Барсук рассказал по секрету, что однажды чародейка принесла из Великого леса на мельницу младенца, дочь Молчана, и ушла в тот же день, сказав только, что нарекла девочку Дариной и та унаследовала ведьмовскую силу своей матери.

– Понимаешь, когда я ребёнком ещё была, – продолжила Дара, – то всё представляла, что вернётся за мной мать, заберёт с собой, и стану я чародейкой. Ты только представь, никто бы мне был не указ. А жизнь – сплошные приключения, как в сказках, что дед рассказывает.

– Если бы ты была чародейкой и отправилась за приключениями, то мы бы точно с тобой никогда больше не увиделись, – сказала Веся. – А ещё Охотники попытались бы тебя сжечь на костре. Я слышала от брата Лаврентия, что в Рдзении до сих пор преследуют ведьм. На мельнице тебе безопаснее всего.

Дара посмотрела на сестру, лицо её смягчилось.

– Ты права. Поэтому я больше и не мечтаю об этом. Теперь мне страшно даже подумать, что наша жизнь может измениться. Эх, Веська, может, ты тоже никогда не выйдешь замуж? Будем жить двумя старыми девами, мельницей управлять, в речке купаться...

– Не сможем мы в старости работать на мельнице, – се-

рьёзно сказала Веся, подползла по траве поближе и слегка прижалась затылком к плечу сестры. – Дед теперь только корову пасти может, ни на что другое сил не хватает. Поэтому в семье мужчина нужен, наследник. Но ты не думай, я тебя не брошу. Если замуж не выйдешь, будешь помогать мне деток воспитывать.

– Ох, я их воспитаю, – прошептала Дара с шутливой угрозой.

Она откинула голову назад, прикрыла глаза. Мир вокруг дышал блаженно, мирно. Трава щекотала голую кожу, холодные капли стекали по шее к груди, солнце целовало обнажённое тело жарко и страстно. Шелестела листва над головой, и шептала вода в реке. Ласковый ветер подул на впалый живот, пробежал по ногам и устремился дальше.

Клонило в сон. Дара была бы не прочь задремать. При свете дня ей никогда не снились страшные сны. Они преследовали её только по ночам, когда Навь становилась ближе к людскому миру.

Сверху блеснуло ярко золотом.

Дара распахнула глаза и резко присела, опираясь на локти. Она знала этот свет, видела его раньше, но только у духов и деревенского колдуна.

– Что? – сонно спросила Весняна.

Над соседним берегом низко кружил сокол, но больше вокруг никого не было. Ни души.

– Ничего, – помотала головой Дара. – Почудилось.

Она хотела в это верить.

Глава 2

*Как шумит колючий ельник,
Плачет в ельнике сова,
Как зерно стонувший мельник
Подсыпает в жернова!..*

Сергей Клычков

Ратиславия, Златоборское княжество

До Мирной добрались уже к обеду, когда солнце пекло невыносимо жарко, а Дара от зноя стала злой и ворчливой. Пока Веся благодарила Богдана за помощь и приглашала быть к вечеру в Заречье, Дара потащила мешок к торговым рядам. Она отошла уже почти на саженей тридцать, когда не выдержала, бросила мешок на землю и вернулась за сестрой. Богдан молча и мрачно наблюдал, как Дара всучила второй мешок Весе и повела её к площади.

– Дара, нельзя так, – с укором сказала Веся.

– Что нельзя? С ухажёрами родной сестры заигрывать?

– Так он же тебе не нравится.

– И тебе тоже.

– Но с человеком нужно по-доброму, он нам помог.

Дара хмыкнула, отпустила руку Веси и подняла свой ме-

шок с земли. Она сама не понимала, за что рассердилась на Богдана, но часто вела себя так грубо и чёрство с ним. Хуже всего было, что Богдан всё сносил молча, только в светлых глазах читалась обида. Его смирение ещё больше подстёгивало говорить колкости.

Может, не зря все в округе считали Дару ведьмой? Ведь одно дело кровь, а другое душа. Её душа была тёмная, глубокая, что вода под мельничным колесом. Не зря её любили духи и бесы.

Покупателей на ярмарке осталось немного, всех разогнал полуденный зной. Веся помогла Даре донести мешок в хлебный ряд и отправилась искать иглы и нити для шитья, которые наказала купить Ждана.

Дара выставила перед собой мешки, один развязала, чтобы показать товар. Зазывать покупателей было лень. Солнце палило яростно, даже влажные после купания косы почти высохли.

– Свежий хлеб! – доносилось со всех сторон.

– Рожь! Дешевле не найдёшь! Рожь!

Скоро ярмарка стала Даре не в радость. Было жарко и душно, люди кричали, ругались, спорили, и от их криков разболелась голова. Время от времени Дара тоже пыталась зазывать покупателей, но делала это неохотно и тихо.

В хлебный ряд зашла лоточница с лентами. Она заметила, как Дара вытягивала шею, пытаясь разглядеть её товар, и подошла ближе.

– Шёлк из самой Империи, – похвасталась торговка. – Нигде, кроме Айоса, не делают такой.

В глаза сразу бросилась зелёная лента для волос, и Дара от обиды скривила рот. Товар, привезённый из Империи, стоил в три раза дороже, чем любой другой, но девушка не смогла оторвать глаз от лотка. Протянула руку, погладила шёлк, пропустила между пальцев. Лента бы подошла к её понёве, та была зелёной, как хвойный лес хмурым утром.

– Как тебе подходит, прям к наряду, – заметила торговка.

– Да, красивая. Но, верно, дорогая?

– Так красота для молодой девки дороже.

– Давай я подарю тебе эту ленту, душа моя, – вдруг прошептал мужской голос у самого уха.

Дара обернулась и чуть не отскочила в сторону.

Перед ней стоял высокий юноша. Светлые волосы свисали на лоб, в ухе болталась – вот диво – изумрудная серьга, а красивые, слишком пухлые для мужчины губы изогнулись в улыбке. Он был одет как никто другой на ярмарке: в кожаные сапоги и яркий зелёный плащ. Дара смутилась и едва смогла ответить:

– Не нужно.

– Отчего нет? Мне не жалко для тебя, – его голос был приятный, нежный и шептал по-особому мягко. Никто так не говорил у них в деревне.

– Мне не нужны подарки от незнакомцев, – Дара невольно попятилась. Он стоял слишком близко.

– Так мы познакомимся, – прошептал юноша ещё нежнее. – Я Милош. А тебя как звать, душа моя?

Дара скривила губы. Она наконец распознала этот говор: так по-змеиному шептали всегда рдзенцы. И вышивка на его одежде тоже была нездешней, чужой.

Торговка чуть не перевернула лоток, подслушивая их разговор.

– Как родители нарекли, так и звать, да не твоего это ума дело, – Дара бросила небрежно ленту и попятилась от торговли и рдзенца.

Ещё не хватало, чтобы местные увидели её рядом с ним! Ратиславцы не забыли обиду, нанесённую соседями. Помнили они и все войны, и коварное убийство князя с княгиней. Может, в лицо рдзенцам не плевали при встрече, но ненависть к ним не утихла.

Дара вернулась к своим мешкам, села на один из них, другой выдвинула перед собой, чтобы никто не подошёл близко.

Но Милош не отставал.

– Какая ты сердитая. Со всеми такая недружелюбная или я чем не угодил?

– Со всеми, кто ведёт себя бесстыдно и ерунду всякую мелет.

Дара пыталась отыскать взглядом сестру, но нигде её не видела. А рдзенец всё не сдавался.

– Для деревенской девки ты слишком заносчива.

– Для рдзенского пса ты предсказуемо брехлив.

Торговка лентами втиснулась между Милошем и мешком.

– Так что, купишь для девицы подарок? Она сразу ласковее с тобой станет. Шёлк с самого Айоса.

– Я скорее удавлюсь, – процедила Дара, но этого никто не услышал.

С досадой, как на муху, рдзенец посмотрел на торговку и неохотно перевёл взгляд на лоток. Взглянул мельком и выгнул левую бровь, усмехаясь.

– Это, по-твоему, имперский шёлк? – Он брезгливо кончиками пальцев поднял ленту.

Губы женщины дрогнули от обиды.

– А как же?

Милош закатил глаза и распахнул полы плаща, чуть одёргивая рубаху.

– Вот это имперский шёлк, а то, что ты за него выдаёшь, – дешёвка для кметов.

– Ах ты, псина рдзенская! – взвизгнула торговка. – Сейчас как позову старосту, он с тобой разберётся. Ишь, на честных людей напраслину возводить.

– Как бы тебя, курва, саму в поруб не посадили за то, что людей дуришь, – зашипел совсем по-змеиному Милош. – Врать хотя бы научись. Шёлк на Айосе никогда не делали, его везут с Ауфовоса.

Весь хлебный ряд притих, наблюдая за ними. Дара едва сдержалась, чтобы не засмеяться в голос.

Со злостью торговка плюнула Милошу под ноги, толкнула

лотком в грудь и развернулась.

Торговый ряд взорвался от смеха. Кто-то пристыдил торговку, другие пригрозили рдзенцу. Никто не промолчал. Женщина с лентами перехватила покрепче лоток и пошла скорее прочь. Милош остался стоять с невозмутимым видом. Постепенно шум затих, и каждый занялся своим делом.

Рдзенец отряхнул плащ, поправил рукава и снова вспомнил про Дару.

– Так что, поговорим? – спросил он на этот раз без притворной улыбки. Напротив, губы его были поджаты, как у капризного ребёнка.

– Не о чем мне с тобой говорить, – пожала плечами Дара. Она бы ушла, только зерно до сих пор не было продано.

Милош перешагнул через мешок и схватил Дару за локоть, заставил привстать. В хлебном ряду вдруг все замолчали. Дара уставилась в глаза Милошу. Они у него были большие, как блюдца, зелёные, точно трава весной, затягивали вглубь ниже, дальше. Изумрудная серьга болталась в ухе, сверкая на солнце. Всё вокруг рдзенца рябило, мелькало, искрило. Дара заморгала, голова её закружилась.

Она вырвала руку и попятилась.

– Ещё раз меня тронешь...

– И ничего ты мне не сделаешь, – вдруг мрачно сказал Милош, и ни следа нежности не осталось в голосе. – Хватит прикидываться. Я знаю, кто ты такая.

Дара с удивлением взглянула на него и неожиданно, при-

смотревшись, увидела всё яснее ясного. В груди Милоша бился огонь. Яркий, тёплый, манящий.

– Ты...

– Да, такой же, как ты, – негромко проговорил он.

Дара оглянулась в ужасе по сторонам, испугавшись, что их могли услышать. Все вокруг поглядывали с любопытством.

– Неправда, я не ведьма.

– Тогда как ты догадалась, что я чародей? – Между бровями рдзенца залегла морщина.

– У нас в Заречье все такое замечают, – как можно беспечнее ответила Дара.

– Но не все умеют видеть водяных духов, – возразил Милош и в ответ на её испуганный взгляд добавил: – Я наблюдал за тобой у реки.

Она забыла, как дышать.

– Что тебе нужно?

Милош задумчиво оглядел её с головы до ног.

– Я ищу хату лесной ведьмы, – негромко сказал он. – Ты мне поможешь?

– Нет. Я не знаю, где она.

– Но ты же ведьма, тем более местная. Леший должен знать тебя. Если ты попросишь его провести нас...

– Я не занимаюсь ведьмовством, – сердито перебила Дара. – И тебе не советую. Это запрещено, а у вас в Рдзении так и подавно. Так что даже не заговаривай со мной больше. Иди куда шёл и меня в свои дела не впутывай.

– Я заплачу...

– Мне ничего от тебя не нужно.

Милош не уходил, и Дара разочарованно вздохнула. После всего случившегося точно никто не захотел бы купить у неё зерно. Она присела, завязала мешок, перекинула его через плечо, а другой поволокла по земле. Рдзенец шагнул в сторону, пропуская её.

– Ещё поговорим...

Дара притворилась, что не услышала ни его, ни смешки, доносившиеся со всех сторон. Никогда она так сильно не желала, чтобы рядом оказался Богдан или хотя бы сестра.

«Где её носит?»

Пот стекал по лицу, пока Дара тащила мешки с площади. Она не разбирала дороги, пробираясь через толпу, распихивала людей локтями, сама получала толчки. Кто-то обругал её громко вслед, но девушка даже не обернулась. И когда уже увидела мост у реки, она вдруг врезалась кому-то прямо в грудь.

Это был Тавруй. Он придержал её за локоть, уставившись не мигая, точно филин, своими чёрными глазами. Старое клеймо на лбу горело так ярко, будто его поставили меньше лучины назад. От страха и отвращения скрутило живот. Дара вырвала руку.

– Не трогай.

Сердце в груди билось, жгло, прямо там, где нарисовал узор Тавруй. Там, где он запер её силу.

Тавруй промолчал, отступил в сторону, уступая дорогу. Если бы Дара могла, она бы побежала. Но мешки мешали ей, как камень на шее утопленника. В отчаянии она доволокла их до стены храма и села в тени прямо на мешок. Руки дрожали от усталости и ужаса, а глаза наполнились слезами. Дара заморгала, больше всего на свете испугавшись, что она расплатится при всех.

Чародей знал, что она ведьма. Он видел её. Что, если он кому-то расскажет?

Все на площади поняли, кем был Милош. Так уж вышло, что на берегу реки Звени, которая брала начало в Великом лесу, жили люди прозорливые, догадливые и склонные к ворожбе. Гадания всегда сбывались у девок из Заречья, а любая старуха в Мирной могла нашептать хворому на ухо заговор, и тот выздоравливал на следующее утро. Для таких дел не нужно было родиться ведьмой, но и ведьму жители Заречья всегда легко определяли.

Одно случайное слово, и донесётся весть до чужих ушей. Всю жизнь Дара жила в страхе, что её найдут Охотники и сожгут за колдовство. В Заречье чтили чародеев, а уж дочку мельника и подавно не трогали, но что, если случайно прознают о её силе заезжие торговцы?

– Да озарит Создатель твой путь, Дарина, – раздался знакомый голос. Так чудно тянул звуки только один человек в деревне.

Пыля длинными чёрными полами одежды, к храму подо-

шёл Брат Лаврентий. На груди его раскачивался круглый золотой сол.

Дара неохотно поднялась и поклонилась Пресветлому Брату, как тому учили с детства.

– Да не опалит он тебя, – она ждала, что Лаврентий заговорит с ней нравоучительно, устыдит, что её семья давно не была в храме, но она ошиблась.

– Что говорил с тебя рдзенец? – поинтересовался Лаврентий, от волнения он совсем, кажется, позабыл ратиславский язык.

Даже Пресветлый Брат успел прознать про Милоша. Дара едва сдержалась, чтобы не ругнуться.

– Ничего умного не говорил. Просто красовался перед деревенской девушкой, – она усмехнулась, но и на этот раз Лаврентий не пристыдил её за поведение. Выглядел он на редкость обеспокоенным.

– Я слышать, как он расспрашивал о тебе людей.

– Обо мне?

– Спрашивать о дочке мельника. Люди сказали, что вы две, он уточнил, что ему нужен с тёмный волос. Дарина, – Лаврентий подошёл чуть ближе. Был он мужчиной невысоким, пузатым и смотрел на девушку снизу вверх. – Если этот рдзенец узнает о твоих... о твоём происхождении, быть беде. Ты знаешь, как заведено в Рдзении. Они жгут всех, кто есть как ты.

Брат Лаврентий жил в Мирной не больше пятнадцати лет,

и воды реки его не изменили, но местные нравы куда надёжнее успели перековать его сердце. На родных ему Благословенных островах девушку казнили бы просто потому, что мать её была ведьмой. Дара растерялась от неожиданной заботы.

– Спасибо за предупреждение, брат Лаврентий. Я буду осторожна.

Пресветлый Брат выглядел довольным, вдруг приосанился, принял важный вид, и Дара догадалась, что он в который раз заведёт разговор о замужестве.

– Меня, Дарина, очень беспокоит твой судьба. Ты скоро встретишь восемнадцатую зиму.

– Встречу, – обречённо вздохнула Дара, вертя головой.

Ей ужасно хотелось поскорее уйти, но она знала, что это невозможно. Убегти она сейчас, так Пресветлый Брат не поленился бы дойти до мельницы, чтобы отчитать отца и матею за дурное воспитание дочерей.

Лаврентий меж тем не замолкал:

– Юную девушку всегда украшает скромность. Я вижу, у тебя доброе сердце, Дарина, но тёмные помыслы. Нельзя молодой деве гулять по ночам с мужчиной.

Настроение у Дары быстро переменялось, и она, ничуть не скрывая своего недовольства, хмуро слушала Пресветлого Брата. Можно было только догадываться, когда он успел проследить за ней с Богданом или кто донёс ему сплетни.

– Лавруша, сокол мой, ты что ж пропал? – точно из ниот-

куда рядом с храмом появилась жена Лаврентия Мила.

Дара вздохнула с облегчением. Мила не замолкала ни на мгновение:

– Я Сеньку за тобой послала, а он тоже куда-то подевался, – тараторила она. – Ой, Дарка, здравствуй, – её острый глаз тут же подметил всё вокруг. Так же быстро Мила сообщала, когда жена Лаврентия, с которой он приехал с островов, умерла. Не успел вдовец опомниться, как снова оказался женат. – Что это у тебя за мешки?

– Остатки ржи. Отец велел продать.

– Почём?

Дара вздохнула с облегчением. Хотя что-то в этот день пошло правильно. Они с Милой быстро договорились о цене, и брат Лаврентий взвалил мешки на себя, а его жена, довольная сделкой, расплылась в улыбке.

– Скажи отцу, что мы завтра зерно привезём с утра, – предупредила Дару Мила. – Мука нужна, а то я совсем забежалась, забылась. Тут смотрю, а муки дома и нет почти. Вручную-то столько не перемолоть.

Не замолкая ни на мгновение, она утащила своего мужа обратно к ярмарочной площади, а Дара посмотрела им вслед и решила, что нужно было скорее найти сестру и уходить из деревни.

Бредя по дороге от Мирной к Заречью, Милош хмурился, а Ежи, которому он по глупости своей рассказал о дочке мельника, не прекращал улыбаться.

– Ну ты даёшь.

– Что такого?

– Тебе дала от ворот поворот какая-то кметка.

– В том-то и дело, что кметка. Я расслабился, думал, они все недалёкие.

– Но эта-то ведьма, – напомнил Ежи.

– Ведьма, – задумчиво согласился Милош.

С самой Хмельной ночи он не встречал других чародеев, кроме Стжежимира, но стоило пересечь рдзенскую границу, как сначала он столкнулся с фарадалами, а после с деревенской ведьмой. Милош знал, что в Ратиславии колдунов не преследовали, пусть на словах князь Мстислав клялся и боялся, что запретил чародейство во всех своих землях. И всё же встретить людей, подобных себе, носивших ту же силу, что и он, было сродни чуду. Кто мог представить, что тогда ждало его в Великом лесу? Кто ещё из волхвов и чародеев остался в ратиславских княжествах?

– Какова она хоть? – полюбопытствовал Ежи.

Милош не сразу сообразил, что речь шла о Даре.

Впервые он увидел её случайно. Обернулся соколом, об-

летел округу, изучая земли возле Великого леса, и вдруг заметил острым птичьим взором золотой огонь на берегу извилистой речки.

Там купались две девушки. Беззаботные, молодые, нагие. У одной из них в груди пылало колдовское пламя. Милош смотрел на неё как зачарованный и не мог поверить увиденному. Чародейка, настоящая чародейка. Как он. И жила она на самом краю Великого леса. Большой удачей и представить было невозможно.

Узнать имя ведьмы оказалось легко. Недалеко от берега стояла мельница, у её хозяина было всего две дочери, старшую из них – чернобровую, неприветливую – звали Дарина.

– Она неплоха, – задумчиво произнёс Милош, а потом добавил: – Встречал и получше. А эта больно злобная.

– Наверное, испугалась, что тебя Охотники заслали.

– Она поняла, что я чародей.

– Говорят, Охотники раньше нанимали чародеев, чтобы те втирались в доверие к другим и выманивали их прямо в лапы к Охотникам.

Милош задумался над его словами и, не заметив камень на дороге, споткнулся. Левая нога отозвалась пронзительной болью, и он прорычал сквозь плотно стиснутые зубы:

– Ку-урва!

Нога задёргалась от судороги, и Милош не удержался, упал на дорогу. Ежи присел рядом, весь побледнев от беспокойства и собственной беспомощности.

– Очень больно?

– Нет, твою мать, Ежи! – вспыхнул Милош. – Не больно!
Друг надулся от обиды, но смолчал.

Боль в ноге постепенно затихала.

У Милоша получилось замедлить проклятие. Он взял силы у реки, после у курицы, которую купил на торговой площади, но этого всё равно было недостаточно. Проклятие не исчезло, не ослабло, только замедлилось. Милош никогда не видел подобных чар, он не знал, как их снять. Но в Великом лесу обязательно должно было быть что-то сильнее фарадальского колдовства.

Только пройти через Великий лес вряд ли было легко. Навьи духи и дикие звери опасны даже для опытного путешественника, что стоило говорить о городском целителе и его слуге? Нужен был проводник. И Милошу с трудом верилось, что деревенская ведьма не могла договориться с лешим, чтобы тот провёл потайными тропами прямо к жилищу лесной ведьмы.

Селяне рассказали про Дару всё.

– Ещё у неё есть сестра, – задумчиво припомнил Милош.

– Хорошенькая?

– Тебя что-нибудь ещё кроме этого интересует?

Ежи смутился, забубнил что-то себе под нос. Милош хмыкнул.

– Хорошенькая, – подтвердил он. – Думаю, стоит и с ней познакомиться.

Сумрак опустился на Заречье. Задорно запели девушки в деревне. Дара слушала их краем уха, а сама вглядывалась в тёмный берег реки. Она сидела на мостике, где бабы обычно полоскали бельё, правую ногу опустила в воду, будто испытывая собственную смелость — утащит на дно водяной или нет. Она знала, что нет, но страх всё равно приятно щекотал душу.

С того места, где сидела Дара, было хорошо видно покосившиеся чёрные остатки старой мельницы. Старожилы говорили, что сгорела она не просто так. Будто влюбился мельник в русалку, помутила она его разум, и однажды, совсем потеряв голову, несчастный поджёг собственную мельницу и сгорел в ней заживо. Другие рассказывали, что русалка утянула его на дно. Дара не знала, что из этого правда, но не раз видела бледную прехорошенькую девушку в ветхом, покрытом тиной платье. Лунными ночами выходила русалка на берег недалеко от обрушенного моста и тихо пела, а о чём именно, было не разобрать. Голос русалки звенел совсем как воды Звени и звучал отдалённо и неясно, даже если Даре удавалось подобраться к ней совсем близко. Русалка и сама порой с любопытством разглядывала дочку мельника, но никогда не приближалась. Утопленницами становились погубленные несчастливой любовью девы, поэтому они были ми-

лосердны к тем, кто сам никогда не любил и кто от любви страдал.

Но в ту ночь молодой месяц висел на тёмном небосклоне, и русалка скрывалась в водах реки.

– Пришла, – раздалось из-за деревьев.

Дара обернулась и увидела невысокую мужскую фигуру.

– Я же обещала.

Богдан подошёл, присел рядом. Закатанные по колени порты открывали грязные от пыльной дороги ноги. Он опустил их в воду, чуть придвигаясь к Даре. Ссутулившись, положил руки на колени и уставился куда-то перед собой. Его короткие волосы были взъерошены, широкий лоб морщился. Всем своим видом Богдан напоминал медведя, был такой же медлительный, неповоротливый, мощный.

Прошлым летом, когда минула Купала, Дара впервые почувствовала на себе его тяжёлый взгляд, и что-то затрепетало, заволновалось в её душе. Стоило парню оказаться рядом, взглянуть ненароком, и она чувствовала его присутствие всем своим естеством. Богдан был неразговорчив, часто хмур, но Даре это даже нравилось. Он не смотрел на неё с опаской, как другие.

Дара тянулась к нему так же сильно, как старалась избегать. Может, потому что все считали её ведьмой. Хороший парень не мог позвать её в жёны.

Осенью по деревне разлетелись слухи, будто Богдан собрался жениться на Зосе из Мирной, и Дара почти обрадо-

валась, что он пропадёт из её жизни. Но прошла зима, миновала весна, а Богдан всё ходил холостым. Он теперь редко искал встреч с Дарой, а когда им изредка случалось остаться наедине, то они долго сидели рядом и просто молчали.

Но в эту ночь Богдан заговорил:

– Я слышал, что лесная ведьма вернулась.

Дара обернулась, длинная её коса слетела с плеча, и кончик угодил в воду.

– Кто это тебе сказал? – Она вытянула косу и отжала, проделала всё с намеренным равнодушием, а у самой сердце сжалось от страха.

– Жито. Он охотился на болотах, забрёл дальше обычного и увидел дым. Он говорит, что в той стороне изба Златы.

– Это мог быть просто костёр другого охотника, – возразила Дара. – Или кто-то действительно живёт в избе. Почему он сразу подумал, что это лесная ведьма?

– Кто бы ещё рискнул поселиться в сердце Великого леса? Да и Хозяин бы не пустил.

Богдан не смотрел на неё, опустив голову.

– Она скоро вернётся за тобой, твоя мать.

– С чего ты решил?

– Зачем ещё она пришла обратно в лес?

Дара хотела заглянуть ему в лицо, но даже не повернулась.

– Я не понимаю, почему ты решил, что это она. И зачем мне обо всём этом рассказываешь, тоже не понимаю.

– Потому что ты тогда уйдёшь отсюда.

– И?

– И я тебя больше никогда не увижу, Даренька.

Он всегда коверкал её имя. Дару это невыносимо раздражало, но она не подавала виду, чтобы Богдан не подумал, что его слова хоть сколько-нибудь её трогали, хоть что-то значили.

– И что с того?

– Я бы хотел этого, – Богдан помолчал. – Никогда тебя больше не видеть.

– Добрый ты, – фыркнула Дара.

– Ты тоже недобра ко мне, Даренька.

Девушка зло стрельнула взглядом, промолчала. Порой она думала, что и нет и не было у неё никаких чувств к Богдану. Ей стало скучно на мельнице, захотелось влюбиться, захотелось страсти и переживаний, вот она всё и придумала.

Но в другом было дело.

От них двоих по-настоящему ничего не зависело. Богдан не мог позвать Дару в жёны. Люди бы его осудили, зашептались бы за их спинами. Рано или поздно он бы сам её возненавидел.

Поэтому не было им двоим суждено ничего, кроме таких ночей у реки, когда они сидели на мостике и молчали. Дара подумала, что быстро пролетит лето, наступит новая осень, сваты поедут по дворам молодых девушек, и Богдана кому-то пообещают. Однажды приедут сваты и к дому мельника, но за Весняной. Богиня для Дары спряла другую нить.

Издалека, точно из-за завесы, донёсся смех молодых людей и залиvistый хохот девушек.

Дара поднялась.

– Я пойду, раз ты не хочешь меня видеть, – с ожесточением сказала она.

Богдан повернулся, посмотрел на неё странно:

– Глупая ты, Дара.

Она наклонилась совсем близко к его лицу, хищно улыбаясь.

– Достаточно умна, чтобы тебе голову задурить.

И засмеялась так же зло, как сверкали её глаза, так, чтобы ему стало больнее. Дара развернулась, взмахнула косами и быстро ушла, скрываясь за деревьями. Ей вдруг опостылел и Богдан, и Заречье, и всё на свете. Она попыталась отвлечься, подумать о чём-нибудь другом, но в голове стучала лишь одна мысль: её мать вернулась. Возможно, лишь возможно, что именно она пришла в избушку в Великом лесу.

Дара вышла на деревенскую дорогу и увидела сестру, окружённую весёлой толпой. Смешливый рыжий Рычко ласково прижимал Весняну к себе. Он заметил тяжёлый взгляд Дары и тут же поспешил спрятать руки у себя за спиной.

– Веся, пошли домой, – буркнула Дара и, не оборачиваясь, зашагала по дороге прочь из Заречья.

Сестра нагнала её уже на перекрёстке, махая на прощание друзьям.

– Где ты была? Мы так хорошо посидели. Рычко расска-

зал, как они с отцом в Златоборск ездили. Говорит, княжеский дворец большой-пребольшой и весь разноцветный, а на берегу Вышни строят новые храмы, все из белого камня. Такие, как в Империи, о которых Лаврентий говорил.

Дара вполуха слушала сестру, молча кивая.

– Что с тобой?

– Ничего, – буркнула она. – Пошли скорее, поздно уже... и с Рычко больше не тискайся. С таким, как он, тебе делать нечего.

– Ты будешь решать, с кем мне есть что делать? – возмутилась Веся. – И мы не делали ничего непристойного...

Ночь была тёмной, а дорога до мельницы шла через поле по опушке леса. Девушкам бы стоило испугаться нечистых духов и диких зверей, но так хорошо знали они путь до дома, так часто ходили вместе от Заречья к мельнице, что каждый камушек, каждая травинка были им знакомы.

– Ты с Богданом виделась? – спросила Веся. Дара ей никогда не рассказывала о нём, но сестра догадывалась, что между ними что-то происходило. – Поэтому злая?

– Нет, он тут ни при чём, – и это было правдой. – Сегодня я встретила чародея.

– Что? Кто это? Тот рдзенец, о котором в Мирной все болтали? Он с тобой говорил? – Веся едва не подпрыгивала на ходу от любопытства.

– Да, сказал, что знает, кто я. – Дара смотрела себе под ноги, тусклый свет месяца освещал дорогу.

– Чего он хотел?

– Чтобы я отвела его к избушке Златы. Он думал, я знаю, где она.

– Девчата мне сказали, что лесная ведьма вернулась...

– Я тоже об этом слышала.

Неожиданно Веся остановилась у развилки и уставилась на тропинку, что вела в лес.

– Может, зайдём? – спросила она робко, вглядываясь в темноту.

Тропа эта вела на кладбище. Там тридцать три дня назад похоронили их новорождённого брата.

– Ночь уже, – сказала Дара. – Не стоит.

– Думаешь, ему одиноко?

Голос сестры чуть дрожал, и Дара взяла её за руку, сжала крепко пальцы.

– Он спит мирно, а дух его уже в Прави, – заверила она Весю. – Брат Лаврентий прочитал над ним молитвы, а Ждана положила обереги в могилу. Он мёртв и покоен.

Сегодня прошёл крайний срок, справили третьи поминки. Дара поёжилась от холода. Что, если душа их брата и вправду ещё не ушла к Создателю? Что, если осталась бродить по земле?

Мачеха верила, что это Дара прокляла её сыновей и потому все мальчишки у Жданы рождались больными или сразу мёртвыми. И порой Дара сама боялась, что это было правдой, но каждую ночь ей снилась засасывающая тьма и горя-

чий огонь, каждую ночь раскалялись знаки на её груди, значит, чародейская сила оставалась под замком и не могла никому навредить.

Веся прижалась к ней ближе.

– Рычко сказал, что слышал младенческий плач с кладбища. А что, если наш брат стал игошей и гуляет теперь с мертвецами?

Даре стало жутко от её слов. Среди тихого скрипа деревьев послышался вдруг младенческий крик. Она вздрогнула и потянула Весю дальше по дороге. И чем дальше они уходили от кладбища, тем горячее в груди закипала злость.

– Рычко много брешет. Наш брат умер и покоится с миром. Может, и в Златоборске твой Рычко вовсе не бывал?! Это сколько же белого камня нужно, чтобы целый храм построить, да не один? Столько, наверное, во всём белом свете не сыскать.

Они пошли быстро, боясь оглянуться.

Дорога вильнула, из-за деревьев показался их дом и перебивающиеся серебром тёмные воды в запруде. Страх перед смертью и ночью остался за поворотом. Сёстры замедлили шаг, прислушиваясь к звукам полей.

– Свет горит, – с удивлением заметила Веся. – Неужели гости ещё не ушли?

И правда, из-за закрытых ставень лился тусклый свет. Дара насторожилась. Обычно дома ложились спать рано, не дожидаясь девушек с гулянья.

Они прибавили шагу.

– Так что с лесной ведьмой? – спросила Веся.

– Не знаю, – ответила Дара. – Потом поговорим.

До самого дома они не перекинулись больше ни словом.

Старый пёс, которого Веся нашла в овраге несколько зим назад, кинулся к ним навстречу, облизнул хозяйке руки. Сестра ласково погладила его, а Дара распахнула дверь в сени.

Там было темно, но в избе горела лучина. Гости и правда были. Двое сидели спиной ко входу.

Ждана, заметив падчерицу, сердито поджала губы, видимо, желая сделать выговор за растрёпанные косы и помятую понёву. Старый Барсук нахмурился, а отец повернул голову, слегка кивнул в знак приветствия.

– Вот и старшая дочь моя Дарина вернулась. Дара, поприветствуй наших гостей. Они у нас на ночлег попросились. Из самой Рдзении пришли.

Дара замерла, встретившись взглядом с Милошем, а он не сдержал наглой весёлой улыбки.

Глава 3

*В нашей роще есть хоромы,
А кругом хором – туман...
Там на тропках вьются дрёмы
И цветёт трава-дурман...*

Сергей Клычков

Ратиславия, Златоборское княжество

Милош не мог заснуть.

Пахло навозом, скотиной и потом, ничто не могло заглушить эту вонь. От неё болела голова и крутило живот.

Мельник не дал им с собой ни тюфяка, ни одеяла, он проводил гостей в хлев и разрешил спать на полатах, где хранилось сено. В избу он их не пустил, и трудно было сказать почему. То ли хозяин не доверял рдзенцам, то ли для ратиславцев ночевать на сеновале было в порядке вещей.

Ежи мало волновали неприятные запахи, к тому же он слишком устал и потому быстро заснул, а Милош не смог побороть отвращение. Он не на шутку испугался, что одежда его пропитается вонью и не отстирается, что в сене прятались клопы или тараканы, что он замёрзнет в конце концов. Чародей уже собрался спуститься с навеса и вернуться

в избу, как вдруг судорогой свело ногу.

Он сжал зубы, чтобы не закричать, скрутился на сене, загребая его руками, поджал под себя суму с ларцом, уткнулся в неё лицом. Он завыл беззвучно. Милош провалился в черноту и очнулся всё так же, зарывшись в сено. Скрюченные пальцы одеревенели, по спине стекал холодный пот. Пронзающая, ослепляющая боль затихла и слабым эхом отдавала где-то в костях. Медленно он перевернулся на спину, прислушиваясь к собственному телу.

Проклятие стало сильнее ночью. Казалось, что чернота разрослась, проникла в кровь и побежала прямо к сердцу. Милош невольно посмотрел на руки. Кожа оставалась чистой, белой, но проклятие фарадалов не исчезло. Оно жгло изнутри, оно гнило в костях и со временем должно было расползтись по всему телу.

Сон не шёл. Сердце в груди стучало гулко. Милош дышал полной грудью, жадно вдыхая запахи трав: они вдруг показались ему удивительно приятными, полными и живыми. И всё вокруг задышало жизнью.

Ночь была шумной, совсем не такой, как дома. Милош удивительно ясно и ярко почувствовал духов Нави невдалеке. Он ощутил одного где-то в углу хлева, другого на крыше избы, третьего у реки, что огибала мельницу. Никто из них не попытался приблизиться или навредить, но от одного их присутствия стало не по себе. С самого детства он не встречал духов и не знал, что стоило от них ждать.

В тёмном углу сеновала застрекотал сверчок, а в полях заухала сова.

Милош положил суму под голову. Тело его расслабилось, он почувствовал, как заныли ноги, но не из-за проклятия, а от усталости после долгой дороги. Под навесом громко дышала корова, рядом тихо сопел Ежи, а через щель в крыше подмигивала одинокая звезда.

Милош покрутил в пальцах соколиное перо, пытаясь собраться с мыслями, и спрятал его обратно под рубахой.

Великий лес был совсем рядом. Милош смог разглядеть его на закате, когда они добрались до мельницы. Он долго стоял на холме у запруды, смотрел и не мог поверить своим глазам. Великий лес, о котором он столько слышал. Великий лес, откуда пришла княгиня Злата. Он был столь близко и выглядел так обычно. После всех сказок и былин, после всех песен, что слышал Милош о царстве лешего, он представлял лес тёмным и пугающим, великим и опасным, а увидел обычные сосны и ели.

В мысли вплёлся плеск воды в запруде и холодный свет тонкого месяца. Душистое сено кололо кожу, пахло сухими травами, но перед собой Милош видел не крышу хлева, а голубые глаза и золотые локоны. Пройдёт лето, и он вернётся в Совин, снова увидит Венцеславу, снова услышит её. Будет гудеть город у подножия замка, будут ворковать голуби на крышах, а в камине трещать огонь. Венцеслава примется что-нибудь вышивать своими тонкими пальчиками, её голос

станет переливаться, как серебряные воды в ручье. И, возможно, только лишь возможно...

Шаги. Милош не услышал их, почувствовал. Чары в крови заискрили, и он присел, вглядываясь в ночь.

Неслышно приоткрылась дверь хлева, и в просвете показался девичий силуэт. Милош не ждал другого приглашения. Тихо, стараясь не разбудить Ежи, он подполз к краю и спустился с полатей.

Дара была одета в одну лишь длинную белую рубаху. В темноте её глаза казались совсем чёрными, а кожа неестественно бледной. Она походила на утопленницу, и Милош только улыбнулся, когда Дара взбежала по тропинке к запруде. Она села на самом краю плотины, и подол её рубашки задрался почти до колен.

Милош принял её безмолвное приглашение. Он закатал повыше длинные порты и неловко пробрался на плотину к девушке, опасаясь в темноте поскользнуться и упасть в воду. Он опустился рядом, касаясь её оголённых ног своими.

Вода отражала луну, серебрилась. Позади золотом и огнём сверкнули чужие глаза. Кто-то из духов подкрался ближе, наблюдая за ними, но Дара не придавала этому никакого значения.

– Что не так?

– Там духи, – Милош не смог скрыть волнения.

– И что?

– Они не опасны?

Дочка мельника приснула от смеха.

– Нет, конечно. Это дворовой, – она наклонилась чуть ближе. – Ты что, никогда раньше не видел духов?

– В Совине их всех истребили.

Улыбка потухла. Молча без тени стеснения Дара разглядывала Милоша. Её бледное лицо оставалось непроницаемым, чёрные омуты глаз пугали глубиной.

– Зачем ты пришёл к нам?

– Мне нужно в Великий лес.

– Так скатертью тебе дорога. Но зачем ты пришёл к нам?

Резкие слова разрушили очарование ночи.

Милош устало вздохнул:

– Ты не можешь быть хоть чуточку милой, как твоя сестра?

Дара скривила губы, отвернулась.

– Она чудесна, тебе стоит брать с неё пример.

– Держись от Веси подальше, – рубаха сползла с её плеча, но Дара не попыталась поправить её, и Милош придвинулся ближе. Их ноги по-прежнему касались друг друга. Сквозь тонкую ткань ощущался жар тела. Запруда под ними казалась бездонной, она звала прыгнуть в воду не меньше, чем оголённая кожа манила коснуться её губами. Он наклонился ещё ниже к девушке.

– Вот, видишь, я тебе говорю мудрые слова, а ты только грубишь.

Она дёрнула плечом, обернулась, обжигая гневным взгля-

дом.

Милош хотел сделать что-нибудь, что ещё больше рассердит Дару, так сильно забавляла её злость. Но ему нужна была помощь, а за излишние вольности такая девица могла ещё и ударить чем-нибудь тяжёлым. Он отодвинулся немного в сторону.

– Послушай, мне очень нужно в Великий лес, но я никогда не имел дел с нечистью. Леший не пропустит меня. Я здесь чужой, но ты – совсем другое дело.

– Зачем тебе нужно к избушке лесной ведьмы? – Дара уняла свой гнев, посмотрела спокойнее.

– Меня послал туда мой учитель. Никто не знает о чародействе больше лесных ведм, и если я смогу научиться тому, что знали они...

Милош замолчал, кусая губы. Взгляд его блуждал по тёмной запруде.

– Ты слышала о башне чародеев в Совине?

Дара неопределённо кивнула и чуть склонилась вперёд, желая лучше его слышать. Милош улыбнулся. Значит, не всё было потеряно.

– Совиную башню построили первой, ещё до того, как появился остальной город, – начал он издалека. – Там были не только башня, но и библиотеки, лаборатории, даже обсерватория – настоящий центр науки, где жили лучшие учёные и чародеи.

Дара слушала внимательно, но Милош догадался, что она

не поняла и половины из произнесённых им слов.

– Я родился там. Мои родители были чародеями, но после Хмельной ночи от Совиной башни не осталось ничего, кроме чёрных развалин. Теперь на этом месте даже строить запрещено.

Некоторое время девушка молчала, и Милош не мог понять, о чём она думала. Но когда она заговорила, голос её переменялся почти до неузнаваемости.

– Тебе, должно быть, очень страшно, что Охотники найдут тебя?

– Да нет, – пожал плечами Милош.

Он слишком привык скрывать чародейскую силу, привык к вездесущим людям Ордена. Привык так сильно, что однажды ему опостылело прятаться, жить в тайне и ждать, когда в дом ворвутся Охотники, бросят Горицу и Ежи в темницу, а Милоша и Стжежимира отправят на костёр. Нельзя было так жить, невозможно.

После Хмельной ночи в городе долго ещё пахло горелой плотью, страх был живым, почти осязаемым, он имел звук и запах. Милош боялся так сильно, что не мог заснуть без отваров Стжежимира и по ночам задыхался от плача. Но время шло, и однажды бояться он просто устал.

Он хотел бороться.

– Не спрашивай, зачем мне нужно в Великий лес, пожалуйста, – попросил он у Дары. – Я всё равно не смогу ответить.

– Я понимаю, – сказала она на удивление робко. – Но и я не могу тебе помочь. Мне нельзя колдовать и ходить к Великому лесу тоже.

– Почему?

– Мне нельзя.

– Почему?

– Мне нельзя, – твёрдо как непреложное правило повторила она.

Было нечто в её голосе, что заставило поверить, что на то имелись серьёзные причины. В конце концов Милош тоже не мог всё ей рассказать.

– Значит, ты никогда не колдовала?

– Нет, – Дара смотрела в сторону, на запруду.

– И никогда не видела чар?

– Нет, – тихо произнесла она, и чёрные брови чуть изогнулись. – А если честно, то всего один раз в детстве, но я почти ничего не помню. Думаю, я сама потом придумала те воспоминания, они видятся мне в дурных снах.

– Что же это были за чары?

Дара повела плечом, не ответила. Ночь кружила вокруг, отражаясь в водах запруды, отражая их двоих, сидевших слишком близко друг к другу, смотревших слишком прямо. Вдалеке звенела серебряными водами река, и Милошу слышалось тихое пение в её журчании.

– Слышишь? Как будто голос...

– Это Звеня, она всегда поёт, – пожала плечами Дара и

поправила ворот рубахи.

Она рассуждала так спокойно, точно в говорливой реке не было ничего необычного. Она привыкла к духам вокруг, к заколдованной реке, что текла из Великого леса. И всё же Дара не плела заклятий. Чародейка, что никогда не творила чар. Это было сродни тому, если бы она никогда не пила сладкий мёд, никогда не танцевала у костра летней ночью, никогда не смеялась от радости.

Милош огляделся по сторонам. Он мог сотворить какую-нибудь ерунду: зажечь искру между пальцев или заставить светиться свой хрусталь. Но этого было недостаточно.

Губы его тронула лёгкая улыбка. Он взял Дару за руку, переплетая их пальцы.

– Пойдём, я покажу, – и потянул её за собой.

Они спустились с плотины к мельнице. Дара шла послушно, не задавая вопросов. И когда они завернули за угол мельницы, Милош остановился и снял рубаху.

Дара удивлённо вскинула брови.

– Я не так представляла себе чары, – ехидно сказала она, ничуть не смущаясь.

Милош засмеялся.

– Отвернись, – с усмешкой попросил он.

Дара чуть склонила голову набок. Милош был худощав и высок, но изящен. Он совсем не походил на местных парней. И даже без одежды он не стеснялся её прямого взгляда.

– Что ж, – будто нехотя согласилась она.

– Возьми, не потеряй, – прошептал у самого уха.

Она боролась с искушением посмотреть назад, когда Милош протянул через её плечо руку. Дара раскрыла ладонь, и в неё упала изумрудная серьга.

Прислушиваясь к звукам за спиной, Дара никак не могла понять, что он делал. Неужто он решил её разыграть? Она попыталась представить, что за странные чары можно было сотворить только без одежды, как вдруг нечто большое пролетело прямо над её головой. Воздух засвистел, разорванный мощными крыльями.

И над мельницей взвился сокол.

Дара обернулась. Позади никого не осталось, только одежда лежала на земле. А птица сделала круг над их двором и полетела к полям. Она взмахнула крыльями только раз, а дальше они понесли её легко как пёрышко. Сокол воскликнул пронзительно звонко, и Дара вздрогнула от осознания.

Высоко в небе парил, обратившись птицей, чародей. Это был Милош!

Сокол закричал снова, зовя за собой. Дара подхватила с земли одежду и понеслась следом.

Она не чувствовала земли под ногами, она будто тоже стала легче пуха. Чародей мог летать!

В груди разлилось тепло и свет, и сладость, и такое неудержимое счастье, что Даре показалось, будто она тоже взлетит. Она спустилась по тропинке от мельницы к полям и устремилась дальше, вслед за соколом в небе.

На востоке ночь прорезали первые лучи рассвета.

Дара побежала сквозь высокую траву, перепрыгивая через кочки, не разбирая дороги и не сводя глаз со светлеющего неба. А сокол всё парил в вышине, уводил дальше и дальше от мельницы и запруды.

Волны ржаного поля позолотели в лучах зари, и Дара нырнула в это море без оглядки. Прижимая к груди одежду Милоша, она улыбалась, задыхалась от счастья и, кажется, даже плакала.

Как свободен был сокол, как невероятно прекрасен. Дара и представить себе не могла, что можно человеку летать в небе птицей, быть так близко к солнцу и звёздам. Быть таким вольным, таким прекрасным. Сокол кружил над ней, будто приглашая взлететь вслед за ним на небо. Она бежала, бежала со всех ног и хохотала в голос, не в силах сдержать свою радость.

И вдруг замерла, когда сокол начал камнем падать. Стрелой он помчался к земле, и у Дары перехватило дыхание от ужаса. Она и прежде видела, как стремительно смело бросались соколы с небес, настигая добычу, но на этот раз всё было иначе. То была не птица, а человек.

В одно мгновение всё переменилось. Чародей упал в высокую рожь, и Дара бросилась со всех ног к нему. Задрала подол, чтобы не мешал. Рожь колола ноги, хлестала. Там, где упала птица, колосья остались примяты. Дара наконец увидела сокола и отпрянула в сторону.

Его тело сломалось, скрутилось. Птичье крыло удлинилось, оперение вросло назад, оставляя голую кожу. Клюв втянулся, а череп захрустел, ломаясь и раздуваясь как пузырь.

Дара согнулась пополам, схватилась за горло и громко задыхалась.

Снова всё затихло, прошло. Только её дыхание нарушало тишину рассвета.

– Всё в порядке, – раздался голос позади.

Дара оглянулась через плечо и тут же поспешно отвернулась, краснея от смущения.

– Это больно?

– Поначалу, – признался Милош. – Потом привыкаешь. Чары при обращении такие сильные, что заглушают боль.

Он подошёл ближе, Дара спиной почувствовала жар его тела. От шеи скользнула капля пота, нырнула змейкой под льняную рубашку.

– Моя одежда, – прошептал Милош ей на ухо, и по одному голосу Дара могла сказать, что он смеялся. – Она всё ещё у тебя.

– Вот, возьми, – в спешке она перекинула одежду назад и чуть не задела Милоша локтем.

– Спасибо.

Дара смотрела перед собой, но, кажется, ничего не видела. Мысли её спутались, чувства смешались. Она даже не представляла, на что способны чародеи. Она и подумать не могла.

– Тебе тоже спасибо, – Дара обернулась медленно, нере-

шительно, сама на себя злясь за робость и протягивая изумрудную серьгу.

Милош стоял так близко, что она почувствовала горячее дыхание на своей щеке. Его ладонь опалила кожу, касаясь спины, прожигая тонкую ткань льняной рубахи. Дара взглянула в его изумрудные глаза и тихо засмеялась.

– Но как ты становишься птицей? Как это вообще возможно?

Он оттянул вниз ворот рубахи. На его груди на верёвке висело соколиное перо.

– Я надеваю чужое обличье.

Кончиками пальцев Дара провела по перу, случайно коснулась разгорячённой кожи и вскинула испуганный взгляд. Милош наклонился ещё ниже, и она потянулась навстречу. Воздух обжёг её оголённое плечо, Дара царапнула короткими ногтями шею Милоша, притягивая к себе. Ещё ближе, ещё...

От реки по полю пополз утренний туман, он за клубился, одурманивая и искушая, заволакивая белизной и пряча от чужих глаз.

Горячие губы покрыли поцелуями шею и плечи. Сквозь деревья и туман пробилось солнце, ослепило на мгновение. Задыхаясь и не переставая улыбаться, Дара отпрянула, поправила ворот рубахи.

– Нужно идти, – негромко проговорила она.

Милош не сказал ни слова. Медленно и с неохотой он вы-

пустил её из объятий.

Рассеивался туман, и клочьями проступал мир вокруг.

– Все, наверное, уже проснулись, – твёрже сказала Дара. Ноги её подкосились, когда она сделала первые шаги.

Она боялась, что Веся заметила её отсутствие. Дара не хотела объясняться, не хотела оправдываться. Её переполняло счастье, оно не нуждалось в словах.

Обратно к мельнице она пошла не спеша, умывая ноги росой, пробуждаясь от страсти и смятения. Милош последовал за ней. Дара обернулась, чтобы увидеть, что с его лица тоже не сходила глупая улыбка.

Солнце подгоняло вперёд, сверкало серебром в сырой траве и опаляло ранним жаром. В стороне Дара заметила знакомую невысокую фигуру с пушистыми жёлтыми, словно пух одуванчика, волосами. Полевик прятался меж колосьев, наблюдая за людьми. Дара остановилась, и Милош тоже замер рядом. Она взяла его за руку, чуть потянула в сторону.

– Вон там, видишь? Это полевик, – прошептала она.

Дара почувствовала, как Милош напрягся. Дух же захихикал проказливо и исчез среди ржи.

– Что с тобой?

– Я давно не видел нечисть. С самого детства.

– Неужели в Совине совсем никого не осталось? – не поверила Дара. – Такое невозможно.

– Возможно, если город полон Охотников, – Милош пошёл дальше, глаза стали как две плошки. Зелёные и совсем

пустые. – Они избавили город от всех нечистых духов и чудищ. Ни оборотень, ни упырь не пройдёт через ворота.

– Но ты же оборотень и живёшь в Совине.

Дара представить себе не могла мир, где в каждом уголке, в каждой травинке не прятались духи. Как засеять пшеницу или гречиху, не уважив полевика? Как садиться за стол, не угостив домового? Как можно отправиться в лес по ягоды, не попросив на то позволения у лешего?

– Когда я в человеческом обличье, то мне не так страшна защита Охотников. Она... приносит боль, но её можно выдержать. Обратившись соколом, я не смогу даже перелететь через городскую стену.

Стало слышно, как запел у мельницы петух. Когда они подошли достаточно близко, Дара остановилась, посмотрев на Милоша.

– Я пойду первой. А ты постарайся незаметно вернуться в хлев, – сказала она.

Сладостный дурман, помутивший их разум в полях, развеялся.

– Подожди, – Милош удержал её за руку.

– Да? – Она не знала, чего ждала, но точно не следующих слов.

– Мне правда нужна твоя помощь. Я должен попасть в Великий лес, должен найти лесную ведьму.

Под рубаху пробрался холод. Дара поджала губы.

– Лесной ведьмы нет уже много лет.

– Но что-то после неё должно остаться. Послушай, мне нужно найти её избу.

– Для этого не стоило меня целовать. Я всё равно тебе не помогу.

Она развернулась и побежала вверх по тропинке, к вершине холма, где стоял её дом. Ночь и туман рассеялись с наступлением утра. И все её глупые мечты пропали под светом солнца. Дара считала себя умнее Веси, а Милош обманул её столь легко.

Поцелуй на губах отдавал горечью. Она стёрла его ладонью, пожалела только, что нельзя было сделать того же с воспоминаниями.

Ставни в доме уже распахнули. Во дворе Ждана кормила кур, когда заметила падчерицу.

– Где ты шлялась?

– Ходила на запруду, – Дара прошмыгнула в сени, избегая дальнейших расспросов.

Дома знали, что она часто навещала водяного, делала ему подарки и разговаривала, а о чём, то было никому не известно. Но мельница работала исправно, а дед Барсук, когда изредка отправлялся на рыбалку, всегда возвращался с уловом. Потому все закрывали глаза на то, что Дара зналась с нечистью, и вопросов лишних не задавали. Наоборот, стоило упомянуть полевика, домового или любого другого духа, как разговор тут же сходил на нет.

Веся уже хлопотала по дому, прибиралась и ставила зав-

трак на стол. Заметив сестру, она позабыла про все дела и подлетела к Даре:

– Ты где была? Представляешь, как я волновалась? Тебя нет, я в хлев, а там Милош колдует.

– О чём ты говоришь?

– Я думала, что ты там. Такой свет яркий был, и всё голоса какие-то слышались.

Они сели рядом на сундук, и Веся зашептала, боясь, что их подслушают:

– Было очень ярко, как от нескольких костров. Я даже испугалась, что начался пожар, но это точно было колдовство. Словами сложно всё описать. Будто на ярмарке очутилась, столько голосов, и все о чём-то болтают на незнакомых языках. Я ни словечка не разумела, такая тарабарщина.

Дара нахмурилась:

– Ты не видела, что это?

Веся замотала головой:

– Побоялась, что меня заметят.

На душе стало беспокойно. Милош не мог быть одновременно и в полях, и в хлеву. Значит, оставался только его друг Ежи, но в нём Дара колдовскую силу не увидела.

– Может, они принесли с собой какую-нибудь чародейскую вещицу? – нахмурилась Дара.

– Какую?

– Откуда я знаю? Ты же видела их сумы, тяжёлые такие. Надо их осмотреть. Поможешь мне? После завтрака уведи

Милоша и Ежи подальше. Придумай что-нибудь, глазки им построй, что угодно, но сделай так, чтобы их тут не было.

– А ты?

– Жена Лаврентия приедет, привезёт зерно на помол. Я скажу рдзенцам, что останусь на мельнице помогать, и, когда вы уйдёте, осмотрю сеновал. Милош мне сегодня рассказывал...

– Так ты и вправду с ним ночью гуляла? – ахнула Веся.

– Просто гуляла, расспрашивала про всякое, – раздражённо пояснила Дара. – Так вот, из его разговоров я поняла, что он хочет узнать тайны леса. Не нравится мне это.

– Почему?

– Потому что он рдзенец! Если он завладеет силой лесной ведьмы или ещё что похуже, то жди беды. Дед всегда говорит, что от рдзенцев одно горе. А ну как станет он могучим чародеем и заколдует князя? Или весь Златоборск спалит? Рдзенцы так ненавидят княгиню Злату, а она была лесной ведьмой. Вот и думай, зачем Милошу её сила? Чтобы отомстить.

– Нам с тобой?

– Всем в Ратиславии.

Веся слушала, и лицо её становилось всё озабоченнее. Дара закусила губу от досады. Зря она запугала её. Сестра могла вовсе отказаться помогать или солгать так неумело, что рдзенцы сразу бы её раскусили.

– Ну-ну, успокойся, – погладила она Весю по руке. – Мо-

жет, зря я тревожусь. Если мы сейчас всё правильно сделаем, то ничего страшного не случится.

– Милош всё же показался мне хорошим человеком, – печально сказала Веся. – У него глаза добрые.

Дара хмыкнула и тут же почувствовала, как опалил щёки румянец.

– Глаза как глаза, – равнодушно бросила она. – Иди, завтрак пора подавать. Я быстро сейчас оденусь.

Веся кивнула, поднимаясь.

– Я им скажу, – решила она. – Что мне надобно воды с ключа натаскать.

– Мы нанесли два дня тому назад, – припомнила Дара, расплетая ленты.

Озорная улыбка осветила личико Весняны.

– А мы её случайно пролили.

– Все две кадки? – Дара взяла деревянный гребешок и принялась расчёсывать волосы.

– Ага, – весело сказала Веся и задержалась на пороге, замялась. – Так ты, – нерешительно произнесла она, потупив взгляд. – Ты с Милошем...

Дара возмущённо фыркнула:

– Ещё чего?! Как ты могла такое подумать? Он разодетый как барышня и худой как жердь. Смотреть противно.

Веся пробормотала что-то невнятно, но больше спрашивать не стала.

После завтрака, когда приехала жена брата Лаврентия,

Весняна картинно захохла и заахла, сетуя на тяжёлые, опрокинувшиеся будто сами по себе кадки. Рдзенцы охотно согласились помочь. Ежи схватил вёдра, готовый бежать к ключу по первому слову девушки, а Милош самодовольно и чуть высокомерно улыбался, но вёдра таскать, кажется, и не думал. Поймав на себе взгляд Дары, он подмигнул и усмехнулся так, что мыслями её тут же овладел туман полей, а кожу обожгли воспоминания о поцелуях. Она послала ему улыбку в ответ и направилась к мельнице.

Но стоило рдзенцам и её сестре скрыться из поля зрения, как Дара поспешила к хлеву. Вещи гостей лежали в углу на полатах. Девушка взобралась на сеновал и по очереди, стараясь сильно не смять одежду, осмотрела обе суммы, но ничего не нашла. На всякий случай она ещё раз всё перепроверила, а когда поняла, что это было бесполезно, принялась ворошить сено.

И неожиданно уловила размытое пятно у стены, где было совершенно пусто. Или нет?

Дара приподнялась, подобралась поближе, пригляделась, чуть прищурившись, сложила пальцы в кукиш, как это делал дед, чтобы прогнать нечистых духов.

Зарябил воздух у стены, и Дара разглядела размытый, будто спрятанный за слюдой ларец. Она наклонилась, протянула руку, попыталась прорвать слюду насквозь, как вдруг пальцы обожгло как кипятком. Она вскрикнула, упала на колени, прижала к груди горящую руку. Из глаз градом полились

слёзы.

– Ищешь что-то? – прошипели позади.

Дара натолкнулась на сердитый взгляд Милоша. В бешенстве она зарычала, желая обругать его, проклясть, назвать последними словами, но только издала беспомощный вопль.

– Больно? – спросил чародей, и Дара не смогла понять, издевался он или нет.

Мысли спутались, всё вокруг померкло. Только боль осталась яркой и чёткой, рука горела и жгла, Дара негромко застонала, баюкая её. Милош присел рядом, осторожно взял её руку в свои, нежно провёл пальцами по тыльной стороне. Его лицо было суровым, глаза гневно сверкали, и эта маска злобы противоречила ласковым прикосновениям. Дара с опаской посмотрела на свою руку и ещё горше заплакала. Кожа была обожжена до самого локтя, как если бы она засунула её в печь. Уродливая культя. Уродливая и бесполезная. Она не заживёт никогда до конца.

– Чародейка, что никогда не знала чар... У вас в Ратиславии говорят: не зная броду... как там? – задумчиво рассматривая обожжённую руку, спокойно произнёс Милош. – Точно, не суйся в воду. И что сделала ты?

Дара обиженно прорычала что-то в ответ, всхлипывая сквозь стиснутые зубы, и вдруг затихла от удивления. Боль уходила. Милош провёл пальцами по её руке, будто собирая невидимую тончайшую ткань, и бросил её в сторону.

– Не смей лазить по моим вещам, – предупредил он. – В

следующий раз я не буду тебе помогать.

Кожа снова стала гладкой, чистой, как будто всё случившееся просто привиделось. Чародей зло над ней пошутил, умело. Верно, весело ему было над ней издеваться. Дара потерялась лишь на мгновение, после чего вздёрнула голову, упрямо поджимая губы.

– Что ты несёшь в Великий лес?

Милош попытался выпрямиться во весь рост, но упёрся затылком в низкую крышу. К волосам его прилипла паутина, и он брезгливо провёл рукой по голове.

– Ничего.

– Что-то больно усердно ты своё ничего прячешь, – Дара заставила себя подняться на ноги. Пережитый ужас всё ещё бурлил в крови. – Меня это ничего чуть не убило.

– Не преувеличивай. И впредь тебе наука будет не шарить по чужим вещам.

Он сказал что-то с раздражением по-рдзенски. Дара не поняла, но от обиды зарычала:

– Убирайся прочь из моего дома. Ты и твои колдовские штучки только навлекут на нас беду.

– Я уйду, если проведёшь меня в Великий лес.

– Ни за что.

– Тогда помоги мне найти проводника.

– Никто не поведёт тебя в Великий лес. Леший не пропустит никого, кроме...

Она осеклась.

– Кроме тебя, правильно? Ты единственная ведьма во всей округе, ты должна знать, как пройти туда.

– Я не пойду.

Милош остекленевшими глазами посмотрел на неё, дёрнул уголком напряжённых губ и бросил:

– Тогда я останусь здесь, пока ты не передумаешь.

– Не смей мне угрожать.

Но Милош лишь хмыкнул и спустился с сеновала.

Дара смотрела ему вслед, сгорая от ярости. Нужно было что-то сделать с непрошеным гостем и как можно скорее.

Ни отец, ни Старый Барсук не обрадовались, когда рдзенцы попросились остаться ещё на несколько дней, но не смогли возразить. Закон гостеприимства обязывал принять у себя путников.

Ежи ушёл на весь день в Заречье искать проводника и вернулся под вечер. Как и предупреждала Дара, никто не согласился идти с рдзенцами в Великий лес.

– Так неудивительно, – хмыкнул Барсук, сидя на завалинке. – Кроме Жито, туда вообще никто не ходит, у него-то все в роду были в милости у лешего. Но даже он не сунется в лес, раз там снова объявилась лесная ведьма.

Заметив напряжённый взгляд Дары, дед погрузился.

– И что нам теперь делать? – спросил Милош.

– Поговорите с Тавруем, он колдун, живёт в Заречье. Но он сам нездешний. Говорят, и колдовать-то толком не может, если только по мелочи. Вряд ли леший захочет с ним знаться.

– Есть кто-нибудь ещё?

– Поспрашивайте в Мирной, это соседняя деревня, – пожал плечами Барсук. – Вдруг там больше повезёт, но это вряд ли.

Милош нахмурился:

– Так может, кто-нибудь из вас знает дорогу? Вы ближе всех живёте к Великому лесу.

– Никто из нас в лес не ходит.

– Но ваша внучка чародейка, она может совладать с...

– Никто из нас в лес не ходит! – вскрикнул старик. – И раз на то пошло, то и тебе не советую, парень. Возвращался бы ты к себе домой и не искал беды в землях Нави.

Барсук не мог прогнать гостя, но и притворяться дружелюбным у него дурно получалось.

Одна Весняна, кажется, обрадовалась, что у них гости задержались. Все её опасения были позабыты, стоило Милошу ласково улыбнуться. Видимо, не поленилась Веся построить ему глазки, пока они ходили по воду. Вечером они вдвоём долго о чём-то беседовали наедине, и сестра всё смущённо краснела под взглядом чародея.

Дара наблюдала издалека, и в груди клокотала бессильная ярость. Милош этого и добивался.

Ближе к ночи, когда гости распрощались с хозяевами и пошли к хлеву, Дара подкараулила Милоша, схватила его за край рубахи, готовая вцепиться ногтями в лицо и выцарапать бесстыжие глаза. Ежи распахнул рот от удивления, не зная

как себя вести.

– Иди, – спокойно махнул ему Милош. – Мы просто поговорим, – и он расплылся в безмятежной улыбке.

Ежи пошёл к хлеву, оборачиваясь назад. Дара даже не посмотрела на него, она прожигала взглядом Милоша.

– Держись от моей сестры подальше, я тебя предупреждала, – прорычала она.

Милош заносчиво усмехнулся:

– Всего один поцелуй, а ты уже вообразила, что вправе мне указывать?

Его лицо было столь самодовольным, столь надменным, что Дару затрясло от бешенства.

– Мне плевать на тебя и твои жалкие поцелуи, но я не позволю дурить голову Весе.

Милош коснулся большим пальцем её губ, отчего Дара отшатнулась назад, скривилась в отвращении.

– Не бойся, душа моя, я не разобью Весняне сердце, только подарю несколько ярких воспоминаний. Не будь жадной.

– Я всё расскажу отцу. Он тебе шею свернёт, – предупредила она.

Милош помотал головой, не впечатлённый её словами.

– Радость моя, я чародей. И в отличие от тебя смогу зачаровать его и заставить поверить каждому моему слову. Так что не мешай мне и твоей сестре. Конечно, если бы ты проводила меня в Великий лес, то я бы оказался очень далеко от Веси...

– Ни за что.

Никогда в жизни Дара не чувствовала себя такой беспомощной.

Милош изобразил наигранное сожаление:

– Тогда у меня не остаётся выбора.

Ратиславия, острог Орехово

На повороте Вячко попридержал коня, оглянулся. Лес подступил к дороге так близко, что местами ветви норовили сбить шапку с проезжающего всадника. Деревья встали плотной стеной, закрыли землю густой листвой. Под зелёной кроной царил мрак, и солнечный свет не нарушал его даже днём, а в наступивших сумерках вовсе стало невозможно что-либо разглядеть, но Вячко точно знал: кто-то скрывался в темноте. Наблюдал.

Это ощущение нельзя было объяснить, ему не было разумных доводов, но Вячко не первый год жил в дороге, он давно научился выслеживать и понимать, когда выслеживали его. Кто-то следовал за княжичем по восточному тракту.

Конь под ним зафыркал встревоженно и беспокойно.

– Тихо, – Вячко погладил животное по шее и легко ударил пятками, подгоняя вперёд.

Бесполезно было ловить преследователя за городом, где он мог легко скрыться. Среди людей оставаться незаметным куда сложнее, чем в лесу.

Острог Орехово стоял на перекрестье дорог. Главный тракт поворачивал южнее к Лисецку и Ниже, а дорога поуже ввела к сёлам и острогам вроде Орехово. Вячко предстояло пойти дальше на восток, к Великому лесу.

– Откуда? – спросил дозорный на воротах.

– Из Златоборска, – можно было просто показать княжескую печать, но Вячко не хотел привлекать к себе лишнее внимание.

– Куда?

– В деревню Мирную к родителям.

Дозорный оглядел его с головы до ног и задержал взгляд на мече в ножнах.

– Из дружинных? – догадался он.

– Ага, – Вячко был немногословен, допрос уже стал ему докучать, но в небольших поселениях дозорные часто были куда внимательнее, чем в крупных городах. Им было легче запомнить каждого в лицо и больше стоило опасаться разбоя. Вряд ли в Орехове было достаточно воинов, чтобы справиться с серьёзной угрозой, им стоило быть куда осторожнее, чем страже в городах, где на княжеских дворах размещались дружины.

– Проходи и веди себя тихо, – сказал дозорный. – И это, если к Мирной пойдёшь, будь осторожнее. На той дороге видели вольных детей, а они у нас прошлой ночью рдзенца зарезали, так что жди беды теперь и в Мирной.

– Что? Какого рдзенца?

– Да шёл какой-то из столицы, остановился у нас, и всё. Нашли поутру уже окоченевшего за конюшной. У нас в Орехове часто всяких режут, но за дело, или хотя бы грабят при этом. А рдзенца просто так, потому что мордой не вышел.

– Где теперь этот рдзенец?

– А тебе на кой?

Вячко откинул плащ в сторону, положил руку на меч, напоминая, кто он такой.

– Потому что я из княжеской дружины.

– А какое дело княжескому дружиннику до наших резанных рдзенцев?

Дозорные в Орехове, видимо, редко встречались с людьми князя, раз совсем не знали к ним уважения.

– А это уже не твоё дело, – усталость перерастала в раздражение, и Вячко мрачнел с каждым словом всё сильнее. – Так что с рдзенцем?

– В молельню отвезли, отпевают, – неохотно ответил дозорный. – Только, эй, слушай, если что, я тебе ничего не говорил.

Вячко молча кивнул и прошёл за ворота. Сумерки сделали острог ещё непригляднее, чем он был при дневном свете. Серые простые избы были темны, даже дым не шёл из труб. В тених острые колья частокола упирались в серое небо, как кривые клыки огромного чудища.

На дороге до самой молельни не горело ни одного пламени. Редкие прохожие сторонились княжича, и он тоже об-

ходил их стороной. Молельня оказалась похуже некоторых деревенских храмов. Она была без украшений и рисунков, чёрная и покосившаяся набок. Вячко потянул дверь на себя, и она заскрипела пронзительно громко.

Внутри было безлюдно, но тесно. Закатная служба уже закончилась, и только у позолоченного сола – солнечного круга, напоминавшего о Создателе, – горела единственная свеча. Мёртвый рдзенец лежал на лавке у стены. Вячко задержался у сола, невольно загляделся, как пламя отражалось в позолоченных лучах. Он коснулся поочерёдно лба, губ и груди, прошептал слова молитвы и взял свечу.

Рдзенец был так юн, что ещё даже не отпустил бороду. Его успели омыть и переодеть в чистое рубище, и нельзя было по одежде понять, пришёл ли он из города или деревни, из Совина или Твердова. Смерть и Пресветлые Братья лишили его всех отличительных черт.

Дверь позади завизжала, когда в молельню вошёл человек в серой рясе. Вячко оглянулся. На рукавах незнакомца были вышиты золотой нитью солнечные лучи, на груди висел сол на цепочке.

– Да озарит Создатель твой путь, Пресветлый Брат, – приветствовал Вячко.

– Да не опалит он тебя, – нельзя было разглядеть его лицо в сумраке молельни, но в голосе слышалось недоверие. – Что тебе нужно от этого несчастного? – Пресветлый Брат кивнул на неподвижное тело.

– Я ищу молодого рдзенца, который шёл из Златоборска как раз через ваш острог. Хотел убедиться, что это не он.

– Убедился? – Пресветлый Брат подошёл ближе, протянул руку, молчаливо требуя вернуть свечу. Вячко передал её, обтёр пальцы друг о друга, пытаясь стереть остатки воска.

– Нет. Я не знаю, как он выглядел, только имя. Тебе что-нибудь известно об этом человеке?

Пресветлый Брат поставил свечу обратно перед солом, и золотое солнце снова засияло, отражая свет пламени. В златоборских храмах стояли солы, созданные троутоскими мастерами, некоторые из них были сделаны с таким старанием и искусством, что порой можно было действительно поверить, будто солнце спустилось с небес и светило на земле. Этот сол казался бледным, тусклым, как старый таз.

– Его отец сказал, что они художники, шли в Нижу, чтобы расписывать местный храм и княжеский дворец.

– Ты уверен, что они художники? Видел ли у них краски или кисти?

– Я не проверял их вещи, – недружелюбно ответил Пресветлый Брат.

– Где я могу найти его отца? Он ещё не уехал?

Пресветлый Брат посмотрел с неодобрением, и Вячко понял, что одних слов было недостаточно. Он достал княжескую печатку из калиты, поднёс её ближе к свече.

– Теперь, Пресветлый Брат, ты ответишь мне?

Мужчина внимательно пригляделся к печатке, лицо его

стало ещё мрачнее.

– Отец этого юноши остановился на постоялом дворе до завтрашнего утра. Но прошу тебя, не тревожь его понапрасну. Нет большего горя для родителя, чем похоронить своего ребёнка.

Вячко поклонился, поцеловал сол на груди брата, как это было принято, и попрощался.

Найти постоялый двор оказалось легко, в тёмном безлюдном остроге это был единственный дом, где горел свет и звучали голоса. Первая же подавальщица указала на отца убитого, он сидел за столом один, пил горилку и не стеснялся своих слёз. Люди сторонились его, никто не садился рядом, точно он был прокажённый. Одежда рдзенца выглядела заплатанной и перешитой, а родовые знаки на вороте рубахи точно не были совинскими. Вряд ли ученик королевского целителя мог быть его сыном.

Вячко велел подавальщице принести ужин на двоих и лучшего пива, что у них было. Он подошёл к рдзенцу, но тот был слишком увлечён горилкой в своей кружке.

– Да озарит Создатель твой путь.

Мужчина поднял на него мутные глаза.

– Ч-чего надо?

Он был мертвецки пьян и с трудом шевелил языком, но взгляд его не был пуст и туп, как у любого пьяницы, в них читалось что-то настолько глубокое и понятное, что заставило княжича быть честным. Он ответил прямо:

– Я ищу рдзенца, который проходил через Златоборск пять дней назад, его зовут Милош.

– Ты думаешь, что раз... раз... я рдз... раз... разенец, то каждого зе-е-емляка в лицо знаю?

Вячко выдвинул низкий стул из-под стола, но так и не присел.

– Нет. Но я знаю, что этого Милоша искали фарадалы.

На его удачу мужик был слишком пьян, чтобы понять, как это связано с его сыном.

– Тогда же-елаю Милошу удачи, а фарадалов чтобы Навь поглотила. Чтобы Аберу-Окиа косточки им всем обглодала, курвьим этим тварям, – от злости у него затряслись щёки, покраснелось лицо. – Чтоб они, суки, все передохли! Ты ж не знаешь, – мужик поднял кружку с горилкой и выпил не поморщившись. – Они моего Томека...

С грохотом он поставил кружку на стол и закрыл лицо руками.

– Он мне всех гостей разгонит.

Вячко обернулся. Рядом стояла хозяйка двора, уперев руки в бока.

– Ты, рыжий, ему ужин заказывал?

– Я.

– Тогда бери ужин и тащи вместе с ним в его ложницу, тут хватит пьянствовать. Народу все эти рыдания не нужны.

– И где его ложница?

Хозяйка так раздражённо посмотрела на Вячко, что он

впервые пожалел о своей привычке одеваться в дорогу скромно и не выделяться. Впрочем, будь женщина поумнее, так одного меча в ножнах хватило бы, чтобы она вела себя почтительнее. Бедные люди не могли себе позволить другого оружия, кроме ножа и топора. Меч носила только знать.

– Леська, помоги господину проводить гостя. Да ужин захвати. А ты его оплатил? – Она вдруг снова развернулась к Вячко, выпятила вперёд грудь.

Вячко достал несколько монет из калиты, и хозяйка осталась довольна.

Вдвоём с подавальщицей они довели пьяного рдзенца до его постели. Рядом с кроватью на полу лежал тюфяк с одеялом, а в углу были свалены мешки с вещами.

– Они с сыном всего на одну ночь остановились, – негромко произнесла Лесья. – Хотели утром уже в дорогу отправиться, да вон как всё повернулось, – она вздохнула жалостливо.

Мужик заворочался на постели, укладываясь удобнее, и Лесья заботливо накрыла его одеялом.

– Говорит, единственный сын у него, обучил всему, что сам умел. Они шли в Нижу, искали работу. Художники они, представляешь? Рисуют всякую красоту людям на радость, а их вон, ни за что...

– Неужели ни за что?

– Так у паренька даже денег с собой не было, всё отец при себе хранил. Фарадалы ночью и сюда пробрались потом, его избили, – она кивнула на спящего. – Всё переворошили, но

так ничего и не взяли. В ум не возьму, что им нужно? Неужто просто ради веселья убили?

Некоторое время они стояли молча, каждый думая о своём.

– Ладно, пойдём, – Леся потянула Вячко за рукав. – Давай я ужин ваш поделю и тебе накрою в общем зале? Пусть он поспит.

Девушка увела его обратно, усадила за дальний стол, где было меньше людей и пахло чуть лучше. Пока княжич ужинал, Леся ухаживала за ним, рассказывала о своей работе, об остроге, о фарадалах, и Вячко уже понял, что остаться одному ему будет непросто. Обижать девушку не хотелось, но в Златоборске его ждала Добрава.

Время от времени Леся убегала, чтобы обслужить других посетителей, но к Вячко возвращалась чаще, чем к остальным.

– Значит, ты завидный жених? Наверное, от девиц отбоя нет? – спросила она, забирая кувшин с пивом.

– С чего ты взяла?

– Как с чего? Только к нам пришёл, а о тебе уже девки спрашивают. Верно, к тебе в ложницу с боем придётся прорываться? – Она залиvisto засмеялась.

– Какие ещё девки? – Ему знать было это без надобности, Вячко спросил просто, чтобы поддержать разговор.

– Да была только что какая-то, – Леся скривила лицо. – Не из наших. У нас таких не жалуют.

Вячко пожал плечами, не очень желая продолжать разговор. Уже на рассвете ему предстояло отправиться в путь, и время он собирался потратить только на отдых. Подавальщица задержалась, вытирая стол.

– Так что, много у тебя девок? Или одна-единственная дома ждёт? – Глаза её скользили по одежде Вячко, пытаясь найти или обручье, или ленту, любой знак, что он обещан другой.

– Ждёт, – улыбнулся Вячко. – Спасибо тебе за доброту, Леся, но я устал. Пойду спать.

К счастью, девушка оказалась понятливой и не последовала за ним. Вячко прикрыл дверь на засов, положил меч у изголовья и наконец заснул.

Но ещё до рассвета, когда ночь только начала бледнеть, отступая на запад, он проснулся, почувствовав на себе чужой взгляд. Дверь была открыта, и на пороге стояла девушка. Он не мог разглядеть ничего, только её силуэт.

Вячко остался на месте, но рука легла на рукоятку меча.

– Леся?

Он помнил, как навесил засов на дверь.

– Кто ты?

Неслышно тень скользнула в сторону и исчезла в темноте, слившись бесследно с предрассветными сумерками.

Глава 4

Ратиславия, Златоборское княжество

Дара с остервенением махала веником, выметая пыль из-за печи. Домовой фыркал, чихал и прятался глубже в угол, поглядывая с обидой на девушку.

– Перестань, мы так все задохнёмся, – жалобно сказала Веся. – Тихонечко нужно тряпочкой, водичкой.

Дарина посмотрела на сестру и продолжила мести дальше. Пыль взметнулась к самому потолку. Милош не выдержал и первым вышел на улицу, Веся поспешила за ним, прихватив с собой пяльцы с нитками.

– Зачем ты себя так ведёшь? – с обидой спросила она, прежде чем уйти.

Дара промолчала и продолжила убираться.

Рано утром отец уехал в Медвежий Лог за плотником для мельницы. Его провожала вся семья, кроме Дары. Она попыталась поговорить с ним раньше, попросила прогнать рдзэнцев из дома, но Молчан даже не стал её слушать.

– Есть закон гостеприимства, и кто его нарушит, тот прогневает богов и предков.

– Милош подбивает клинья к Весе. Вот если они убегут вместе или, не допусти Создатель, он её обесчестит...

Отец только отмахнулся:

– У Вёски есть голова на плечах и родная мать, чтобы за ней следила, а рдзенцы скоро уйдут. Тут им ловить нечего.

Спорить с Молчаном всегда было бесполезно. Он был немногословен, но упрям, а если гневался, то мог и ударить. Дара даже обрадовалась, что не будет видеть его хотя бы несколько дней. Она вообще никого видеть не желала и радовалась, что ни Богдан, ни Рычко, ни другие деревенские в эти дни на мельницу не заглядывали.

К обеду Ежи отправился в Мирную, и из мужчин в доме остались только Барсук и Милош. У деда разболелась спина, и он пролежал весь день на печи, а чародей был занят Весняной. Он вырядился в плащ с меховой оторочкой, хотя было жарко даже в одной льняной рубаше. В ухе Милоша болталась изумрудная серьга, на пальцах красовались перстни, и даже на поясе были серебряные пластинки. Он так сверкал украшениями, точно пытался привлечь внимание не дочки мельника, а стаи сорок.

– Расфуфырился, что красна девица, – усмехнулся Барсук, выглядывая с печи. – Дарка, ты бы сказала этому индюку, что если он Весю тронет, то я, не будь старым калекой, найду на него управу.

– Я уже сказала.

– Ещё раз скажи, а то, если он не шибко понятливый, мне ж с ним поговорить придётся. Эх, помню был у нас один такой, с Вердии купец приезжал. Уж какой весь из себя, бле-

стел аж на солнце. Мне потом Милочка моя пояснила, что это масла для кожи такие на юге используют. Дорогушие, во-нючие. Дрянь одна! – презрительно фыркнул дед.

Дара мела пол да слушала.

– И вердиец этот начал за моей Милой ухлёстывать. Ну, у меня с ним разговор короткий был. Ка-ак взял и прямо...

– Батюшки, что же вы в пылище-то такой сидите?! – воскликнула Ждана, выглянув из сеней. – Дара, ты что творишь? Прибери немедленно в доме. Отец, а ты иди на улицу, на воздухе свежем посиди. А то закашляешься здесь.

Она зашла в дом, спрятала в подпол крынку с молоком.

– Никакой помощи от тебя, Дара, только грязь развезла.

Дед тяжело поднялся с печки и медленно прошёл к двери. Дара прекратила мести, дождалась, пока Барсук выйдет из дома, и сразу подошла к мачехе, прошептала:

– Скажи Весе, чтобы держалась подальше от этого рдзенца. Не нравится он мне.

– Ревнуешь, что ли? – хмыкнула Ждана.

– С чего бы мне ревновать?

– А то я не поняла, где ты вчера в одной рубашке моталась. Срам-то какой, – возмутилась мачеха. – Сначала-то, может, и не догадалась, но потом скумекала, с кем ты ночью шлялась.

Лицо Дары потемнело, глаза заблестели холодно.

– Тогда тем более скажи Весе остерегаться Милоша.

– Отчего же? Они себя ведут пристойно, разговаривают только и то под моим приглядом.

– Он чародей.

– Целитель он, из самой рдзенской столицы, ты что, не слышала?

Дара разозлилась на мачеху. Не могла Ждана не видеть, кем был Милош. Все в Заречье чуяли чародеев.

– Если думаешь, что он свататься будет, то ошибаешься, – процедила она. – Заморочит Веске голову и пропадёт без следа.

– Дара, – строго произнесла Ждана. – Вся мне рассказывала, что ты всех парней от неё гоняешь, только я не позволю её судьбу поломать. Сама в девках сиди, если тебе то по душе, а ей жизнь не порть. У Веси своя голова на плечах, да и я за ней присматриваю.

– Он же рдзенец! – с отчаянием воскликнула Дара.

– А всё-таки городской. Такая удача редко случается. Может, станет моя Весняна женой целителя, а это всегда уважение и достаток.

– Уважение?!

Дара с яростью бросила веник в сторону, не глядя, сбила со стола глиняную миску с ягодами. Миска со звоном разлетелась на осколки. Земляника посыпалась со стола, покати-лась по полу.

– Посмотрим, как Охотники Весю зауважают, когда прознают, что Милош чародей.

– Ах ты, бешеная!

Дара выскочила из дома, пролетела мимо Барсука, мимо

Веси и Милоша и побежала к реке. Сестра и дед что-то кричали ей вслед, но она даже не обернулась.

В груди кипела ярость. Ноги несли вдоль берега, Дара чувствовала босыми ступнями мягкую траву и редкие острые камни.

Она хотела остаться одна. Она мечтала об этом.

Вдалеке от мельницы, где река петляла, огибая высокий холм, и уходила в поля, росла старая ива. Ветви её низко наклонились над водой и скрипели на сильном ветру, грозились обрушиться. Дара любила сидеть почти на самом конце ствола и разглядывать серые камни на дне.

Забравшись на любимое дерево, она подобрала длинный подол и опустила ноги в воду. Свет прорывался сквозь зелёную листву, и солнечные зайчики прыгали по поверхности реки.

Прямо под ивой вынырнул водяной и громко усмехнулся, его большой словно бочка живот затрясся, вода в нём забулькала.

– Крутит-вертит вами чужак, – проговорил он, и вода вытекла у него изо рта. – И тобой в первую очередь.

Дара уже остыла и не могла больше злиться. Ей хотелось только, чтобы водяной оставил её в покое.

– Что тебе своей жизнью не живётся, а?

– Скучно под водой, тошно, – пожаловался дух, щуря рыбы глаза. – Хочешь, я под воду его утащу? Или русалку попрошу. Она тоже... от такого же...

Дара заинтересованно слушала. Никогда прежде водяной не рассказывал, что случилось с русалкой.

– Как её звали?

– Нельзя вам, живым.

Из груди вырвался разочарованный вздох. Из всех духов, что жили на мельнице и в полях вокруг, водяной заговаривал с ней чаще остальных, но никогда не называл своего имени, как и не знал настоящее имя Дарины, только то, которым её называли другие.

И всё же водяной был всегда добр. Он приносил красивые кувшинки к берегу, загонял рыбу в сети, расставленные Барсуком, и никогда не затапливал мельницу, как делали часто водяные в других деревнях.

Дара вдруг почувствовала, как сердце кольнуло запоздалое чувство вины.

– Прости, что корягой в тебя кинула, – сказала она. – Я нередко с тобой груба бываю... но ещё раз увижу, что подглядываешь, когда мы купаемся, берегись!

Водяной будто не услышал её и некоторое время молчал. Чешуя на его рыбьем теле переливалась на солнце. Дара отвела от него взгляд и прикрыла глаза. Внизу журчала вода, а где-то на ветвях ивы сидел соловей, распеваяющий свою песню. Дрёма подкралась осторожно, коснулась макушки, погладила по волосам.

– Коготь, перо или шкура, – вдруг произнёс водяной.

Дара встрепенулась, открыла глаза.

– Что?

– Коготь, перо или шкура, – повторил водяной.

Девушка свесилась с ветки, пытаясь заглянуть ему в лицо, но дух, совсем позеленев, скрылся под водой, только глаза остались.

– Что это значит?

Водяной упрямо молчал, но не уходил. Значит, он желал получить что-то в ответ: обещание или подарок. Пришлось посулить ему лучшие свои бусы, подаренные отцом на пятнадцатые именины.

– Коготь, перо или шкура, – водяной выплюнул воду, выныривая из реки. Он подплыл ближе под ветку, на которой сидела Дара. – Оборотень носит с собой часть личины. Её нельзя потерять, но можно украсть.

– И? – от нетерпения Дара наклонилась ещё ниже.

– Украсть и сжечь. Украсть и сжечь. Оборотень потеряет одно обличье, будет заперт в другом.

– В зверином обличье?

Больше дух ничего не сказал и скрылся под водой. Дара осталась одна наедине с мыслями.

Это было бы слишком жестоко, запрети она Милоша в соколином теле.

«Он уйдёт скоро, – с надеждой подумала Дара. – День, два, и вернётся обратно в Рдзению. Ему ни за что не найти проводника, он сдастся».

Не спеша и не замечая ничего вокруг, она дошла до мель-

ницы. Даже издалека было слышно, как громко ахала Веся, а Старый Барсук причитал о чём-то. И стоило Даре ступить во двор, как на неё налетела мачеха.

– Дела все бросила и убежала, – возмутилась она. – Мы с Весей еле успели со всем без тебя управиться и пока твою работу выполняли, у нас корова пропала. Иди ищи теперь, а то, не допусти Создатель, она опять наестся клевера. Ночью дождь прошёл, её же раздует.

Корову Ромашку обычно пас Барсук, и Дара знала все места, куда он водил её, но были они неблизко, и пока бежала Дара к одному полю, Ромашка могла уйти ещё дальше и вконец потеряться. Без пригляда корову ждало немало бед. Её могли увести в чужое стадо, могли погрызть волки или укусить гадюка. Дара бежала, вглядывалась в поля, и сердце сжималось от волнения. Корова стояла немало, она кормила всю семью. Если бы она потерялась, то семья осталась бы без молока и творога, без пирогов и блинов до самой осени, а если урожай будет плохим, то и вовсе до следующего года.

В спину вдруг прилетел камешек. Дара оглянулась через плечо и заметила полевика. Он замахал рукой, привлекая внимание, и девушка остановилась, проговорила нетерпеливо:

– Я ищу нашу корову. Ты её не видел?

Полевик затряс пушистой головой, и жёлтые волосы его закачались. Быстро перебирая короткими ножками, он пробежал среди высокой ржи, не решаясь выйти на дорогу, и по-

манил Дару к себе. Она вздохнула и подошла ближе.

– Что ещё такое?

Дух говорил всегда быстро и невнятно, голос его шелестел, как колосья на ветру. Даре пришлось наклониться совсем низко и вслушаться внимательно в его речь.

– Чуж-жие люди. З-злые глаза, тёмные помыс-слы, – про-бормотал полевик. – Кр-ровью пахнут. Кр-ровью!

Дара почувствовала, как мурашки пробежали по спине.

– Кто эти люди? Ты слышал, о чём они говорили?

– Язык чуж-жой, грубый, страш-шный. Ж-жутко. Прогони их, скажи уходить. Они чужие здес-сь.

Дара судорожно сглотнула.

– Куда они пошли?

– Мимо вс-сех деревень, мимо людей. С-соловей из рощ-щи у реки пропел, что они вс-сех сторонятся, но за вс-семи с-смотрят.

– Где они сейчас?

– У чёрного с-столба. Там, где зима с-сгорела.

Дара взволнованно оглядела поле, будто за каждой травинкой скрывались враги. Кто мог так перепугать духа Нави? Кого он мог бояться?

У Дары пересохли губы. Неужели Охотники Холодной Горы пришли в их края?

Она поклонилась полевику, развернулась и побежала со всех ног.

Чёрный столб стоял в стороне от всех домов на краю Вели-

кого леса. Ещё до того дня, когда княгиня Злата принесла в Ратиславию слово Создателя, там, где Звеня виляла у опушки, стояло капище Мораны. Лишь волхвы и те несчастные, чью семью посетила владычица смерти, приходили к ней на поклон. Но с тех пор как прогнали старых богов, с тех пор как пожар разрушил капище и от него остался один чёрный столб, люди бывали там только раз в году на пороге весны, чтобы сжечь чучело и прогнать зиму.

Но Охотники вряд ли боялись навьей богини. Неудивительно, что они пошли к старому капищу.

До рези в глазах Дара вглядывалась в поле перед собой. Она бежала что было сил, бежала, дивясь собственной глупости. Разве не стоило ей спрятаться? Зачем она неслась навстречу гибели? Охотники бы убили её не раздумывая просто потому, что мать Дары была чародейкой.

Наконец показался чёрный столб. Дара нырнула вниз, в высокую траву, выглянула осторожно. Она никогда не приходила к капищу одна, всегда только с деревенскими на праздник, когда было шумно и весело.

Летом в жаркий полдень от зноя и тишины гудел воздух. Ни птица, ни зверь не показывались рядом. Даже духи обходили это место стороной. Чёрный столб стоял одиноко посреди голой поляны. Старый Барсук однажды сказал, что раньше, когда этому столбу поклонялись, на нём была вырезана женщина с серпом, но с трудом получалось узнать в обгоревшем чёрном столбе могучую Морану-зиму.

Дара приподнялась повыше, пытаясь найти Охотников.

– Кого ищешь?

Она вскрикнула, подпрыгнула на месте и чуть не упала. Позади стоял мужик в чём-то похожем на зипун, только сделанном из кожи. Он был черноволосый и смуглый, с золотой серьгой в ухе. Фарадал.

– Кого ищешь, девка? Не меня? – ухмыльнулся он по-разбойничьи.

– Корову, – проговорила тихо Дара.

– Что?

– Корову. Не видели нашу корову? Чёрно-белая такая, Ромашкой зовут.

Фарадал повёл бровью.

– Она сама, что ль, представиться должна? А то как я её имя узнаю?

И он расхохотался во весь голос. Дара стояла, не смея пошевелиться. Значит, вольных детей, а не Охотников испугался полевик. Они были чужаками, они говорили на незнакомом языке, и они были опасны. Если им вздумалось бы навредить теперь Даре, она бы ничего не смогла сделать.

Из-за деревьев показалось ещё четверо мужчин. Все были при оружии.

– Что тут, Янко?

– Да девка корову ищет. Зовут Ромашкой.

– Девку?

– Корову, – фарадал снова расхохотался. – Не встречал

такую?

Все пятеро засмеялись над его шуткой.

Дара попятилась назад.

– Если не найду, мачеха с меня три шкуры сдерёт, – пролепетала она. – Но раз вы не видели её, я лучше пойду дальше искать.

Мужчины задумчиво оглядели её, и Дара заметила, что один из них положил руку на рукоять кривого меча.

– Не видели мы твоей коровы, – сказал Янко неожиданно сухо. – Желаем тебе найти её. Только и мы кое-кого ищем. Не встречала в округе рдзенца? Думаю, чужаки редко заходят в ваши земли.

Рдзенца.

– Никого чужого, кроме вас, я давно не видела, – Дара сделала ещё шаг назад. – Даже на ярмарке последней мало было народу, и то все с соседних деревень. А зайди какой рдзенец к нам в деревню, так его камнями бы закидали, поганого, – она сморщилась с презрением. – А зачем же вы ищите его? Тать какой?

– Именно что тать, – подтвердил фарадал. – Вор. Он обокрал нашу телепту, старейшину, и убил наших братьев. Он должен ответить за свои злодеяния.

Дара охнула испуганно, не притворно.

– Надеюсь, он сюда не придёт, – проговорила она. – Страшно как, что такой человек гуляет на воле. Вы уж найдите его, пожалуйста.

– Найдём, – с уверенностью пообещал Янко, пристально глядя Даре в глаза.

– Хорошо... Я пойду дальше корову искать.

Шаг, ещё шаг.

Фарадал молча кивнул, его спутники наблюдали за Дарой, а она развернулась и побежала прочь по полю.

Если фарадалы бы прознали, что Милош остановился на мельнице, пострадали бы они все. И Веся, и Барсук, и отец с мачехой. Нужно было прогнать рдзенцев прочь, пока не случилась беда. Но Дара не знала, с кем поговорить, кого попросить о помощи. Барсук был стар и немощен, он не мог поспорить со Жданой. Одна надежда оставалась на отца, а он мог вернуться только через седмицу. Семь дней. За это время фарадалы точно найдут Милоша и зарежут их всех. Что она могла сделать?

Дома никто даже не подозревал о надвигавшейся беде. Когда Дара вернулась, все уже успокоились и забыли о ней. Корова сама пришла из полей, заслышав, как её звал Старый Барсук, Ждана приготовила ужин, а Милош избавил деда от болей в спине с помощью чар. Никто не желал больше ссориться. Почти одновременно с Дарой вернулся и расстроенный Ежи. В Мирной тоже не нашлось проводника, и, значит, гости уходить не спешили.

Дара заметила, как Милош посерел лицом и порой прихрамывал на левую ногу. Когда солнце стало клониться к лесу, она нашла его у запруды. Чародей сидел на том самом

месте на плотине, где они говорили несколько ночей назад.

– Вам не найти проводника.

Милош повернул голову, равнодушно её разглядывая.

– Уже сам догадался. Тавруй отказался даже говорить с Ежи, когда узнал, в чём дело.

– И чем дольше ты задерживаешься, тем хуже будет моей сестре.

Он лишь пожал плечами:

– Неужто тебе совсем всё равно? Она...

– Не совсем, – признал Милош. – Но если хочешь, чтобы я ушёл, то проводи меня к лесу.

– Нет. Уходи подобру-поздорову. Иначе я придумаю, как тебе отомстить.

Он засмеялся:

– Куда тебе, ведьма с мельницы? – И хоть были его слова надменны, но голос звучал мягко, будто ветер играл в камышах. – Ты даже колдовать никогда не пробовала.

Дара вспыхнула вмиг, желая со всей силы ударить Милоша, да так, чтобы он упал в запруду, где утащит его на дно водяной.

– Я знаю, что тебя ищут фарадалы, – процедила она сквозь зубы.

Милош широко распахнул глаза.

– Откуда ты?..

– Встретила их сегодня, о тебе расспрашивали. Я ничего не сказала, но они всё равно найдут вас, если останетесь

здесь. Ты навлечёшь на всех нас беду. Уходи.

Рдзенец помотал головой, отводя взгляд.

– Не могу. Мне нужно в Великий лес.

Дара не желала больше его слушать. За минувший день она вспомнила каждый слух, каждый рассказ, каждую страшную весть о вольных детях, о том, как они похищали детей, обманывали и убивали ради наживы. Как поступят фарадалы, узнав, что их враг скрывался на мельнице?

– Я всё расскажу отцу и мачехе.

Чародей повёл бровью.

– Мне нужно в Великий лес. Хочешь избавиться от меня, так проводи сама или научи, как задобрить лешего.

– Уходи, – упрямо повторила Дара.

– Проводи меня в лес.

Продолжать разговор казалось бесполезным. Дара ушла с запруды, не сказав больше ни слова. Она хотела пойти к Ждане, но стоило спуститься к дому, как дорогу ей преградила Веся. Сестра беспокойно теребила медовую косу.

– О чём вы с Милошем болтали?

– Я сказала, что он должен уйти.

Огромные голубые глаза сестры в один миг наполнились слезами.

– Дара, не гони его, не рушь моё счастье, прошу тебя.

– Что?

– Не надо так, пожалуйста, – Веся схватила Дару за руку, прижала её ладонь к своей груди. – Я люблю его. Тебе не

понять меня, но хоть пожалей. Я так счастлива впервые в жизни, и он тоже любит меня.

Дара задохнулась от возмущения. Как легко, как быстро задурил Милош голову её сестре!

– Веся, о чём ты говоришь? Ты не знаешь его совсем, он чужак, рдзенец!

– Это не важно. Если люди будут против, я уеду с ним в Совин. Это большой город, там никому не будет до нас дело.

– Что он тебе наплёл? Веся, не нужна ты ему. Он играет только, чтобы меня позлить. Его фарадалы ищут, он преступник!

Веся отшатнулась, по щекам её потекли слёзы.

– Вот ты, значит, как со мной... Завидуешь моему счастью, Дарка, потому что сама полюбить никого не способна. Сожжёт тебя ведьмовская злоба.

Слова не били, не обижали, но только больше распаляли злость. Хотелось закричать, встряхнуть сестру за плечи, но Дара сдержалась.

– Ты просто повторяешь слова своей матери. Веся, не будь дурой, ты же знаешь, я о тебе беспокоюсь...

– Неправда! – Сестра закричала так громко, что стало, наверное, слышно и у запруды, и в доме. – Ты боишься, что одна останешься, вот и держишь меня при себе, как собаку на цепи. Только моему счастью тебе не помешать.

И она убежала прочь в избу, в объятия любимой матери. Дара смотрела ей вслед и не знала, что думать. На мгнове-

ние она даже заподозрила, что Весю приворожили чарами. Никогда прежде она не влюблялась и чувства всегда в себе держала. Не могла же она потерять голову всего за несколько дней?

Дара обернулась и увидела Милоша у запруды. В сумраке трудно было разобрать, что означало выражение его лица, саму Дару перекосило от гнева. Как смел рдзенец настраивать против неё родную сестру? Как смел он угрожать ей? Как смел оставаться в их доме, навлекая на всех беду?

Нельзя было дожидаться возвращения отца.

* * *

Стоял шестой день седмицы, и Старый Барсук сказал, что в это время положено мыться. Они истопили баню. От пара Ежи разомлел и задремал в предбаннике. Милош, растянувшийся на соседней лавке у стены, заснуть не смог.

Фарадалы проследили его до Заречья. Что же было в ларце, если они его так искали? Милош чувствовал невероятную мощь, но не мог целиком понять её суть. Фарадальское чудо жгло, не опалая, горело чистым огнём и золотом. Оно было полно жизни. Быть может, оно и сдерживало проклятие?

Боль вдруг пронзила точно игла. Он зашипел, суча ногой в воздухе.

– Опять? – обеспокоенно спросил Ежи, вмиг проснув-

шись.

Милош сел, опёрся локтями о колени. Потемневшие от воды волосы повисли на лицо. Он обернулся в длинную простыню, чтобы прикрыть почерневшую кожу. За несколько дней, что они провели на мельнице, пятно разрослось и стало уже размером с ладонь.

Было слышно, как лилась вода в мыльне. Из-за стены доносились весёлые женские голоса. Дед Барсук, укутавшись в льняную простыню, громко храпел на лавке у противоположной стены.

Оглянувшись на старика, Ежи поднялся и подсел ближе к другу.

– Что будем делать? Нам здесь не найти проводника, – прошептал он.

– Думаю, у меня получится уговорить Дару. Она почти начала доверять мне, пока не полезла на сеновал. Как будто знала, что я что-то прячу.

Ежи выглядел подозрительно виноватым.

– Ты кому-нибудь рассказывал о ларце?

– Нет, конечно.

Милош почему-то не поверил ему, но ничего не сказал. Впрочем, Ежи хватило одного испытующего взгляда, чтобы самому признаться:

– Правда, не рассказывал... но я открыл ларец ночью, когда тебя не было. Просто посмотреть хотел, – он вжал голову в плечи. – И сразу закрыл, никто меня не видел.

– Эта штука вопит как оглашенная, – процедил Милош. – И ты открыл её посреди ночи?

– Совсем на чуть-чуть...

Сдержаться и не ударить его оказалось непросто.

– В крайнем случае, – Милош решил, что лучше о фарадальском чуде больше не вспоминать, – найдём святилище где-то тут в лесу, попробуем принести жертву. Мне сегодня старик-мельник рассказал, что местные так задабривают лесного.

– Жертву? – перепугался Ежи.

– Не трясись, курицу какую прирежем и хватит, – усмехнулся Милош.

Друг всё ещё выглядел встревоженным. Старый Барсук неожиданно так громко захрапел, что оба юноши вздрогнули.

– Послушай, – Милош наклонился и приглушил голос. – Фарадалы где-то рядом, Дара их видела.

– Те самые фарадалы? – переспросил Ежи. – Из Златоборска? Которых ты...

– Они спрашивали обо мне.

Несмотря на банный жар, Ежи стал блее полотна.

– Они пока не знают, где я. Но стоит поспешить. Завтра я ещё раз поговорю с Дарой. Она должна понять...

– Я и сам не очень понимаю, зачем тебе в Великий лес, – насупившись, сказал Ежи. – Неужели так сложно рассказать?

Милош не ответил. О некоторых вещах никому знать не

стоило, особенно если от этого зависели жизни других людей. Стжежимир на него рассчитывал.

На улице Милош почувствовал себя неуютно. По ночам его настораживала скрипучая мельница и тихий плеск воды в запруде, а больше всего волновал Великий лес. В темноте его невозможно было разглядеть, но Милош слышал уханье сов и чувствовал на себе взгляды духов. Верно, они ждали, когда чародей придёт к ним или когда сдастся и навсегда покинет Ратиславию.

* * *

Ночь была наполнена тревогой. Месяц осветил тропу до самой реки, и Дара спустилась к воде, слушая журчание. Девушка ступала тихо, не желая потревожить тихую мелодию Звени.

Дара часто слушала её. Порой, когда вокруг становилось совсем темно и тихо, могло показаться, что кто-то пел в воде. Той ночью, сквозь переливчатый шум и скрип старой ивы, она снова услышала песню. Голос звучал с глубины громче, чем когда-либо. Чистый и звонкий.

Дара не смогла разобрать ни слова, но почувствовала, как нечто зазывало её к себе на дно. Под чёрной толщей воды сияло чистое пламя, плясало на песчаном дне сотней огоньков и искр. Оно просило подойти всё ближе и ближе.

Вдруг рука схватила за лодыжку. Дара взвизгнула, дёрну-

лась и упала назад, пытаясь вырваться. Взметнулись брызги, и только тогда она поняла, что зашла в реку по пояс. Ногу отпустили. Рядом вынырнул водяной. Во тьме его лицо сделалось совсем серым, и только глаза ярко светились жёлтым.

– Уходи.

Дара растерялась, оцепенела. Никогда она не видела в водяном нечеловеческой мощи, что горела теперь в его рыбьих глазах.

– Прочь, – прорычал дух.

Дара сделала несколько неловких шагов назад, спотыкаясь и путаясь в тине. И вдруг от леса огромным золотым змеем пронёсся по речному дну свет, озарил всё вокруг, и Дара почувствовала, как обожгло кожу яркое сияние.

– Про-очь!

Наконец Дара выбралась на берег, испуганно притянула оголившиеся ноги к груди, сжалась. Промокшая рубаха прилипла к телу. Её бил озноб. Река вспыхнула ярче прежнего, и золотой змей умчался дальше, теряясь в темноте.

Свет в реке потух, но голос его по-прежнему звучал в ушах, звал за собой. Дара поднялась на непослушные ноги и побежала к Заречью.

Дальше Звеня делала крюк, огибая лес, Дара могла успеть минуть его прежде, чем золотой змей скроется вдали. Стремительно она пронеслась по дороге, перескакивая через кочки, ворвалась в рощу и кинулась по хорошо знакомой тропинке, прорвалась через заросли борщевика, сокращая путь.

Скоро она выбралась из рощи и оказалась на берегу реки недалеко от Заречья. Река там уже потемнела, затух огонь, а золотой свет унёсся далеко вперёд. На мгновение Дара испытала разочарование, но тут же позабыла про золотого змея.

У воды стоял мужчина. Невысокий, худой. Она сразу узнала его даже в потёмках. Тавруй не увидел Дару, и она притаилась в тени деревьев, чувствуя, как зашептала роща за спиной, приглашая под свой покров.

От сумрака отделилась тень, скользнула ближе к Таврую. Сверкнули золотом глаза. Дара редко видела безликих духов, они держались стороной от людей. Тени были бесплотны и безмолвны, черны, как ночь, серы, как мыши, и только глаза-угольки горели там, где у человека должно быть лицо.

Но этот дух явно говорил с Тавруем. Колдун слушал и отвечал, а когда разговор закончился, он взмахнул рукой, разрешая уйти, точно своему слуге. Медленно Дара попятилась назад, желая уйти незамеченной.

– Зачем ты следовала за поющей богиней?

Его голос прозвучал слишком громко для ночной тиши, слишком неожиданно. Дара вздрогнула, в горле собрался комок.

– Богиней? – тихо переспросила она, но мужчина расслышал её вопрос.

В темноте он казался ещё страшнее, чем при дневном свете. Узкие чёрные глаза, точно щёлки, острые скулы и страшные шрамы, пересекавшие узкое лицо.

– Та, что поёт в водах реки, – пояснил он. – Это её голос золотом отражается по ночам, её песня слышится из сердца леса.

– Так это всего лишь голос?

– Лишь голос, – эхом отозвался мужчина. – Видеть её саму ни мне, ни тебе не удастся, покуда не решишься пройти в Великий лес.

Дара вышла из тени деревьев, ступая в свет месяца.

– Прежде я не видела золотого змея в реке, – задумчиво сказала она.

– То редко можно увидеть своими глазами. – Тавруй не отрывал взгляда от тёмной полосы леса, за которым скрылась река. – Но сегодня пролилась кровь.

– Что? Где?

– Я слышал, фарадалы ищут чародея. Рдзенца. Видимо, они не знают, как он выглядит.

Дара подошла ещё ближе, заглянула в чёрные глаза.

– Что случилось? Расскажи мне.

– Духи нашептали, что у реки убили рдзенца. Его кровь насытила духов вод, а они разбудили золотую богиню.

– Кто этот рдзенец? Зачем фарадалам его убивать?

– Видимо, они не обладают тем же видением, что есть у меня, – он дотронулся до своей груди. – И у тебя, – пальцами он коснулся лба Дары, и она отпрянула назад. – Фарадалы искали чародея и чужака и подумали, что нашли.

– И что теперь? Они ушли?

– У рдзенца с собой не оказалось того, что они искали, – Тавруй смотрел так, будто знал больше Дары. – Это что-то на вашей мельнице, духи так мне сказали.

Ужом заскользил страх по коже. Дара почувствовала, как рубаха прилипла к телу и лоб покрылся испариной.

– Что мне делать?

– А что ты хочешь? – невозмутимо спросил Тавруй.

Дара впилась ногтями в ладони.

– Я хочу прогнать его.

Тавруй улыбался, не размыкая губ.

– Так прогони.

– Я не могу.

– Конечно можешь. Ещё когда тебя привели ко мне ребёнком, я сказал, что нельзя прятать солнце. Ты рождена чародейкой, Дара. В этом твоя сила, твоя красота. Ты не должна бояться этого.

– Мне нельзя...

Ночь обволокла их, окружила, и Дара не могла найти в темноте ни света, ни сил. Никогда прежде она не чувствовала себя такой беспомощной: ни когда плакала по матери, ни когда Тавруй запер её силу.

Пропел соловей в роще, и Дара встрепенулась, точно разбуженная от морока его трелью.

– На тебе десятки замков, – колдун коснулся её лба, груди, рук, и Дара больше не сопротивлялась. Он дотронулся до неё везде, где много зим назад нарисовал знаки пахучим маслом,

езде, где наложил заклятия.

Это Тавруй запер её силу. Когда Даре минуло пятое лето, Старый Барсук отвёл её к единственному колдуну во всей округе. С тех пор золото в её крови потухло и дочка мельника не смогла колдовать. С тех пор каждую ночь ей снилась тьма, клокочущая тысячей голосов, и огонь, сжигающий всё живое и жизнью дышавший. С тех пор Дара не видела чар и сотворить их тоже не могла.

– Ты не можешь всю жизнь бояться себя самой. Я сделал, о чём просил твой дед, но ты уже не малое дитя и можешь решить, как тебе жить.

Тавруй поднялся по холму от берега на дорогу и оглянулся. Дара сделала шаг, другой и пошла следом.

Нельзя, нельзя было следовать за ним. Нельзя было выпускать на волю чары. Но никто, кроме Дары, не был способен теперь защитить её семью.

– Я воспользуюсь силой только один раз. Ты научишь меня? – спросила она у Тавруя.

Молча колдун кивнул и направился по дороге к деревне.

Тавруй пришёл в Заречье почти двадцать зим назад, но так и не обрёл ни друзей, ни врагов. Его приняла у себя бабка Любица. Она была бездетна и одинока, а беглый раб из степей, прозванный Тавруем, стал ей вместо сына и ухаживал за старухой до самой её смерти.

И когда Любица ушла к предкам, колдун остался совсем один.

В его доме пахло плесенью и сыростью. Тавруй огнём высек искру и зажёл лучину на столе, сел на лавку так, что Дара наконец смогла разглядеть его лицо. Старый шрам на лбу, оставленный клеймом вольных городов, так и не зажил за все годы. То ли колдун не желал избавиться от напоминания о рабстве, то ли не мог.

– Я выполню свою часть договора: сниму твою защиту и научу, как прогнать рдзенца. Но и ты дашь мне клятву взамен.

– Какую? – Дара присела напротив него. В избе было холодно, и она поёжилась, обняла себя, пытаясь согреться.

– Когда придёт срок, тебе вручат две нити. Ты выберешь мою.

Тавруй положил руку на стол и наклонился вперёд. Огонёк лучины выхватил смуглое лицо из темноты. Резкие, грубые черты его и чёрные глаза, клеймо и длинные сальные волосы казались ещё отвратительнее при свете.

– А если я нарушу клятву? – Девушка придвинулась ближе, потянулась пальцами к Таврую и остановилась, когда почти коснулась его.

– Нарушенное слово карается смертью.

Дара отдернула руку.

– Смертью?

– Только если ты нарушишь своё слово.

– Но что, если мне придётся его нарушить?

Доски перекрытий на крыше застонали, и ветер чуть не

задул огонёк лучины. Тавруй по-птичьи склонил голову набок.

– Мой век недолог, дочка мельника. Я наложил эти печати на тебя, только мне под силу их снять. Если ты сейчас уйдёшь, а меня не станет, ты никогда не познаешь вкуса огня в крови. А если ты не станешь сильнее, то рдзенец навлечёт беду на твою семью.

– Я могу заплатить, чтобы ты сам его прогнал.

– Я слишком слаб и пуст для этого. Но ты молода и полна жизни.

Он наклонился назад, опираясь спиной о стену, спрятал руку под стол, точно ему было всё равно.

Дара должна была что-то сделать. Она должна была оградить семью от беды. Ни отцу, ни деду не под силу было противиться чародеям и разбойникам. Но Дара с этой силой родилась.

Она оглянулась на дверь. Можно было уйти и вернуться на мельницу, можно было смириться и ждать. Но дома её никто не слушал, никто не понимал. Она одна предчувствовала беду, и только она могла её остановить.

«Только раз. Я прибегну к чарам один-единственный раз».

Дарина снова станет дочкой мельника, когда всё вернётся на свои места.

– Я согласна, – она положила руку на стол.

Только тогда Тавруй посмотрел на неё. Чёрные длинные

пряди закрывали почти всё лицо, был виден лишь один тёмный жуткий глаз. На мгновение почудилось, что он сверкнул в темноте, как у кота.

Колдун сжал её руку, переплёл их пальцы. Договор был заключён.

* * *

Повеяло душистыми травами, и Милош вдохнул полной грудью. Разлилось по телу приятное тепло, ласково обожгли кожу девичьи пальчики.

Он сразу узнал Дарину. Она склонилась над ним, длинные косы коснулись пола, шероховатые, загрубевшие от работы руки погладили его по груди. Милош перехватил её ладони, прижал к себе.

– Здесь Ежи, – прошептал он.

Дара вздрогнула, но руки не отняла. Она пришла, как Милош и ожидал. Женская ревность и сестринское соперничество – это самое опасное оружие на всём белом свете, и этим оружием Милош владел отменно.

– Душа моя, я рад, что ты здесь, – проговорил он негромко, приподнимаясь. – Но мы разбудим Ежи.

Он коснулся её губ в поцелуе, и Дара несмело ответила. Её тело было напряжено, она дрожала.

– Не бойся, пошли, – позвал Милош и осторожно, опасаясь разбудить друга, попытался подняться.

Но Дара слегка толкнула его назад, села сверху, крепко обхватила бёдрами.

Милош притянул её к себе, погладил шею, распутывая густые косы, целуя губы. Что-то переменилось. Скованно и неуверенно она погладила его по груди, в девушке не осталось и следа чувственности, что открылась ему на заре в полях.

И вдруг Дара отпрянула. Милош почувствовал, как верёвка на шее оборвалась.

Девушка подскочила на ноги и стремительно спрыгнула вниз с полатей. Только тогда заметил Милош длинные тени, плясавшие на стенах хлева. На полу горела свеча.

– Что происходит? – послышался сонный голос Ежи.

Корова замычала встревоженно, разбуженная голосами.

Милош хотел сорваться с места, как вдруг подкосились ноги. Шатаясь, он не сделал и двух шагов, упал на колени, попытался проползти вперёд и с ужасом увидел, как его руки укорачивались, как пробивались сквозь кожу перья. И уже не руками, а крыльями он забил по полу, путаясь в рукавах собственной рубахи.

Он не чувствовал себя, он себе больше не принадлежал. Тело предало его.

Ежи застыл в растерянности, когда наконец заметил свет внизу. Дара держала свечу в одной руке, в другой соколиное перо. Оно вспыхнуло ярко и тут же обратилось в пепел.

– Что ты натворила?! – кричал Ежи.

И Милош тоже закричал, но из птичьего клюва вылетели лишь пронзительные неразборчивые звуки. Чистым огнём жгло изнутри. Изумрудная серьга порвала ухо, когда оно приросло к соколиной голове. Брызнула кровь. Кости полопались, и Милош не смог вдохнуть. Никогда прежде обращение не было столь болезненным.

Он вырывался из пут заклęcia, крутился по полу, пытаюсь выдрать из кожи перья, остановить обращение. Но чары были сильнее.

– Улетай к себе на родину и лучше поспеши, – воскликнула Дара, и в голосе её звучала сталь. – Ты не сможешь обратиться в человека и не сможешь жить вдали от Совина. Чем дальше ты от места, где пришёл на свет, тем быстрее будут утекать из тебя силы, – лицо её искривила торжествующая усмешка, глаза по-ведьмовски заблестели.

Сокол задрожал. Большие крылья зашуршали перьями, когти заскребли дерево. Ежи осторожно дотронулся до птицы, помогая выпутаться из одежды. Милош попытался взлететь и упал с полатей на землю, прямо к ногам Дары.

Корова забила копытами по земле, вырываясь из загона. В курятнике закудахтали птицы.

– Убирайся прочь и побыстрее! – воскликнула ведьма. – Я предупреждала тебя, чтобы ты уходил.

Ежи спрыгнул вниз, попытался поднять сокола на руки, но тот захлопал крыльями, вскрикнул пронзительно, и Ежи выронил его из рук. Сокол пополз к выходу, вороша крылья-

ми сено и грязь. Он действительно не мог остаться на месте. Он не мог собой управлять. Что-то внутри разрывало его на части, крутило внутренности и заставляло взлететь.

– Сними заклятие! – воскликнул в отчаянии Ежи. – Сними немедленно!

– Ни за что, – тёмные глаза горели диким пламенем.

С пугающей отстранённостью Дара наблюдала, как Милош пробрался к дверям хлева, как попытался оторваться от земли. Ежи схватил его за крылья, но сокол выскользнул из его рук.

– Он не сможет сопротивляться заклятию, оно заставит его вернуться в Совин.

– Будь ты проклята, ведьма! – вдруг разрыдался Ежи. – Будь ты проклята!

Сокол забил крыльями по земле, из груди его вырвался отчаянный вопль. Он должен был что-то сделать, разорвать плетение. Золотые нити окружали со всех сторон, пока ведьма плела заклятие. Как ловко она обманула его, как легко провела. Одна нить за другой, вот уже целая сеть, Милош запутался в ней, не в силах вырваться. Он только кричал, звал на помощь, но ни одного слова не мог произнести. Он больше не был человеком. Он больше не был свободен.

На шум прибежали Ждана и Веся, даже дед Барсук выглянул из сеней.

– Будь ты проклята-а, – завыл почти по-бабьи Ежи, бросился на Дару, повалил её на землю и ударил наотмашь по

лицу.

Нить заклęcia оборвалась, но разум Милоша уже потух, и тело целиком стало птичьим.

Дара вскрикнула, закрылась руками, а на Ежи сверху обрушились кулаки Жданы. Женщина за шиворот отволокла его от падчерицы, вlepила оплеуху.

– Ты что творишь, скотина рдзенская?! Прочь пошёл от моей дочери!

Вeся кинулась к сестре, помогая подняться.

А сокол, преодолевая боль, взмахнул крыльями и наконец взлетел. Будто пьяный, он вильнул в воздухе, чуть не врезавшись в печную трубу, увернулся, медленно набирая высоту, взмыл в ночное небо и полетел вслед за спрятавшимся солнцем в сторону Рдзении.

Глава 5

Ратиславия, Златоборское княжество

Барсук осел на землю, будто враз растеряв все силы. Дара позабыла про горевшую от удара щёку, про вывернутую руку и кинулась к нему.

– Дед, что с тобой? – Она обняла его за плечи, помогла подняться.

С другой стороны подскочила Веся, вместе они усадили Барсука на завалинку. Он бессильно откинулся назад, вглядываясь куда-то в пустоту.

– Как же так, девочка? – пробормотал он. – Как же так?..

Позади у хлева громко рыдал Ежи. Плакал он будто дитя малое. Завывал, громко хлюпал носом и всё повторял что-то на рдзенском. Ждана, хорошенько огревшая паренька своими крепкими кулаками, оставила его в покое и поторопилась в дом. Вернулась с кружкой в руках. Пахло травами. Дара узнала кошачий корень и ромашку.

– Выпей, отец, – Ждана заботливо поднесла кружку к губам Барсука.

Сёстры сели с двух сторон у его ног, вглядывались обеспокоенно в лицо деда. Он отпил успокоительного настоя, помолчал, жуя губы.

– Как же так, внученька? – спросил он снова.

Дара прижалась к деду, спрятала лицо у него в коленях.

– Прости, прости меня, – произнесла она стыдливо, будто рыдая, но в глазах не было ни слезинки. – Прости. Не могла я поступить иначе.

Весняна посмотрела на сестру с недоумением:

– О чём вы говорите? Что случилось?

– Дарка, что ты натворила? – Ждана облокотилась о стену, сложив руки на груди.

– Милош оборотень, – несмело начала Дара, бросая робкий взгляд на сестру.

Нет, ей не было стыдно. Она сделала то, что должна была. Но ради Веси стоило притвориться, изобразить раскаяние. Сестра должна была понять, что Дара поступила так ради её блага.

Мачеха нахмурилась:

– И?

– Его искали вольные дети. Он убил кого-то из их табора, и они хотели отомстить, – продолжила Дара, наблюдая, как всё бледнее становилось лицо сестры. – Они зарезали бы нас всех, если бы нашли здесь Милоша. Я...

Она потупила взор, делая вид, что ей тяжело говорить дальше. А Веся слушала в гробовом молчании, сцепив на коленях руки.

– Я сделала так, чтобы Милош обратился в сокола навеки и улетел к себе домой. Больше нам ничего не угрожает.

Дара хотела взглянуть на сестру, узнать, как та восприняла её слова, но Веся вдруг подскочила, с силой ударила её в грудь, сбила с ног, вцепилась в косы. Драки не вышло, Ждана растащила их в разные стороны, схватила Весю за руку и затолкала в дом, захлопнула дверь и подпёрла ту плечом.

Всё случилось так быстро, что Дара не успела ничего понять. Она коснулась щеки там, где оцарапала её сестра. На пальцах осталась кровь. Дверь задрожала, Весняна застучала по ней кулаками, пытаясь вырваться, заплакала громко, отчаянно.

Дара осталась лежать на земле, ошарашенная. Она знала, что сестра обидится, будет плакать и кричать, но чтобы напасть...

– Так ты ведьмовством занялась? – поджав губы, спросила Ждана. – Хотя тебе и запрещено?

Барсук громко вздохнул и опустил голову на ладони, закрывая ими глаза.

– Я же просил тебя, заклинал, – пробормотал он. – Мать твоя наказала тебе никогда не колдовать. Дара, что же нам теперь делать?

– Ничего. Будем жить как жили, а рдзенцы больше не причинят нам вреда. Этот, – она кивнула в сторону всхлипывающего Ежи, – уйдёт прочь за своим господином. А уж Милош больше никогда нас не побеспокоит, я вам обещаю.

Мачеха молчала. Она продолжала придерживать дверь, хотя в том не было никакой необходимости. Из глубины до-

ма доносились рыдания Весняны, но вырваться она больше не пыталась.

– И как давно ты колдуешь? – пытливо спросила Ждана.

– Впервые. – Дара присела, подняла лицо к мачехе, чтобы показать, что она не скрывала ничего, была честна всем сердцем. – Клянусь, никогда раньше я не колдовала, Создателем клянусь и Мокошью-матушкой. И больше никогда ни одного заклятия не сотворю. Вот вам святое знамение, – и она коснулась пальцами лба, рта и груди.

Барсук дрожащей рукой потянулся к кружке. Дара подскочила и услужливо протянула ему настой.

– Не будет так, Дара. Твоя мать предупредила...

– Её здесь нет, её давно уже нет!

Крик вырвался из груди со слезами. Она ни в чём не виновата, она пыталась защитить, уберечь, отвести беду прочь, а её ругали, как будто она совершила зло.

– Она не могла ничего знать ни о лесе, ни обо мне. Моя мать... да пусть Навь её заберёт, плевать, что она сказала. Вы не могли защитить Весю, никто не мог, только я.

Слова спутались со слезами и всхлипами, злостью и обидой, смешались так, что Дара сама уже не могла их разобрать.

– Фарадалы всех нас... из-за него...

Вдруг закричал петух. Ждана вздрогнула, хватаясь за сердце, вздохнула громко, протяжно и произнесла почти шёпотом:

– Лес придёт за тобой.

Дара невольно обернулась к полям, туда, где вдали чернел Великий лес. Из-за деревьев поднималось солнце, но на мгновение, на один удар сердца показалось, будто тьма выглянула из чащобы.

– Глупости, – отмахнулась Дара. – Я не нужна лешему, иначе бы он давно меня забрал.

Ждана осенила себя священным знамением.

– Ох, Создатель, огради нас ото зла.

Медленно Старый Барсук поднялся, и Дара подставила плечо, чтобы он мог опереться. Дед обнял её, заглянул в лицо.

– Ты должна пойти в лес, пока он сам не явился за тобой.

В груди похолодело.

– В лес? – губы едва пошевелились.

– Барсук, погоди девочку губить, надо Тавруя позвать, – вступилась неожиданно мачеха, и Дара растерялась от её слов ещё больше. – Он что-нибудь придумает, запечатает опять её силу... подожди, а как ты вообще колдовать-то смогла?

Старый Барсук помотал головой.

– Это Тавруй тебя научил всему? Как рдзенца заколдовать?

Дара кивнула.

– Вот же гадёныш подлый, – процедил дед. – Значит, слушай, что Чернава мне сказала: обычно чародей входит в полную мощь к четырнадцатому лету, но Тавруй твой дар на-

долго спрятал. Теперь лес почувствует твою силу, он пошлёт за тобой. Хозяину ты нужна, никто другой. И раз уж ты эту силу пробудила... ох, Даринка, как же так?

Его потянуло обратно к земле, и Дара подхватила старика, помогла ему сесть снова на завалинку. Дед замолчал, уставившись перед собой. Он дышал тяжело, сморщенные сухие губы стали белее снега. Рука похолодела, и Дара вцепилась в неё со всей силы. Она снова села у его ног, не отрывая глаз от лица Барсука.

– Я не хочу в лес.

Изо всех сил она старалась не заплакать, а слёзы всё равно потекли по щекам.

– Ой, Дарка, не могу! Натворила делов, сил нет, – воскликнула Ждана и распахнула дверь в избу. – Веська, что орёшь, как нетопырь?

Мачеха скрылась в доме. Громче стало слышно, как плакала Веся.

Петух никак не мог накричаться. Выл Ежи протяжно, точно баба, похоронившая мужа. Даре хотелось заткнуть уши обеими руками, но она крепко держала ладонь деда.

– Я не хочу в лес, – повторила она еле слышно.

Бесцветные старческие глаза заблестели от слёз, мозолистой рукой Барсук погладил внучку по волосам.

– И я не хотел тебя туда отпускать. Я просил тебя, умолял держаться подальше от леса и чародейства. Сколько раз предупреждал, чтобы не водилась с духами и колдунами. А ты

что натворила?

Дара плотно поджала губы.

– Я не пойду.

– Как так?

– А вот так!

Она вскочила, отпрянула в сторону.

– Как я могу верить словам моей матери? Как? Она обещала вернуться за мной, но так и не вернулась. Может, и пролешего она соврала? Наплела тебе сказок, а ты и рад поверить...

– Чернава...

– Соврала. Не знала, куда деть нагулянного ребёнка, вот и сочинила сказочку, чтобы тебя запугать. Вы ведь не хотели меня брать, но побоялись чародейке отказать? А потом, верно, стыдно было от меня избавиться? Мать нарочно пригрозила тебе лешим, чтобы ты меня на мороз не выкинул.

– Да я бы никогда! Что за дурь ты плетёшь?

– А в лес, значит, готов? Тогда бы лучше сразу бросил меня в прорубь, ещё когда я была младенцем!

Она сорвалась и кинулась в дом, тут же пожалев об этом. Внутри по-прежнему была сестра. Лицо её покраснелось от слёз, точно свёкла. Она оторвала голову от груди матери и посмотрела опустошённо на Дару.

– Вот ты... ты...

Она облизнула губы, пальцами сжала ткань на плечах Жданы.

– Тихо, доченька, тихо, – мачеха погладила её по голове, кисточкой платка попыталась утереть слёзы.

– Чего слёзы лить? Вот увидишь, ты забудешь о Милоше уже через седмицу.

В ответ Веся стрельнула злыми глазами, и Дара попятилась назад. На миг она поверила, что сестра опять бросится на неё с кулаками.

– Я сделала это ради тебя.

Веся нахмурилась сердито и снова суксилась, завывала громче прежнего.

– Ты всё делаешь только ради себя.

Слова ударили метко и больно. Дара считала, что привыкла к чужой ненависти, что та не могла её тронуть, но на этот раз всё было иначе. Это был не равнодушный отец, не грубая мачеха, не злые деревенские девки, это была Веся, её сестра, единственный близкий друг.

Доски закрипели под ногами. Не находя себе места, Дара вышла из дома, остановилась, оглядела двор. Её знобило, и она обхватила себя руками, не в силах сдержать дрожь.

Утренний туман гулял по полям вдалеке, крался по берегу реки, путаясь среди камышей. Лес почти пропал из виду, будто совсем исчез, скрываясь за белой дымкой. Если бы только он и вправду исчез, если бы сгорел в страшном пожаре, если бы провалился под землю, так Дара бы вздохнула с облегчением.

Но солнце поднялось выше, пронизывая туман. Великий

лес стоял там же, где стоял сотни лет до этого.

Петух замолчал, зато беспокойно запричитали куры. Дара вздохнула. Нужно было покормить птиц и корову.

Она прошла мимо Старого Барсука, стараясь не замечать его взгляда, пересекла двор и остановилась у курятника, недалеко от входа в хлев. Слуга Милоша сидел на прежнем месте и плакал.

– Хватит рыдать, – раздражённо процедила Дара. – Ты как баба.

Ежи руками схватил себя за волосы. Он глядел перед собой с ужасом, с недоверием, будто не осознавая, что всё произошло по-настоящему.

– Ты убила моего друга.

– Он не мёртв, тупой ты баран. Он полетит к себе домой и больше никогда сюда не вернётся, вот и всё.

– Милош не сможет попасть в Совин, когда обращён в птицу. Защита Охотников его убьёт.

– О чём ты говоришь?

– Городская защита убьёт Милоша, если он в обличье сокола попытается перелететь через стену. Оборотни не могут попасть в город. А я... как я его остановлю? Как догоню?

Ежи снова сорвался на крик. Лицо и шея его покрылись пятнами. Мертвенно-бледный от горя, он местами стал красным, точно его ошпарили кипятком.

Дара не могла пошевелиться. Милош умрёт. Умрёт. Из-за неё. Она облизала пересохшие губы. Из-за неё. Из-за её чар.

Собственные руки показались уродливыми, чужими. Разве могли они принести смерть?

Только несколько дней назад Дара целовала Милоша, познала его жар, страсть и нежность. Он был живым, страстным, ласковым. Как мог он умереть?

– Он всего лишь твой хозяин, – проговорила она растерянно. – Он жестокий и... тебе не должно быть до него дела.

Ежи замотал головой, отказываясь говорить.

Ноги заплетались. Дара хотела остаться одна, но ей некуда было бежать. Руки выполняли привычную работу, но глаза не видели ничего, будто туман с полей подобрался к мельнице, окружил плотным кольцом, и Дара бродила в том тумане, потеряв из виду и дом, и всех, кто был вокруг.

Пахло навозом и молоком. Она вывела корову на улицу, рукой придерживаясь за её холку. Под ладонью от каждого вдоха животного раздувалась широкая шея, а под самыми рёбрами горел исток живой и тёплый, ослепляющий. Дара не могла оторвать замороженный взгляд от этого света и точно желая дотянуться до него, пальцами ласково провела по хребту.

Туман расступался, и Дара могла видеть всё больше, всё дальше. Огонёк в груди коровы, похожий на пламя в печи. Золотые глаза дворового духа, мигавшие из тёмного хлева. В травах у забора шустрых анчуток, разлетающихся в стороны от жадных кур. И у них, безмозглых наседок, тоже горели огоньки. Живые, такие живые.

Дара отпустила корову, огляделась вокруг себя. Вдали на заливных полях переливался огонь там, где гуляли духи, а река сверкала, точно на дно рассыпали золотые монеты.

Заклятия Тавруя отняли у Дары не только её силу, но и целый мир. Никогда она не чувствовала себя такой живой. Она точно была слепой всю жизнь и наконец прозрела.

Ежи поднялся на ноги и побрёл к избе. За ним волоклась тусклая золотая нить, и Даре из чистого любопытства захотелось схватить её.

Что-то дёрнуло за подол. У ног девушки сидел дворовой. Он помотал головой, останавливая её.

– Что это?

Дух коснулся груди и отступил в тень хлева.

Ежи скрылся в избе, за ним ушёл Старый Барсук.

Дара осталась одна. Она решила, что для всех было бы лучше не видеть её целый день, и вывела корову на дорогу, которая вела к лугам, невольно посмотрела назад, туда, где стоял Великий лес.

Ничего не изменилось. Он не мог помнить Дару, не мог её ждать.

* * *

На ночь мачеха затворила ставни, при этом хлопнула ими так громко, что Веся вздрогнула. Дара даже головы не повернула. Когда Ждана пребывала в дурном настроении, то всё

делала резко. Наверное, оттого и хлеб у неё всегда выходил пышный, с такой силой она месила его крепкими руками. Дара хорошо помнила, как больно эти руки могли ударить, хотя Ждана её не трогала с тех пор, как потеряла первого сына. Мачеха боялась. Несмотря на заклятие Тавруя, она всё равно опасалась падчерицы не меньше, чем тварей из Великого леса.

Поэтому мачеха заперла ставни. Поэтому в избе за весь вечер никто не произнёс ни слова. Вся пыталась вышивать, пока ещё было светло, исколола все пальцы и только сильнее расплакалась. Ждана поставила кашу на стол, но никто к ней не притронулся. Она тоже не стала есть и убрала горшок обратно в печь.

А Старый Барсук весь вечер просидел на завалинке. Запели сверчки, на небе показался месяц, а он всё не возвращался. Дара не выдержала и вышла из дома.

– Дед, пойдём спать. Поздно уже.

Он смотрел не отрываясь куда-то вдаль, и седые ресницы его подрагивали, когда он быстро моргал слезящимися глазами. Барсук сидел на своём излюбленном местечке, как делал всегда на протяжении долгих лет. Но только теперь Дара поняла почему. Он садился так, чтобы видно было Великий лес. Он ждал. Все эти зимы, с тех самых пор, как чародейка принесла из владений лешего его внуку.

Туман снова собрался на опушке и на берегу Звени. Он густел, пока садилось солнце, расползлся по полям и овра-

гам, подбирался всё ближе к мельнице.

– Дед, пошли, – жалобнее попросила Дара.

Заухали совы вдалеке. Наступила ночь.

– Дед!

Барсук поднял голову.

– Да, пора, – согласился он и протянул руку.

Дара помогла ему подняться. За минувший день Барсук постарел на десяток лет. Больная нога совсем не слушалась его. И это была её вина.

– И в какой лес я уйду, если ты без меня никуда? – Дара улыбнулась, надеясь, что дед поддержит её в своей шутливой манере, но он промолчал. Десятки новых морщин появились на его лице, точно шрамы изрезали лоб и щёки.

Девушка прикрыла за собой дверь. Невольно заметила, что засов стоял в углу. Они не закрывали дом на ночь много лет, с тех пор как княжьи люди прогнали татей с тракта у Мирной. В округе было спокойно, никто не боялся разбоя. И всё же рёбра точно прутья клетки стянули грудь. Дара подняла засов и заперла входную дверь.

Вместе с Барсуком они сели за стол. Ждана отодвинула заслонку печи, вытащила щепку, чтобы зажечь лучину на столе. Помолчали, помолились. Никто так и не стал ужинать, затушили огонь в избе.

Весь впервые легла спать не на полатах с Дарой, а рядом с матерью. Ещё долго было слышно, как сестра хлопала носом, пока Ждана не принесла воды в черпаке и она напилась.

– Спи, родная.

Стало тише.

Дара лежала не шелохнувшись. Руки свело – так сильно она сжимала кулаки. Она отвернулась к стене, чтобы не видеть даже неясных теней мачехи и сестры. Сон не шёл. В углу шуршали то ли мыши, то ли домовой. Тихо, обиженно сопела Веся. Наконец захрапел Барсук, скоро мачеха задышала ровнее, громче. Но Дара заснуть не могла.

Ночь больше не была для неё такой тёмной, как прежде. Даже с закрытыми глазами она чувствовала затухающие угли в печи так остро, будто они тлели у неё под боком. Она ощущала внимательный взгляд домового и ещё кого-то медлительного и ленивого на крыше. Кто это был? Кот или навий дух? Он прокрался от трубы к конькам над самым выходом и долго сидел, озирая окрестности.

Скоро Дара привыкла к духу и решила, что он не был опасен. Быть может, он ночевал на крыше каждую ночь, просто раньше она этого не замечала. Она всегда видела тварей навии, но прежде для того ей требовалось быть куда внимательнее. Отныне сила её переменилась, всё в ней стало иным.

Пальцы рук покалывало, Дара перебирала ими грубое полотно одеяла, пытаясь унять дрожь. Сердце билось гулко, каждый удар был полон жизни. Крепкий, уверенный. Она всегда отличалась хорошим здоровьем, но теперь чувствовала себя сильнее, чем когда-либо прежде.

Это ли значило быть ведьмой? Так ли чувствовали себя

все чародейки? Смелыми, крепкими, точно дуб, гибкими, как берёза? Дара была уверена, что она могла бы пробежать много вёрст и не задохнуться. Она могла спрыгнуть с крыши мельницы и не разбиться. Ей было хорошо. Не в душе, нет, та была полна смятений, но всё естество её пело, кричало от радости. Дара была как пленник, что выбрался из темницы после долгих лет заточения. Она была живой.

Дух на крыше вдруг прыгнул на трубу. Дара присела от неожиданности на постели, вскинула голову наверх, увидела только золотой огонёк над собой, не самого духа, а его суть. Он заметался, забегал кругами и вдруг полез в дом через трубу. Посыпалась сажа, заверещал домовый за печкой.

Дара подскочила на ноги, схватила заслонку с пола. Она едва успела закрыть печь. Дух упал на горшки. Они разбились с дребезгом, дух заверещал, толкая заслонку. Дара прижала её крепче, навалилась всем телом.

– Что? – закричала Ждана. – Дарка, леший тебя заberi, что ты творишь?

Она поняла не сразу, от ужаса не услышала шебуршание в печи. А дух ударил лапой по заслонке раз, другой. Вся взвизгнула от страха. Проснулся Барсук.

– Что это?

– Какой-то дух забрался в печку через трубу, – процедила Дара. – Ждана, помоги, он сильный, собака.

В одно мгновение мачеха оказалась рядом, упёрлась руками в заслонку.

– Он там? – прошептала она.

Дух шуршал в печи, гремел разбитыми осколками. И без того было ясно, что он прятался внутри.

– Создатель помилуй, да что же это такое? Веська, зажги храмовые свечи у сола, читай молитву.

Сестра, спотыкаясь в темноте, кинулась к красному углу в избе, черкнула огнивом. Загорелись свечи. Они осветили крохотный медный круг с острыми лучами – знак Создателя. Веся упала перед солом на колени, вскинула руки, моля о защите.

– Константин-каменолом, первый царь и божий посланник, и жена его святая Лаодика, простите грешных нас, защитите, прогоните тьму.

Тонкий девичий голос звенел от напряжения. Она запинаясь, оговаривалась и бормотала не заученные слова молитвы, которым учил в храме отец Лаврентий, а что-то от себя. Искренне, иступлённо.

Барсук свесил ноги с печи. Он сидел молча, слушал напряжённо.

Дара почувствовала, как руки её дрожали от напряжения. Что он сделает? Что сделает с ней дух? Что сотворит с остальными?

– Святая Лаодика, светом своим прогони детей Аберу-Окиа, защити, защити.

В ушах стоял гул. Точно через толщу воды Дара слышала, как дух гремел в печи, колотил по заслонке. Та ходила ходу-

ном. Мачеха задыхалась от натуги. Дух был силён, как волк.
Во дворе вдруг залаял пёс.

На улице был кто-то ещё. Это его заметила собака. Это от него дух в печи попытался спрятаться.

Весь обернулась на дверь. Она любила пса, как своё дитя.

– Что с Серым?

Пёс захрипел и вдруг сорвался на визг. Весь кинулась к выходу.

– Не тронь его!

– Стой! – Ждана схватила её обеими руками, оттолкнула от двери.

И в этот миг дух ударил ещё сильнее по заслонке. Дара вскрикнула, упёрлась в неё сильнее, и железо вдруг раскалилось в её руках докрасна. Она отпрянула назад, прижимая к груди руки. Но сама Дара не обожглась. Зато дух завыл от боли. Заслонка была горячее, будто только вышла из-под кузнечного молота. В печи зашуршало ещё громче, и звук потянулся вверх, дух пополз обратно по трубе.

Собака визжала, надрываясь от лая. Весь плакала.

– Отпусти, отпусти. Мы должны помочь Серому.

Дара кинулась к окну, приоткрыла ставни и осторожно выглянула. Бледное пятно пронеслось мимо с плачем.

Вдруг петух пропел в курятнике. Закудахтали птицы, и Ежи закричал выпью в хлеву. Все в доме замерли, притихли. Долго они слушали, как кричали птицы. И снова стало тихо. Дара прикрыла ставни, заперла.

Старый Барсук поднялся, взял топор из угла, Ждане в руку сунул нож. Дара сама взяла из отцовского сундука топор, не тот, которым кололи дрова, другой, ещё прадеда, который ходил с княжеским ополчением биться со степняками.

Они ждали. Молча, каждый на своём месте. Во дворе долго было тихо. Дара пыталась увидеть духов вокруг избы, но от волнения никого, кроме домового в углу, не заметила.

Мачеха дышала громко, а Дара вовсе боялась вдохнуть. Крепче она ухватила топор, подошла ко входной двери, надеясь услышать что-нибудь.

В окно постучали.

Веся взвизгнула, прижалась к матери.

Стук повторился.

Дара сделала шаг и замерла на пороге сеней, не в силах больше пошевелиться. Снова стук. Ставни шатались. Стук. Удар. Удар. Лупили со всей силы, отчаянно, зло. Веся кричала без умолку, Ждана молилась, плакала.

Медленно Барсук подошёл к окну.

– Кто там?

И снова стало тихо. Только шаги из стороны в сторону, из стороны в сторону.

Они просидели до рассвета, не могли заснуть. Петух не пропел, когда рассвело. Барсук первым решился выйти из дома.

– Никого! – крикнул он женщинам.

Дара выглянула из сеней, шурясь от света.

Верёвка, на которой сидел пёс, оборвалась. Сам Серый лежал в стороне, прижав уши к голове. Веса вырвалась из объятий матери, кинулась к нему, обняла, расцеловала. Пёс пристыженно помахал хвостом, прижался к земле и отказался вставать.

Ждана поторопилась в курятник. Дверь была приоткрыта, и женщина не стала даже заходить внутрь, так и осталась стоять снаружи. Отвернувшись, закрывая рот рукой. По щекам её потекли слёзы. Дара обошла мачеху, распахнула дверь настежь и задержала дыхание. В нос ударил запах крови. Перья и кровь. Красное, всё вокруг было красное.

Из хлева, слышав голоса, осторожно выглянул Ежи. Бледный от пережитого страха, он уставился огромными круглыми глазами на Ждану.

– Что это было?

Мачеха утёрла слёзы рукавом.

– Лес пришёл, – ответила она, всхлипывая.

Дара почувствовала, что все взгляды устремились на неё. Она застыла, внутри неё кровь заледенела. Она больше не могла отрицать правды. Лес пришёл за ней.

* * *

Барсук сидел на своём привычном месте. Дара опустилась рядом, и они долго молчали вдвоём. Пальцы старика дрожали. Девушка положила ладонь поверх его, пытаясь успоко-

ить.

– Помню это утро, как сейчас, – произнёс Старый Барсук. – Было ясно, морозно, только-только минула Длинная ночь. Молчан ушёл в Заречье, как только рассвело, а я пошёл скотину кормить. И вдруг вижу, как она идёт по полю от леса. Снег был глубокий, перед этим мело две седмицы без остановки. Она долго шла, очень долго. Я сразу понял, что это она. Вот просто сразу догадался, сам не знаю как.

Зелёные поля лежали от мельницы до Великого леса. Траву, точно волны на реке, волновал лёгкий ветер, он доносил запахи жары и пыли, трав и воды, но Дара ясно представляла всё, о чём рассказывал дед, и видела заснеженные земли и одинокую женщину, что брела от Великого леса к мельнице.

– Но я и подумать не мог, что Чернава принесла тебя. Ты лежала в заплечном туесе. Крохотная такая, – впервые за последние дни он улыбнулся, и только печальнее стало от мысли, что в настоящем не могло его порадовать ничего, кроме воспоминаний о прошлом. – Твоя мать сразу сказала, что ты будешь лесной ведьмой. «Она обещана лесу» – вот как она сказала. Других-то лесных ведьм давно не было, наверное, только поэтому лес тебя и отпустил, потому что некому было воспитывать малое дитя. Чернава предупредила, что когда ты вырастешь и проявишь свою силу, то лес потребует тебя обратно. Но я не хотел тебя духам отдавать. Дурак я старый, поверил, что обманул всех, что я хитрее богов. Прости меня, Даринка.

Морок прошлого растаял под жарким летним солнцем. Снег в полях и морозные узоры на окнах обратились в пар. Дара обняла деда, положила голову ему на плечо.

– Ты не виноват. Это не ты обещал меня лесу, – её глаза оставались сухими, в груди было пусто. – Не плачь, пожалуйста. Я вернусь. Я очень скоро придумаю что-нибудь и вернусь.

Ей очень хотелось верить, что это было правдой.

Родная мать обещала её лесу. Дед запрятал её дар и обрёк видеть страшные сны на протяжении многих лет. Но он сделал это потому, что заботился о Даре. Чернава отдала её Великому лесу, чтобы попросить что-то взамен. Она сторговала её, как мешок зерна на ярмарке.

Дара поцеловала деда в щёку и вошла в избу.

Отвернувшись к стене, Веся сидела на сундуке. В руках она вертела куколку, и Дара узнала в ней «невесту». Веся сделала куклу прошлой зимой на Долгую ночь, вплела ленту за лентой, проговаривая черты, что загадала для будущего жениха:

– Красивый, – красная лента обвилась вокруг куколки. – Добрый, – синяя легла рядом. – Богатый...

Все ли черты собрал в себе Милош? Почему Веся так легко его полюбила, отчего убивалась теперь?

Своей «невесты» у Дары не было, она жениха не ждала, но прогнала чужого.

Веся даже не оглянулась.

Дара посмотрела растерянно по сторонам. Трудно было решить, что могло пригодиться в чащобе, где водились дикие звери и царствовала нечисть. Дара надела крепкую холщовую рубаху до пят, старую понёву, которую не так жалко было испортить, подпоясалась, спрятала волосы под платок и подвязала лапти. Подумала и взяла зипун с печи.

И только тогда заговорила с сестрой:

– Я ухожу в Великий лес.

Весья даже не пошевелилась.

– Я не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще, – продолжила Дара. – Мне придётся идти к избушке Златы.

Сестра молчала, упрямо поджав губы.

Ждана завернула в узелок хлеба и яиц.

– Даже не знаю, что тебе ещё с собой в дорогу дать, – озабоченно проговорила она. – Горшочек с кашей тяжеловато нести будет? Давай я в миску деревянную положу и крепко платком обвяжу, чтобы не высыпалась.

Дара молча наблюдала за мачехой, копошившейся у печи. Барсук сидел за столом, понунив голову.

Мачеха положила на стол набитый узелок.

– Присядем на дорожку, – сказала она.

Втроём они собрались за столом. Помолились Создателю о добром пути. Помолчали. Каждый думал о своём, долго никто не заговаривал.

– Нехорошо это, надо бы Молчана дожидаться, – произнесла первой Ждана. – К чему спешить? Охотников здесь отро-

дьясь не видали, всё только пугали рассказнями, а кур у нас всё равно больше не осталось...

– Корову задерут, – вздохнул Барсук.

Или кого-нибудь из них.

– Нечего время терять, – решил дед. – Не маленькая уже. Сама дров наломала, сама пусть и разбирает. Иди сюда, – резко сказал он, протянул руку, прижал Дару к груди. – Как науку свою колдовскую выучишь или чего там тебя ждёт в избушке Златы, так назад ворочайся.

Дара не вырвалась, но обнять деда в ответ не смогла.

Рассвело. Пора было отправляться в путь.

– Я тебя провожу, – сказал Барсук.

Вместе они дошли до конца запруды.

– Ты не держи на меня зла, Дара, – попросил дед. – Оберегал я тебя от колдовства, покуда мог, да только ты уже взрослая и сама хозяйка своей судьбе. Видимо, суждено тебе найти избушку Златы. Твоя мать предвидела, что так случится. Она сразу меня предупредила, что ты вроде как до рождения ещё лешему обещана в услужение. Я не хотел в это верить, оберегал тебя, но...

– Как думаешь, она там? – нерешительно спросила Дара.

Дед пожал плечами:

– Кто знает? Думаю, вернись Чернава в Великий лес, то пришла бы тебя навестить.

Они обнялись. Дед крепко поцеловал внуку в щёку своими сухими губами, она прижалась к нему напоследок.

– Я люблю тебя.

Дара не плакала, покидая дом. Дочка мельника и ведьмы держала спину ровно и ступала прямо. Шла через поле, ни разу не обернувшись, даже не посмотрела в сторону полеви́ка, наблюдавшего за ней из зарослей.

Вдалеке над землёй реял сокол в поисках добычи. Она заметила его и необъяснимым образом почувствовала, что это был не Милош. Дара стиснула зубы и пошла дальше. С каждым шагом обида в груди разрасталась. Её жгла злость сразу на всех: на рдзенца за его игры, на водяного за советы, на Тавруя за помощь, на Весю за предательство, на Барсука за то, что выгнал из дома. И больше всего на Великий лес за то, что он владел её жизнью.

Тропа уводила её прочь от дома и прошлой жизни.

Всё ближе становилась опушка, тень от высоких сосен кралась Даре навстречу, а надежда отступала всё дальше. Она не знала, когда вернётся. Она не знала, увидит ли когда-нибудь снова деда, обнимет ли сестру.

Когда Дара почти достигла деревьев, её догнал знакомый голос.

– Да-ара-а-а!

Сестра бежала следом. Она тяжело дышала, лицо её впервые за эти дни порозовело.

– Погоди, – она остановилась в трёх шагах от сестры.

Дара молчала, ждала.

Веся отдышалась, подошла ближе и неожиданно заключи-

ла её в объятия. Дара оцепенела на мгновение и обхватила сестру, прижимая к себе.

– Прости, – вырвалось у неё, на этот раз почти от чистого сердца. – Я не хотела причинить тебе боль, лишь оградить от беды.

Вся молча поглаживала её по спине.

Время шло, но никто не спешил расставаться. Наконец Веса отпрянула, посмотрела Даре в глаза, провела пальцами по её заплаканным щекам, утирая слёзы.

– Возвращайся, – попросила Весняна. – Береги себя в пути и сторонись всякого зла.

И с этими словами она расцеловала сестру в щёки и отпустила. Дара поняла, что плакала пуще прежнего, но развернулась к лесу и пошла дальше.

Больше Дара не оборачивалась, чтобы не растерять всю свою смелость и не воротиться домой.

* * *

Ближний лес был ей знаком. Светлый и шумный, полный звуков и жизни. Часто они с сестрой приходили по грибы или по ягоды, были у них и свои заветные места. Деревенские забредали сюда реже, но тоже не испытывали страха.

Не этот лес пугал людей, но тот, что начинался дальше, за большими каменными домовинами духов. Их построили так давно, что нельзя уже было вспомнить, кто это сделал и

когда. Домовины были сложены из каменных плит, не имели ни окон, ни дверей, только небольшое отверстие посередине. Говорили, что в них жили духи Нави, сторожили покой леса. Время покрыло домовины мхом, а где-то так плотно окружило кустарником, что случайный путник мог пройти мимо, ничего не заметив. Точно стражи они стояли на входе владений Нави везде, где Великий лес граничил с землями людей, и ни один человек не смел пройти дальше них без разрешения.

Во всей округе только бывалый охотник Жито ведал тайные тропы Великого леса. Его отец, дед и прадед все были охотниками, но ходили на зверя редко и только если получали на то благословение лешего. Говорили ещё, что ведунья, жившая когда-то в Мирной, тоже не боялась духов и даже общалась с ними. Но то было давно, и мало кто помнил ту ведунью.

Однажды Дара встречала Хозяина, когда была ещё маленькой девочкой, до того, как Тавруй запер её силу. Она отправилась по ягоды с подружками из Заречья и из всех девочек была самой младшей, потому не успела убежать, когда на солнечной земляничной поляне показался бурый медведь. Все остальные завизжали, побросали лукошки и разлетелись в разные стороны, а Дара даже с места сдвинуться не смогла.

Она закрыла руками личико, чтобы не видеть страшной звериной морды. А медведь наклонился над ней низко-низко, так, что она почувствовала его шумное дыхание и мок-

рый нос на собственной коже.

— Не ешь меня, мишка, — пискнула Дара.

А медведь вдруг лизнул её и загудел, зарычал так чудно, что походило это больше на смех. Дара с опасением распахнула глаза и увидела над собой огромную звериную морду. Жёлтые глаза смотрели насмешливо, но не зло. И были они такими странными, такими необычными, что Дара сразу догадалась, что предстал перед ней в зверином облике сам Хозяин леса.

— Ой, — только и произнесла она.

А медведь вновь засмеялся утробно, отпустил её и пошёл неторопливо к деревьям. Кто-то из деревенских девчонок видел, как зверь обошёлся с Дарой, и с тех пор её стали бояться ещё больше, и когда по весне медведь-шатун задрал мужика из Заречья, в этом тоже обвинили Дару.

Дочку ведьмы лес не трогал, хотя держался в стороне.

Дара не раз замечала, как старая коряга мигала в сумраке леса жёлтыми глазами, как порой дерево медленно, будто качаясь на ветру, передвигалось с места на место. Другим то было неприметно, но Дара чувствовала, что леший наблюдал за ней и незаметно отгонял прочь диких зверей, подсказывал верную тропу или куст, за которым скрывался самый большой гриб.

Но прежде никогда Дара не просила лешего об услуге, не тревожила его покой. Она никогда не приближалась к самым домовинам и видела издалека всего пару раз. Впервые

она зашла так глубоко в лес.

Из-за деревьев показался каменный домик, верный знак того, что заканчивались земли людей и начинались владения духов.

В руке Дара сжала тоненький ножик, который взяла с собой тайком, пока не видели Ждана и Барсук.

Лес шумел кронами в вышине, но было удивительно тихо. Птицы не пели. Медленно крадучись, Дара приблизилась к навью домовине. Верхняя плита еле доходила ей до груди и почти вся была покрыта мхом. Девушка вздохнула несколько раз, не в силах совладать с собой. Обратной дороги не было.

Она зажмурилась и полоснула по ладони остриём ножа. Полилась горячая кровь. Дара коснулась окровавленной рукой каменной крыши и провела, оставляя длинную алую полосу.

– Хозяин леса, прими мои дары, – произнесла она и положила узелок, собранный Жданой, на крышу домика. Она не знала, продешевила или нет, но боялась разозлить лешего. – Прощу тебя, пропусти к избушке Златы.

Её голос потонул в тишине леса. Дара застыла на месте, прислушиваясь, дожидаясь ответа. Зачем мать пообещала её лешему? Зачем лешему нужна была новая лесная ведьма?

Дара дрожала всем телом, ноги её подкашивались. Она готова была убежать прочь, но кары духов боялась ещё сильнее, чем их милости.

Ветви над её головой закачались, земля задрожала, и мощ-

ный ствол высокой сосны сдвинулся с места. Жёлтые глаза ярко вспыхнули среди мохнатых ветвей.

Дара не могла пошевелиться. Огромное существо возвышалось над ней, тело его, подобное стволу, покачивалось на ветру, и протяжный скрип обращался в вой. Небо потемнело, точно набежали тучи, но это деревья сжались плотнее, нависли над домовиной. Тихо из глубин затрубила земля. Гул нарастал, поднимался, обступал со всех сторон. Лес признал её, приветствовал. Не дочку мельника, не дочку ведьмы, а своё лесное дитя.

Вой сорвался на тонкий визг. Сосна закачалась, затряслась и рассыпалась на сотни щепок. Они закружили в диком вихре, осыпались на землю дождём, захлопали ветви елей, точно огромные крылья, и Дара пропала. Навь пропустила её и снова закрылась от остального мира.

* * *

Ни посулённые монеты, ни долгие уговоры не смогли переубедить Жито.

– В лес не пойду, тут и говорить не о чем, – упрямо заявил охотник, не слезая с крыши.

Вячко, задрав голову, наблюдал за Жито, который чинил кровлю своего дома.

– А если...

– Никаких если, сказал же, – отрезал охотник.

Княжич почти отчаялся. Поиски рдзенца, который ограбил фарадалов, привели в Заречье. Местные рассказали, что почти седмицу назад прошёл через их деревню подозрительный рдзенец со слугой, который ходил по домам и искал проводника в Великий лес. Никто не согласился их провести, но несколько дней назад чужаки пропали, а вместе с ними старшая дочь мельника. Значит, она согласилась им помочь.

– А что, дочка мельника хорошо знает лес? – спросил Вячко у старухи, которая всё ему и рассказала.

– И она, и отец её, и дед тоже – все колдуны, все с духами знают. Как ещё можно мельницей управлять? – сказала уверенно деревенская сплетница. – А Дарка и вовсе родилась в Великом лесу, ей леший что родной отец.

Вячко побродил по деревне, поспрашивал людей и снова вернулся к Жито, чтобы ещё раз попросить провести его.

– Нет, – хмуро ответил охотник. – Дочка мельника до сих пор не вернулась, а раз уж ведьма не воротилась, то пропащее это дело. Непокойно там теперь. Что-то потревожило лес.

Дородная жена охотника только облегчённо вздохнула, когда Вячко пошёл к калитке. Она подметала двор и бросила ворчливо вслед уходящему гостю:

– Не ходил бы ты в лес.

Княжич остановился.

– Почему это?

– Лесная ведьма, говорят, вернулась, потому Жито и не

идёт никуда. С чужаками в лесу завсегда что дурное происходит, да и вообще, если ведьма в лесу, то и духи неспокойны.

– Княгиня Злата была лесной ведьмой, а она князя спасла...

– Спасти-то она спасла, – согласилась женщина. – Да только всё одно ведьма. А тут ещё рдзенца, говорят, прокляли.

– О чём ты?

– Да так, слухами земля полнится, – махнула рукой жена охотника. – Возвращайся, парень, домой.

Вернуться к отцу с пустыми руками он не мог. Вячко сходил на мельницу, расспросил её хозяина о рдзенцах и цели их путешествия. Неприветливый мужик, звавшийся Молчаном, ответил неохотно, насторожённо поглядывал на Вячеслава, пытаясь понять, кто он такой. Княжич оделся в простую, пусть и добротную одежду. Единственное, что выдавало в нём человека состоятельного, даже знатного, так это меч на поясе.

– Когда же вернётся твоя дочь? – спросил княжич у мельника.

– Когда Создатель пожелает, – буркнул Молчан.

Ни с чем ушёл Вячко и снова вернулся в дом охотника. Жито, на этот раз сидевший в избе, гостю не обрадовался. Жена его недовольно загремела горшками, но головы от печи не повернула, продолжила стряпать.

– Ничего нового я тебе не скажу, – проворчал Жито.

– Ты всё-таки попробуй, – сказал Вячко и бросил несколько серебряных монет на стол. – Раз сам не проведёшь меня в лес, так хоть Расскажи всё, что знаешь: какой дорогой идти, чего опасаться.

– Лешего нужно опасаться, – хмыкнул Жито. – Не пропустит он тебя в Великий лес.

– Тебя же пропускает, – пожал плечами Вячко.

– Это он добро помнит.

– Какое добро?

Жито усмехнулся в бороду, взгляд его немного потеплел.

– Однажды прадед мой, будучи совсем ещё мальчишкой, наткнулся в лесу на сову, которой подстрелили крыло. Прадед вылечил её и на волю отпустил. Дело нехитрое, на такое каждый способен, только была та сова из тех, что летают по ночам над Великим лесом и сторожат его от злых людей и духов.

– И что, больше никого этот Хозяин не пропускает?

– Почему нет? Чародеев пускает, да только выбирает, кто достоин.

– Много таких?

– Я одну только помню: княгиню Злату, отец мой знал другую лесную ведьму, она жила там до Златы. Сейчас вроде ещё одна объявилась. Других на моей памяти не случилось.

– И дочка мельника, – напомнил Вячко.

– Может, и она, – с сомнением хмыкнул Жито. – Не воротилась до сих пор, рано говорить, достойна или нет. Кто

знает, что там в лесу случилось. Может, мёртвыми лежат все трое в каком овраге.

Вячко самонадеянно подумал, что ему точно не стоило страшиться происков лешего. Злате он приходился внуком, из всех сыновей Мстислава больше остальных на неё походил, так часто повторял отец. Не мог леший не пропустить потомка лесной ведьмы.

Подробно расспросив Жито, Вячко покинул Заречье. Он почувствовал себя в дороге свободнее и легче, тем более что после странной ночи в остроге он больше не ощущал чужого присутствия. Преследователь оставил его в покое или потерял след.

Полагаться только на удачу и добрую память духов было всё же глупо, поэтому Вячко купил в деревне курицу и принёс её в дар у странного каменного домика в лесу, как велел сделать Жито.

Долго пришлось ждать, пока откликнется леший на призыв и примет жертву, подаст знак. Вячко прождал две лучины, но так ничего и не случилось. Тишину он посчитал за благой знак и пошёл дальше путём, которому научил его Жито. Память у княжича была хорошая, и он узнавал по дороге все приметные деревья, ручьи и овраги, о которых предупреждал охотник.

Спокойно прошёл первый день пути. Не повстречался ни дикий зверь, ни нечистый дух. Вячко почувствовал себя увереннее на лесных тропах, но вскоре хвойные деревья смени-

лись редкими кустарниками, зажурчали ручьи, повеяло сыростью, и Вячко понял, что вышел к болотам.

Открытие это было неожиданным. Не говорил охотник из Заречья ни о каком болоте, не сбивался Вячко с пути, только утром видел он приметную расколотую надвое молнией сосну, по сторонам которой бежали два ручья. Значит, шёл в верном направлении. И всё же пришлось возвращаться. Но будто до бесконечности растянулась тропинка, по которой он брёл. Солнце уже спряталось за верхушками деревьев, а Вячко всё шёл и шёл, и не было конца болотам.

Выросший на рассказах о своей бабке-ведьме и князе Ярополке, он хорошо знал, что нигде вокруг избушки Златы не было и быть не могло болот. Леший провёл его обманным путём, да только зачем? Подношение не пришлось ему по нраву или сам Вячко?

Стремительно опускалось солнце к земле. Пробирал холод до самых костей. Жужжали комары, кусали лицо и шею.

Вячко почувствовал, как проседала под ним почва, и пошёл быстрее. Он попытался вспомнить всё, что рассказывал ему о болотах брат. Мечислав уже второй год княжил в Ниже, она стояла среди топких, пропавших гнилью земель.

«Мечислав говорил, что воздух на болотах ядовитый», — подумал Вячко. Дышать и вправду было тяжело и душно, несмотря на холод.

Чем же он так не угодил лешему, что тот прогнал его из своих владений на Мёртвые болота?

Вячеслав остановился. Зелёным полям, покрытым мхом и редкой порослью кустарников, не было конца. Земля хлюпала под ногами, воздух звенел от напряжения, и даже небо почернело. Собирался дождь.

— Хозяин, — неожиданно сорвался голос на хрип. — Хозяин! — громче и увереннее повторил Вячко и, чуть поколебавшись, поклонился бесконечным болотам. — Великий дух лесной, звать меня Вячеслав, я внук лесной ведьмы Златы и князя Ярополка Змееборца. Я прошу твоей милости и молю о прощении, если как-то обидел тебя. Я ищу избу своей бабки. Пожалуйста, проводи меня к ней.

Он прислушался к пению лягушек и нарастающему ветру. Вячко ждал ответа, а с севера надвигались тёмные тучи. Тянулось время, растекаясь по небу синевой, а Хозяин леса не являлся. Может, давно закончились владения лешего и не было его власти на болотах? Но к кому тогда стоило обратиться, чьей помощи просить?

Небо потемнело, набухшие от влаги тучи сгустились над болотами. Ветер задул сильнее, подгоняя найти укрытие. Вячко обвёл взглядом округу, но не заметил ни одного места, где можно было бы спрятаться от непогоды. Ему ничего не оставалось, как продолжать идти. Он проваливался и увязал в мягкой земле. Сапоги его были дорогие, прочные, но ноги всё равно промокли.

А потом хлынул дождь. Беспросветной стеной он окружил Вячко, и тот больше не мог разглядеть ничего перед собой,

струи хлестали его по лицу. Княжич закутался в плащ, пытаюсь укрыться от ненастья. Сильнее задул ветер. Духи и боги разозлились на него не на шутку.

Вячко не решился идти дальше, опасаясь провалиться в трясины. Он присел у невысокой лысоватой ели, склонил голову к земле и накрылся шерстяным плащом. Сидеть на одном месте было холодно и неудобно.

Если он стал жертвой навьих духов, то не было другого шанса выбраться с болот, кроме как вернуть их благосклонность. Но что им отдать? Свой меч? Так без него не прожить Вячко и дня. Он стал бы добычей и для зверя, и для человека. Золото? Но разве интересует оно духов?

Он замёрз и устал. В голову лезли лишние мысли. Отец разозлится, если Вячко вернётся ни с чем. Добрава не простит его, если он не получит отцовского благословения. И мать, мать...

Дождь бил его по затылку и спине, и Вячко сильнее кутался в плащ. Болото рокотало, приветствуя бурю. Княжич оглох от шума ветра.

Деревья качались на ветру. Где-то вдалеке среди берёз стояла Добрава. Она, конечно, обиделась и не желала с ним говорить.

А мать... мать была по-прежнему мертва.

Вячко увидел её бледное лицо у своих ног. Она выглядывала из-под мха и болотной трясины. Мертва, мертва. Он хотел закрыть глаза руками, но не смог пошевелиться, даже

зажмуриться у него не получилось. Мать смотрела на него бледными глазами мертвеца.

Что отдать духам Нави?

Медленно покрывались сапоги мхом, обвивались вокруг щиколоток зелёные ветви ели, хищно распахнула пасть трясина. И было слишком поздно.

Земля под ним разверзлась. Вячко успел уцепиться за колючие ветви той самой ели. Она затрясла зелёными лапами, а княжич всё глубже уходил под воду, топь засасывала его. С отчаянием он пытался выбраться на сушу, но с каждым движением только сильнее увязал в болоте.

Дождь лил не переставая, хохотал с издёвкой ветер.

Вячко цеплялся за ветви ели, за короткую траву, но мокрые пальцы соскальзывали раз за разом. Он ушёл в болотную жижу с головой и уже не смог сам вынырнуть, когда расслышал сквозь толщу воды звонкий голос:

– Хватай!

Рядом в воду упала верёвка. С трудом Вячко пошевелил рукой, пытаясь дотянуться.

– Давай же, утопленник, хватайся! – подбодрил девичий голос.

Он никогда не слышал так чётко под водой. Слова звенели в ушах.

Каждое движение только сильнее затягивало на дно. Лишь чудом сумел он ухватиться за верёвку, уцепился со всей силы, обкрутил вокруг запястья.

– Готово? Тянуть можно? – спросил голос.

Он хотел ответить, но лишь забулькал водой.

– Эх, утопленник... Давай, раз, два, три!

Вячко вынырнул на поверхность отплёвываясь, жадно глотая воздух. Он будет жить. Не гнить ему в этом проклятом болоте. Не гнить.

Выбравшись на небольшой островок посередине болота, Вячко упал на четвереньки, громко задышал. Вода стекала с него ручьём.

Дождь прошёл. Стало совсем темно.

– Не надо благодарностей, утопленник, – хмыкнула девочка.

Вячко повернул голову и уткнулся глазами в две пары сапог.

Глава 6

*О, я пела ему, пела ему, так пела –
Что в тёмных болотах застоя вода вскипела,
И чёрное стало искрящимся, зимним, белым –
Отчаянно, неумело и до предела
Связок и связей – я пела ему, я пела.*

Мария Покусаева

Рдzenia, Совин

Сокол взлетел выше над лесом.

Сверкнула река впереди, виляя вокруг столицы. Милош сразу узнал этот берег. Дождь хлестал по крышам и мостовым. Облака опустились так низко, словно пытались дотянуться до башен королевского замка.

Милош никогда не летал на другом берегу и не покидал стен Совина, будучи соколом. Он не мог пересечь стену. Но всё равно летел вперёд.

Город приближался. Крылья несли его слишком быстро, быстрее, чем он успевал всё осмыслить. И Милош не мог остановиться, не мог повернуть назад.

Что-то в груди, в хрупких птичьих костях, в крови его было сильнее разума. Оно жгло, терзало и тянуло, тянуло впе-

рѣд, заставляя позабыть обо всѣм.

Он бился внутри, он – настоящий Милош – кричал и вырывался из птичьей груди, но сокол летел на верную смерть. Туда, где он появился на свет. К сгоревшим домам на севере столицы, к каменным развалинам, к могилам чародеев. Туда, где он родился. Туда, где умерла его семья. К Совиной башне.

Оборотень не мог перелететь городскую стену. Защита должна была убить его, но он всё равно летел. Проклятие жгло, подгоняло. Чары, проклятые чары. Если бы сокол мог, то когтями выдрал бы глаза дочке мельника.

Если бы он только мог.

Крылья отяжелели. От усталости сокол задыхался, но не остановился ни на мгновение. Он так стремился вернуться домой, подчиняясь проклятию, он так торопился встретить смерть.

Совин становился всё ближе. Серый, почти чёрный под проливным дождём. От реки пронёсся ветер. Милош удержался. Его разум потух, прожжённый чарами и болью. Он уже едва понимал, что видел перед собой. От дождя размылось зрение, даже соколиным глазам нелегко стало различить каменные стены впереди.

В груди скрутило сильнее, и он закричал, взмахнул крыльями, чтобы полететь ещё быстрее. Совин, родной Совин. Его колыбель и могила.

Ветер свистел. Дождь лил всё сильнее.

Милош уже мог различить стражников на стене и всадников на мосту.

Стена приближалась. Он увидел мох, проросший между камней, различил гнёзда ласточек над берегом Модры. Река, вода, дождь, камень, мох.

Он не видел защиту, она оставалась незрима для духа и человека, он никогда её не видел, но всегда ощущал болью, пронзающей сердце. Прежде он пересекал её человеком, теперь оборотнем. Что ощутит он перед смертью? Должен же он хоть что-то почувствовать перед своим концом?

Стена. Стена всё ближе. Дождь. Ветер. Камень. Милош не хотел умирать. Не хотел. Ещё рано, слишком рано для него.

Камень. Мох. Дождь слепил.

Чёрное мелькнуло в стороне. Сокол больше не замечал ничего. Цель была так близко. Он уже разглядел деревья, что выросли на месте Совиной башни. Он дома. Почти дома.

В последний раз он был там в Хмельную ночь. Его оторвали от матери. Она лежала в разрытой могиле холодная как лёд, и вокруг вповалку лежали другие тела, один Милош среди них был живой. Пожар ревел, пожирая Совиную башню, а Милош плакал навзрыд и ни на миг не отпускал руки матери. Стжежимир насильно утащил его прочь. А теперь Милош умрёт, пытаясь вернуться.

Стена совсем рядом.

Сверху накинулся ворон. Милош отпрянул назад, замахал крыльями.

Это неправильно. Вороны не должны нападать на соколов. Они боятся, они знают, как остры соколиные когти, как крепок клюв. Легко он может перебить хребет противнику.

Заклятие не позволяло остановиться. Сокол справился с ветром, выровнял полёт. Ворона нигде не было видно, но он кричал рвано и пугающе где-то совсем рядом. Точно пытался остановить, образумить:

«Стой, дурак, ты умрёшь!»

Но Милош полетел дальше. Он слишком отчаялся, чтобы что-то придумать. Птичье тело стало клеткой, оно несло его к смерти.

Ворон напал снова снизу. Ударил в грудь, и сокол забил крыльями, чтобы подняться выше. Ворон клюнул опять, клювом схватился за лапу, за ту, что была проклята фарадами, повис камнем, ударил в живот.

И небо закружилось вокруг. Ветер и дождь, небо и земля. Всё менялось местами и снова, и снова, и снова. Сокол падал, а ворон клевал его, терзал. Крылья били по нему, когти рвали. Сокол по природе своей был сильнее и быстрее, но не теперь. Он летел от самой мельницы на краю Великого леса. Он ослабел. Он был проклят. Он горел изнутри от проклятия. И ворон победил.

Он перехватил Милоша и понёс к самой земле.

Камень и мох, ветер и река. Перед глазами всё мелькало, а в груди чары сжигали внутренности, мучили, крутили, убивали.

Они рухнули на землю. Ворон замедлил падение, но всё равно прижал сверху всем весом. Кости в крыле сокола хрустнули. Лапа вывернулась. Он закричал и остался лежать, клювом зарывшись в землю. Дышал исступлённо, громко, в последний раз.

Ворон отпустил его. Пропал. Милош слышал, как в стороне что-то громко рычало, сипело. Он поднял голову. Над ним до самых небес возвышалась городская стена Совина. Ласточки кружили сверху, кричали пронзительно. Они охраняли свои гнёзда, глупые птицы.

Милош остался по другую сторону стены. С перебитым крылом он не мог перелететь. И это значило, что он будет ещё жить, пусть и недолго. Пусть только лучину, пока не вернётся ворон и не заклюёт его насмерть, но будет жить. На родном берегу, у стен своего города.

Сокол закричал.

– Что ж ты какой дурной? – раздался рядом хриплый голос.

Милош закрутил головой и, опираясь здоровым крылом, попытался подняться.

– Тише, тише, – его схватили, прижали крылья к телу, поднимали резко над землёй. Это был человек.

Он развернул сокола к себе, не давая вырваться.

– Не трепыхайся, я друг.

Чёрные большие глаза, тёмные волосы и нос точно клюв. Мужчина стоял совершенной голый, и только вороново перо

было вдето в его волосы.

– Почему ты не обращаешься? Я же вижу, кто ты, – он прищурил чёрные глаза. – И зачем летел прямо в город? Защита сожгла бы тебя, ты же знаешь?

Милош не мог ответить и только вырывался. Его крыло было сломано, а силы иссякли, но проклятие всё равно заставляло стремиться назад в Совин.

Ворон-оборотень осмотрел его, не отпуская.

– Ты проклят, брат, теперь я вижу. Не бойся, я заберу тебя с собой. Подальше от этих стен. Придётся, значит, отложить мои дела. Видишь ли, я летел в столицу. Тебе туда не попасть, пока ты в птичьем обличье, но я на многое способен. И тебя тоже научу, только пойдём со мной, – он подошёл к краю берега, откуда были видны рыбацьи жилища у реки. – Сначала, правда, найдём мне одежду.

Мёртвые болота

Вскоре снова пошёл дождь. Недружелюбные просторы болот не имели конца, но под навесом рядом с костром Вячко ощущал себя чуть лучше. Он жевал суховатую лепёшку и пытался понять, что делать дальше.

Югра временами посматривала на княжича с усмешкой в глазах и следила за костром, чтобы тот не потух. Её брат, назвавшийся Олоко, вернулся с очередной охапкой еловых веток и положил их на навес, заделывая небольшие щели.

– Значит, ты был в Запретном лесу, – сказала Югра.

Вячко кивнул, догадался, что девушка имела в виду Великий лес. Он не скрывал своего любопытства, разглядывая Югру. Его спасители ничем не походили на людей, которых он прежде встречал. Между собой они говорили на незнакомом языке. Роста оказались невысокого, они еле доставали Вячеславу до груди. Кожа у обоих была смуглая, в желтизну, глаза тёмные и узкие, носы длинные и широкие. Брат и сестра носили похожие меховые одежды, из оружия предпочитали луки и короткие ножи, а чёрные волосы заплетали в косы, и это тоже было чудно для Вячко, что мужчина и женщина носили одинаковые причёски. Всё в них было чужое: и черты лица, и речь, и одежда, но они были добры к незнакомцу, которому спасли жизнь.

Вытащив княжича из трясины, Югра и Олоко провели его к своему лагерю. Они рассказали, что жили севернее на болотах, а в этих местах охотились.

– Земли зелёной воды опасны, – угрюмо заметил Олоко. – Зачем ты пришёл к нам?

– Я не шёл к вам, а пытался пройти в Великий, как ты говоришь Запретный лес, но духи завели меня на болота. – Вячко положил последний кусок лепёшки в рот и отряхнул руки.

Югра с недоверием посмотрела на него.

– Зачем?

– Кто же поймёт нечистых духов?

– Зачем тебе в Запретный лес?

– Я ищу одного человека, который туда пошёл, – размыто ответил Вячеслав.

– Зачем? – настойчиво повторила Югра.

– Мне так повелел сделать отец.

Девушка наклонила голову чуть набок, задумываясь над его словами и, поразмыслив, молча кивнула. Олоко тоже одобрил:

– Отец – это важно.

Молодой охотник присел рядом под навесом. Двигался он тихо, даже Вячко было нелегко услышать его шаги, хотя он нередко сидел в засаде, научился слышать за стоном ветра свист стрелы, узнавать человеческие шаги по дрожи земли и самому оставаться незаметным. Но Олоко передвигался так ловко, что Вячко было непросто за ним уследить, и это заставляло сердце холодеть в груди. С трудом княжич заставил себя убрать руку от рукояти меча, но положил его подле себя.

– Вы живёте на болотах одни?

– С нами Ики, – ответила Югра.

Она осталась сидеть под дождём, накинув на голову капюшон. Когда Вячко, переживая за свою спасительницу, спросил, не боялась ли она простудиться, девушка улыбнулась и пояснила, что толстый олений мех спасал от любой непогоды.

– Где же вы здесь нашли оленей?

– Не здесь. Далеко, – сказал Олоко вместо сестры.

– В деревне у Нижи, – пояснила Югра.

– Так вы бывали в Ниже? – обрадовался Вячко.

– Да. Ты оттуда?

– Нет, вовсе нет, но много слышал об этом городе. Каков он?

– Большой, – простодушно сказала Югра.

Вячко хоть ни разу и не бывал в Ниже, но от брата знал, что из всех городов Ратиславии этот был самым маленьким и ограничивался детинцем и скромным посадом за стенами. Но, наверное, жителям болот, которые ни разу не бывали в Златоборске или хотя бы в Новисаде, Нижа могла показаться огромной.

Олоко поделился с ним зажаренной змеёй. Вячко с опаской принял угощение, решиться откусить он никак не мог.

– Плохая охота. Зверь пугаться, бежать, – невесело рассказал Олоко, кивая на змею.

– Чего пугаться?

– Думаю, тебя, – с укором в узких глазах ответил Олоко.

Югра хихикнула, садясь к ним под навес. Были они с братом юны, не старше самого Вячеслава.

– Вячко сказал, что он на болоте только один день, – произнесла девушка. – Не в нём дело.

– А в чём?

Югра пожала плечами, что под её толстой шубой было плохо заметно.

– Духи недовольны, лес беспокоен. Болото это чувствует,

вот и звери волнуются.

– Вы знаете, из-за чего это происходит?

– Ты был в лесу, ты и скажи, – хмыкнула Югра.

Вячко осторожно откусил немного от жареной змеи. Слышал он, что и змей, и жуков, и даже крыс ели в вольных городах, но всегда жалел людей, которые, верно, от крайней бедности и скудности земли употребляли в пищу мерзких гадов.

– Какие волосы, – сказала Югра, бесцеремонно накрутив на палец курчавую прядь Вячеслава. – Как огонь. Никогда таких не видела.

Её косы были черны словно уголь, на взгляд они казались жёсткими и тонкими.

– У ваших людей не бывает рыжих волос? – спросил Вячко. На Благословенных островах ратиславцев называли «красными» потому, что Злата и дружинники, которые пришли с ней к Императору, почти все были рыжеволосыми.

– Нет, таких не бывает, – печально произнесла Югра, отвернувшись к костру.

Скоро дождь прекратился. Втроём они легли спать под навесом, но ночь выдалась беспокойной и шумной. Вячко привык дремать насторожённо, будучи готовым проснуться в любой момент. Мир вокруг был нов и неизведан, и он подумал, что вовсе не заснёт. Но болота измотали его. Вдалеке были волки, и Вячко понял, что болота не так бесконечны, как ему показалось. Где-то недалеко начинались поля или леса, волки не стали бы забредать глубоко в топи.

На болотах воздух был влажный, и эта влага прокрадывалась под одежду, просачивалась под кожу, пробиралась до самых костей. Не помогали близость костра и шерстяной плащ, от которого теперь воняло тиной и гнилью. За один день болото пропитало насквозь одежду, волосы и кожу. Вячко приснилось, что он сам стал частью топей, оброс тёмно-зелёным мхом и обратился в старую корягу, погружающуюся в трясину.

Он проснулся, почуяв опасность. Приподнялся, взгляделся в темноту. Хрустело дерево, пожираемое пламенем. Олоко сидел у огня, следил, чтобы тот не потух. Было мирно, спокойно, и Вячко посчитал, что ошибся в своих предчувствиях.

Не сразу за искрами костра он распознал золотые всполохи далеко на востоке.

– Уже рассвет? – тихо спросил он, не желая разбудить Югру.

Она лежала рядом, скрутившись в клубок, и казалась совсем маленькой. В своей огромной шубе девушка походила на медвежонка. Вячко улыбнулся собственным мыслям. Медведь – бурый и грозный – прежде красовался на знамени его рода. Говорили, когда Ярополк и Злата заложили Златоборск, лесной царь в обличье медведя явился к ним, давая своё позволение на строительство города. Ратиславцы посчитали это за благой знак. Не зря говорили, что только сильнейший из чародеев мог обратиться в медведя.

Но прошло много зим с тех пор. На знамени златоборских князей появилось кайло, окружённое солнечным светом, — знак Императорского рода, чья кровь текла в старших сыновьях Великого князя. Ярополк должен был править Ратиславией после отца, его род стал бы первым.

Вячко взглянул на небо, мерцающее на востоке.

— Светает, — повторил он, но Олоко вновь притворился, что не расслышал его слов. — Разбудить Югру?

Они собирались выдвигаться на рассвете, чтобы к концу дня успеть добраться до домика на болотах. Олоко и Югра сказали, что их дед мог бы помочь Вячко найти дорогу к Великому лесу. Это показалось странным, ведь старик вряд ли знал болота хуже своих внуков, но княжич согласился. Вряд ли охотники спасли его жизнь, чтобы после погубить.

— Не надо, — остановил Олоко, когда Вячко потянулся к Югре. — Пусть спит.

— Но уже рассвет.

— Нет, — Олоко поворошил ветви в костре. Отсыревшие, они плохо горели.

Вячко вновь взглянул на восток, но небо стало тёмным. Он прищурился, не веря собственным глазам. Неужто показалось?

— Но свет... я же видел...

— Это зелёная башня, — сказал Олоко. — Она порой светится.

— Башня? — Княжич никогда не слышал ни о чём подоб-

ном, хотя немало книг прочитал в годы своего учения, умнейшие мужи с Благословенных островов говорили с ним о других государствах и дальних землях. Пусть многое Вячко забыл, но светящуюся башню бы точно запомнил.

– Она за горами, – пояснил Олоко. – Далеко. Птица день летать и ещё ночь. Но свет яркий, иногда видно.

– Я никогда не слышал об этом, – слова охотника взволновали Вячко. – Расскажи.

Олоко пожал плечами:

– Мало что рассказывать. Туда нельзя ходить.

– Почему?

Охотник поёжился, отвернулся к костру. Его чужое желтоватое лицо походило на безобразную маску, которую видел однажды Вячеслав среди подарков, что преподнесли его отцу заморские гости. Они сказали, что это лик древнего духа, обитавшего в их лесах. Злого, хищного, безжалостного и уродливого. Олоко не был уродлив, но раскосые глаза и узкий подбородок делали его лицо отталкивающим.

«Кто знает, может, так же сильно его пугает моё лицо, мои «огненные» волосы?» – подумал Вячко.

– Почему нельзя ходить к зелёной башне? – повторил он свой вопрос.

Олоко был недоволен его настойчивостью, но ответил:

– Там чудь.

– Кто?

Охотник покосился на сестру, в тёмных глазах было

невозможно что-то разглядеть. Он прикрыл ладонью рот и показал на Югру. Вячко вздохнул и понимающе кивнул. Ему тоже не хотелось тревожить чужой сон.

– Спи, – посоветовал Олоко. – Рано вставать, долго идти.

Вячко опустился на еловые ветви, чувствуя под боком тепло человеческого тела. Он слушал треск костра и тревожный шёпот болот, медленно засыпал и всё думал о зелёной башне, сиявшей в ночи далеко за горами.

* * *

– Ики будет рад тебя видеть, – сказала Югра.

Она называла Ики своего деда, который жил в избушке где-то на болотах, дожидаясь возвращения внуков с охоты.

– Какой он, – спросил Вячко, – ваш дед?

– Ики мудрый и старый, – ответила Югра. – Он очень много видел и очень много знает.

Проснувшись поутру, девушка не переставала улыбаться. Пухлые губы растянулись так широко, что скуластое лицо совершенно преобразилось. Вячко с интересом наблюдал за ней, за тем, как ловко она ступала, зная каждую тропку и кочку и вовсе не опасаясь болот, как лукаво поглядывала на княжича, как взмахивала тонкими короткими косичками.

Олоко был хмур и молчалив. Он шёл последним, осторожно ступал вслед за княжичем. Впрочем, неразговорчивость парня не удивляла Вячеслава, по-ратиславски Олоко гово-

рил с трудом в отличие от своей сестры.

– Вы давно живёте на болотах?

– Очень давно, – голос Югры прозвучал радостно. – Мы с Олоко нигде больше не бывали.

– А в Ниже? – напомнил Вячко.

– Один раз очень давно. Там плохо.

– Почему? – спросил княжич и тут же пожалел о собственном любопытстве, потому что вопрос неожиданно расстроил охотницу. Она переменилась, улыбка исчезла с её лица.

– Люди злые, – сказала Югра.

Она пошла впереди, больше не оборачиваясь, отчего Вячко не мог разглядеть её лица.

– Тебя обидели?

– Не меня, мой народ, – пояснила Югра. – Нас прогнали далеко, отобрали все земли. Мы оставили свои дома и теперь прячемся.

Вячко растерялся. С тех пор как князь Ярополк велел заложить город Нижу, многие племена, большие и малые, сами собрались под его знамёнами. Они подчинялись законам и платили дань. Встречались недовольные, те, что требовали больше прав и больше земель для себя, но златоборские князья умели уговорить их вождей, задобрить подарками и лестью. В Ратиславии царил мир. Неужели Вячко что-то не знал о том, как правил в Ниже его брат?

Во время привала выпала возможность наконец поговорить.

– Расскажи, что случилось с твоим народом?

Охотница пытливо разглядывала Вячко, решая, стоит ли отвечать.

– Мы много лет жили в этих землях, пока не пришли чужаки. И тогда нам пришлось уйти.

– Почему? Вас обижали?

– Убивали.

Больше она ничего не сказала, как бы Вячко её ни упрасивал.

А к вечеру они пришли к дому охотников.

Он стоял на высоких сваях, и чтобы подняться, нужно было забраться по приставной лестнице. Югра достала из-за пазухи дудочку, дунула в неё, и разнёсся раздражающий звук, точно сотня комаров окружила их со всех сторон.

Дверь приоткрылась, и показался невысокий старик в дражных одеждах. Он смотрел перед собой, не поворачивая головы. Югра крикнула что-то на незнакомом языке, и старик скрылся в доме ненадолго, вновь показался в дверном проёме, держа в руках лестницу. Он спустил её вниз, Югра проверила, крепко ли та встала на топкую землю, и полезла первой, за ней Вячко.

Дом оказался тёмным и сырым, пропахшим насквозь болотной гнилью. Мебели не нашлось вовсе, у стен на полу лежали в беспорядке шкуры, посередине стояла жаровня, а над ней в потолке зияла дыра, через которую уходил дым.

А на деревянных столбах, что держали крышу, были вырезаны знаки животных: заяц, собака, крылатый змей.

Вячко насторожённо осматривался, по привычке продумывал, как действовать в случае нападения, а хозяева рассматривали его самого.

Старик был такой же невысокий и желтокожий, как и его внуки. Вячко взглянул на него и едва сдержался, чтобы не отшатнуться назад, встретившись с совершенно белыми глазами Ики. Радужка отчего-то была белой, и только зрачки чернели в странных пугающих очах.

Вячко совладал с удивлением и низко поклонился, пожелав Ики долгих лет жизни, но тот не ответил. Старик, прищурившись, посмотрел на гостя и перевёл взгляд на внучку. Югра снова заговорила на родном языке. Вячко наблюдал за хозяевами и пытался понять, о чём они вели речь. Девушка говорила, её дед молча кивал, мотал серебряной тонкой косичкой за спиной.

– Ики ослеп от старости, – после объяснила Югра Вячеславу. – Поэтому у него такие глаза. Ты не пугайся.

Вячко кивнул, недоверчиво поглядывая на старика. Встречались ему в Златоборске и те, что потеряли глаза в бою, и те, чьи очи остались на месте, но утратили способность видеть. Становились они тогда бледными, будто краску водой смывало, но никогда молочно-белыми.

– Ты понравился ему, – продолжила тихо шептать Югра. – Он разрешил тебе остаться.

Вячко кивнул и коротко поблагодарил за приглашение. Ики не ответил. Он не понимал по-ратиславски.

Тем же вечером, когда княжич захотел расспросить старика о дороге к Великому лесу и попросил Югру перевести, девушка уговорила обождать:

– Сегодня только вернулись. Отдохни, утопленник, сил наберись, – усмехнулась она. – Я приготовлю саламат из той утки, которую подстрелил Олоко. Тебе понравится. Будь нашим гостем, у нас никто не бывает.

И Вячко согласился. Вечером они собрались у жаровни, расселись в круг на старых, проеденных молюю шкурах. Валил дым, уходя в небо, дом довольно трещал от тепла, а за его стенами на болотах беспокойно хлюпала трясина.

Ужин был вкусным, а разговор – приятным. Вячко угостили напитком, который сохранил на «особый день» Ики. Это был крепкий, горький настой, от которого по телу разливался жар. Усталость и леность охватили княжича. Олоко, мастера стрелы, поглядывал на него с неодобрением. Сам он пить не стал и, покончив с ужином, отсел в сторону. Ики быстро поел и, укутавшись в шкуры, задремал.

У огня осталась одна Югра. Она расспрашивала Вячко о его жизни, о Златоборске и обо всей Ратиславии.

– Расскажи, а правда, что в ваших землях есть люди-ящеры? – спросила она.

Вячко пьяно засмеялся.

– Ты, верно, говоришь о Змеиных царях? – догадался он. –

Но они живут не в Ратиславии, а далеко за морем. Очень давно, ещё до моего рождения, мой дед, князь Ярополк, сразил их Царя и...

Он запнулся, осознав, как глупо проговорился. Никогда прежде не замечал он за собой такой болтливости. Рука, которой он держал кружку, вдруг стала непослушной и тяжёлой, и напиток едва не пролился на пол.

Югра переглянулась с Ики, который, как вдруг выяснилось, не спал. Олоко молча привязывал перья к стреле.

– Значит, твой дед – князь, – произнесла задумчиво Югра. – Это по-вашему – владыка, верно?

– Я... я, – запинаясь Вячко, не в силах придумать отговорку. – Верно, мой дед был владыкой, правителем.

– И ты тоже? – с любопытством спросила охотница.

Ики не сводил с княжича своих белых глаз, отчего Вячко сделалось не по себе.

– Нет, пока нет, – неохотно признался он. – Я служу в дружине.

– А потом?

– Потом стану княжить, но буду подчиняться старшему брату.

– Ты боишься, – будто с удивлением заметила Югра. Вячко возмутился её словам.

– Я вовсе не боюсь, но...

– Тебе и не стоит, огонёк, – улыбнулась она. – На болотах никому нет дела до князей и царей. Мы здесь все равны.

Больше они не заговаривали о Ратиславии, и он успокоился. Югра отдала гостю шкуру оленя, чтобы укрываться от холода ночью, и стоило Вячко опустить голову и закрыть глаза, как он провалился в глубокий сон.

* * *

С наступлением нового дня княжич загорелся желанием немедленно отправиться в путь, но Югра позвала его с собой осматривать сети на озере, и к вечеру он так устал, что совсем позабыл поговорить с Ики. На третий день Югра предупредила, что старик занемог, и его стоило оставить в покое. На день четвёртый Вячко позабыл, зачем ему было нужно идти в Великий лес.

Мёртвые болота приняли его.

Он стал лучше понимать эту беспокойную землю: рыбачил вместе с Югрой и чинил избу с Олоко, привык к странному белоглазому Ики и даже научился говорить пару слов на его языке.

Один день сменялся другим, минул месяц липень, перевалил за середину серпень, а жизнь на болотах оставалась неизменной. Теперь Югра звала с собой на охоту одного Вячко. Он, конечно, соглашался. Югра чудесно умела слушать. Ей было важно всё, что он говорил о своём детстве, о матери и братьях, о Добраве и дружине. И, может, так бы и шла жизнь Вячко, но одной ночью он проснулся от шороха.

Оглядевшись в темноте, он заметил, как медленно приоткрылась дверь. У порога стоял Олоко. Снаружи лился тусклый свет. Охотник посмотрел за порог и вдруг шагнул вперёд, упал камнем вниз. Вячко хотел позвать его, но побоялся разбудить остальных. Подкрался к двери, замер на краю, поражённый увиденным.

В ночи среди зелёных топей порхали словно бабочки яркие огоньки. Они кружили вокруг дома, разгоняли ночь, мерцали в чарующем танце. Были они не больше воробья, но летали в отличие от птиц медленно и совсем невысоко над землёй.

Девять огоньков насчитал Вячко. Они подлетели нестройной вереницей к Олоко, и тот протянул руку, бормоча что-то себе под нос, но стоило ему коснуться света, как он вдруг закричал, попытался вырваться, но огонёк разросся и заглотил руку по самый локоть.

Вячко бросился назад к своей лежанке, схватил меч. Вскоčila Югра. Заверочался на своих шкурах Ики.

– Что?.. – только и спросила девушка, а Вячко уже кинулся к распахнутой двери и спрыгнул вниз.

– Назад! – нагнал его крик.

Княжич упал на мягкую землю прямо в середину огненного хоровода. Духи пели, кружа вокруг, звенели трелью их голоса, и не разобрать было ни слова.

Вячко кинулся к Олоко, взмахнув мечом, рассёк напополам духа. Тот вспыхнул чуть ярче, но оружие никак ему не

повредило. Светлячки разгорелись жарче, заплясали, подступая ближе, песня их переливалась серебром. Княжич удалил снова, свет затрепетал, но дух остался цел.

Словно птица слетела на землю Югра, в руках её пылало полено. Огонь не отпугнул светлячков, но, наоборот, привлёк, и Вячко бросился к девушке, чтобы защитить.

– Прочь! – толкнула его Югра. – К земле пригнись!

Вячко не привык уклоняться от боя. Он встал впереди, заслонил собой Югру и Олоко, потянулся к духу мечом, а светлячок вспорхнул и коснулся его лба.

И огонь вспыхнул так ярко, что всё вокруг погасло, потонув в беспмятстве.

Рдзения

Сокола долго несли в мешке. Он потерял счёт времени, теряясь в забытии. Боль и чары жгли тело, лишали рассудка. Временами вспыхивал свет, и тогда Ворон-оборотень доставал его, чтобы дать напиток, а после прятал обратно в мешок, и снова обрушивалась непроглядная тьма.

От каждого покачивания мешка у сокола сильнее болело сломанное крыло. Милош не знал, что случилось, не понимал, почему его держали в неволе, и едва помнил себя самого.

– Осторожно, Здислава, он ранен.

Сокол очнулся снова в чужих руках.

– Надо в клетку его сапереть, – прошепелявил старческий голос. – Фтоб не убефал.

– Улететь он всё равно не сможет, крыло сломано. Чернава, ты сможешь его вылечить?

Оперения коснулась лёгкая рука. Сокол затрепетал от страха, он хотел бы вырваться, но так ослаб, что едва пошевелился.

– У него сломано крыло и с лапой что-то не так, видишь, как подгибает?

– Так сможешь? – нетерпеливо спросил Ворон.

Милош скосил глаза в сторону. В полумраке он разглядел смуглую женщину в чёрном платке.

– На нём проклятие. И не одно. Посмотри, как сплетено? Одно не даёт ему обратиться человеком, второе тянет туда, откуда вьётся его нить. И ещё одно, посложнее.

Она склонилась совсем низко, и сокол невольно попытался отползти в сторону.

– Третье хуже всех. Оно его убивает. Посмотри, как необычно выются чары. – Чернава отвела его крыло в сторону, и сокол вскрикнул от боли. – Такого я ещё не видела.

– Так сможешь или нет? – рявкнул нетерпеливо Ворон.

– Я залечу раны и крыло, остальное пока плохо понимаю. Замелькал свет, засверкал ярче. Рядом поставили масляную лампу. Милош зажмурился, ослеплённый огнём.

– Кто же так тебя, сокол? – Чернава склонилась ниже, осмотрела его со всех сторон.

Её чёрные глаза сверкали в свете лампы как два уголька. Милош опустил в бессилии голову, мысли его сплетались, как нити клубка, с которым игрался кот.

Вороны. Кто-то рассказывал ему о Воронах, и это было важно. Он не мог вспомнить... кто он такой?

– Драган! – Чернава оглянулась через плечо. – Раз ты возвращаешься в Совин, загляни к Стжежимуру. Помнится, у него в учениках ходил мальчишка, который обращался птицей. Узнай, не пропал ли он.

Мёртвые болота

Месяц серпень

Почти неделю после той ночи Вячко не мог выйти из дома и целыми днями лежал на шкурах у огня. Югра всё это время лечила его травяными отварами и подшучивала над упрямством княжича.

– Волосы у тебя как огонёк, конечно, – приговаривала она. – Но с теми огоньками тебе не совладать.

– Что они такое?

Он не помнил, чем закончилась схватка. Провалившись в беспамятство, Вячко очнулся лишь к утру с обожжённым лицом и сильным жаром.

– Духи, – сделавшись враз серьёзной, сказала Югра. – Они порой бродят по болотам, не могут обрести покой. Это потому что они очень страдали при жизни.

– Это души мёртвых, – догадался Вячко.

Югра кивнула.

– Но зачем Олоко к ним вышел?

Девушка покосилась на сидевшего у стены Ики. Слепец молчал и, кажется, был глубоко погружён в свои мысли. Югра снова обернулась к Вячко и призналась с явной неохотой:

– Он узнал кое-кого.

– Ваших родителей?

Югра улыбнулась своим мыслям.

– Пей, огонёк, – она сунула кружку с отваром ему в руки. – Тебе поправляться нужно. Кто ещё поможет Олоко свай укрепить? Одна прогнивает, боюсь, зиму не простоит.

Вячко послушно принял кружку. Когда допил всё до последней капли, то прилёг, по привычке потянулся к изголовью, чтобы проверить, на месте ли лежал меч. Но его не было. Югра заметила волнение в его глазах, улыбнулась:

– Не лучше ли тебе без оружия? А то опять кинешься в драку. Отдыхай, ты нужен мне здоровым.

Мышцы напряглись, окаменели. Вячко приподнялся, чтобы возразить, но слова потухли на кончике языка. Голова потяжелела, и он прилёг обратно на спину. Дрёма опутала ноги и руки, коснулась лба, убирая рыжие пряди.

– Спи, огонёк.

Прошли дни, и Вячко окреп. Ожог на лбу оказался не так страшен и скоро зажил.

Вместе с Олоко они поправили одну из четырёх свай, на которых держалась изба. А после снова начались охота и рыбалка. Целыми днями юноши заготавливали запасы к зиме, а вечерами Югра рассказывала, как тяжело бывало на болотах, когда эта недружелюбная земля замерзала и покрывалась снегом.

Но и летом тошно, невозможно становилось там временами. Серость и влажность, туманы и холод. И извечное хлюпанье под ногами. Провести старость на болотах, чувствуя, как дряхлело и слабело тело, было, пожалуй, ещё не так невыносимо, как потерять счастливые годы юности, когда жизнь полна возможностей и радостей.

После той ночи, когда дом окружили болотные огоньки, Вячко часто стал замечать тоску во взгляде Олоко. Охотник сделался ещё молчаливее, и только однажды удалось его разговорить.

– Тебе не хотелось уйти в город? – спросил Вячко, когда они сидели недалеко от дома и крепили новое оперение к стрелам. – Ты же молод, мог бы разбогатеть. Хорошие охотники всегда нужны.

– Я не хочу золото, – помотал головой Олоко. – Я не по-

нимаю зачем.

– Что зачем?

– Золото, – просто ответил парень.

– Как зачем? Чтобы купить одежду и еду, чтобы веселиться.

Вячко вспоминал все развесёлые вечера, что проводил он со своими друзьями и братьями. Не только с родными, те были много старше, но и с братьями названными, с которыми связала служба и кровная клятва.

– Я сам добыть еда и одежда. И мне не надо денег веселиться, – серьёзно сказал Олоко.

Вячко понимающе кивнул.

– Твоя правда, – улыбнулся он. – Лучшее время, что было у меня, не стоило ни одной медной монеты. Знаешь, я никогда не чувствовал себя счастливее, чем у костра после долгого боя, – одно слово ступало за другим, вплеталось в полотно, и Вячко уже не мог остановиться, речь текла рекой, воспоминания захлестнули удивительно ярко. – Бывает, весь день лишь сечь и кровь, в груди дикий жар, всё тело словно от лихорадки бьёт, и, кажется, одна злоба в тебе кипит. Осмыслить не можешь, отчего люди такое зло творят, отчего они мучают и изуверствуют, ведут себя хуже диких зверей, и ты один из них. Но потом соберёмся у костра всей дружиной и поговорим. Небаба приготовит ужин – у него лучше всех выходит, – и мы едим не спеша. Знаешь, нарочно не торопимся, чтобы прочувствовать вкус пищи, забыть всё. И мол-

чим. Потом, конечно, Стрела начнёт байки травить, а Небаба порой поёт. У него голос такой низкий, не то что у скоморохов, они-то всё соловьём заливаются красиво, не спорю, но у Небабы иначе выходит. Печально так, душевно...

Вячко замолчал, будто сейчас увидел перед собой костёр и товарищей, собравшихся вокруг. Все ли они ходили под небом, не случилось ли чего? Доля дружинника переменчива, а боги немилосердны, и каждый из его товарищей мог уйти неожиданно.

Олоко внимательно слушал княжича и становился всё мрачнее.

– Кого вы убивать? – спросил он. – Ты говорить – боль, кровь. Кого вы убивать?

– Татей, – ответил Вячко, но это слово было охотнику незнакомо. – Плохих людей, которые нападают на деревни и путешественников, грабят, убивают.

Олоко кивнул.

– Понимаю. Вы делать хорошо.

– Так что же, Олоко, – вспомнил о своём вопросе Вячко. – Не хотел бы ты жить в городе или хотя бы в деревне со своим народом? Вам с сестрой было бы лучше.

Охотник помотал головой, пряча глаза за ладонями. Были они грубые, обветренные, покрытые красной коркой.

– Нет, – тихо выдохнул он. – Мне с сестрой было плохо в деревне, я ушёл.

– Так вы раньше жили в деревне?

– Да, – кивнул Олоко.

– И что случилось? – допытывался Вячко. – Вас обидели?

– Мою сестру. Югра красивый, ласковый. Её обидеть, убить.

Вячко нахмурился, догадываясь, что могло вынудить молодую девушку и её брата покинуть родную деревню. Он хотел рассказать Олоко, что существовал закон и нужно было обратиться к князю, потребовать наказать преступников. Семья Югры имела право мстить обидчику и не должна была скрываться.

– Вы поэтому ушли на болото? Ты кого-то убил?

– Да, – каждое слово давалось Олоко с трудом, а на тёмных глазах выступили слёзы. Горькими были его воспоминания, не давали покоя. – Я убить, но поздно. Моя Югра мертва.

– Не стоит. Это не конец, – попытался успокоить его Вячко. – Она ещё молодая, красивая. Пойдите в другую деревню жить. Зачем себя и сестру хоронить?

– Она мертва, – повторил Олоко твёрже. – Совсем. В земле лежит.

Он поднял взгляд на Вячко, и тот почувствовал, как холодок пробежал по его позвоночнику.

– Югра мертва, её нет, – сказал Олоко. – Ты, Вячко, лучше бежать.

Глава 7

*Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..*

«Руслан и Людмила», Александр Пушкин

Великий лес

Месяц червень

– Великий лес лежит от северных морей до болот на юге, от полей на западе до гор на востоке. Он полон тайн, которые скрыты от человека, – рассказывал когда-то Старый Барсук. – Если взберёшься на опушке на самое высокое дерево, так всё равно не увидишь ему конца. Из-за леса выходит по утрам красное солнце. Может, потому наша Звеня и поёт так красиво, что Хорс скрывается на ночь среди елей и пьёт ледяную воду прямо из лесных ключей...

Один раз за всё время пути через Великий лес Дара вышла к берегу Звени, напилась воды такой холодной, будто из колодца. Река казалась чужой, незнакомой. Облачённая

в тёмные берега, обросшая густыми елями Звеня выглядела тёмной и пугающей, только знакомое звонкое журчание, похожее на хор весёлых голосов, звучало по-старому.

— Избушка лесной ведьмы стоит в самой чаще, куда ни человек, ни зверь не пройдёт, если не пожелает того леший. Но даже того, кто пришёлся ему по нраву, он сначала испытает, чтобы не оставалось сомнений, что человек достойный.

Дарина родилась в Великом лесу, её обещали Хозяину в услужение. Она была его частью, даже если сама того не желала. Разве могла она оказаться недостойной?

Вдруг завернула в сторону прежде прямая тропка, и Дара очутилась среди высоких голых сосен. Почва была сухой и потрескавшейся, воздух тяжёлым и пыльным. Земля стояла протяжно под её шагами, когда Дара медленно ступала вперёд. Вокруг не виднелось ни живого дерева, ни ручья, а солнце палило безжалостно, и негде было от него спрятаться в погибшем лесу.

Под ногами пылилась зола. Книзу клонились покорёженные тёмные стволы. Повсюду разверзлись глубокие ямы, но не заметила Дара следов копыт или лап, что могли раскопать землю, будто она опускалась сама по себе.

«Значит, это моё испытание: пройти через мёртвый лес. Только отчего он погибает? Как леший это допустил?»

Всё чаще виднелись провалы в земле. Над одним из них

Дара наклонилась, заглянула с любопытством вниз, и тут же из-под земли вылетело озорное пламя, лизнуло за подол и скрылось обратно. Девушка отпрыгнула прочь и голыми руками хлопала по ткани. Край юбки почернел и стал неровным.

— Даже боги меж собой воюют. Мокошь-матушка никогда не поладит с жестокой Мораной, что дышит стужей и снегами, — вспоминал Барсук. — Как у всего живого, что существует на свете, есть у лешего враги. Так заведено в природе: серый заяц не уживётся с хитрой лисой, а леший с жыжем. Жыж-то дух огненный, а пламя, оно непредсказуемое. Вот, девочки, посмотрите на нашу печку.

Дара с Весей, прижавшись к деду с двух сторон, повернули головы к печи. Та довольно пыхтела, треща поленьями, и от того в доме было тепло, несмотря на лихой ветер, злобно завывающий на улице. Каждый своим делом занимался. Старик рассказывал, а дети слушали, отец точил ножи, а мачеха ткала.

В избешке на мельнице, окружённой снегами и свирепыми морозами, было тепло и хорошо, но девочкам становилось скучно долгими зимними вечерами, и просили они деда рассказать им о княжеском сыне, улетевшем на деревянном орле в Змеиное царство, о Мокоши, которая родила на свет всё живое, о злой сестре её Моране, что завладела золотой прялкой, о Великом лесе и его Хозяине.

И страшно было и весело слушать сказки Старого Барсука. Колотились ветра в закрытые ставни, бродил Морозко за окном, но жаром веяла печка, отпугивая зимних духов, и девочкам становилось уже не так боязно.

— Так вот, печка — она наша спасительница и кормилица, — продолжал Барсук. — Пока в ней огонь горит, нам с вами ничего не страшно. Но если вдруг разозлим мы чем духов, не уважим, так взъестся на нас огонь, станет диким и необузданным.

— Отец, не пугай девчонок, — попросила Ждана, обеспокоенно положив руку на свой круглый живот. В ту зиму ждала она второго сына и верила всем сердцем, что боги уберегут его.

— Что ж... не рассказывать дальше? — опечалился Барсук.

— Рассказывай, — дрожащим голосом попросила Дара. — Нам совсем не страшно, вот нисколько.

Веся молча закивала головой, но ни словечка не сказала, ещё сильнее прижалась к деду.

— Так и быть. Тогда слушайте. Бывает, девоньки, огонь ладным да покладистым, но нелегко ему таким оставаться. Буйный он по своей природе, непослушный. Совсем как Дара, — и он щёлкнул внучку по носу, отчего та прикрыла его ладошками, хихикая. — Наш огонь в печи нам подвластен до поры до времени, а бывает на свете и тот, что сам по себе. Зовётся он жсыж и живёт под землёй, где подолгу порой

спит, лениво с боку на бок переворачивается, и тогда растут сверху травы, цветы и деревья, потому что греет их из-под земли жыж. А ежели дух проснётся, то сонно бродит по своим подземным хоромам, и в мире наступает засуха. Но если случится, что его покой нарушат, то спадёт с жыжа дрёма, разозлится он, разбушует, разбежится по терему своему, станет искать, кто в его хоромы ворвался, кто покой нарушил, и тогда загорится земля под ногами, запылают леса, побегут звери, и всё вокруг на многие вёрсты неживым станет. И никто: ни человек, ни водяной, ни леший тогда жыжа не остановит, потому что горит огонь не на земле, а под землёй, и никак его не потушить. Потому и не любит леший жыжа, что никак не найдёт на него управу. Он царь в лесу, на земле, а жыжа под землёй не достать.

И вот Дара стояла в уничтоженном пожаром лесу, где не было вокруг ни единого живого деревца, и только огонь жадно клекотал под ногами. Проснулся жыж, разбушевался и погубил Великий лес. Это и было испытание для новой лесной ведьмы.

– Как же я его останавливаю? – пробормотала себе под нос Дара.

Леший то ли не услышал, то ли сам не знал, как поступить. Высохли все ручьи в округе, опалённая земля не могла ожить. Беспощадно жгло солнце, голые ветви не могли спря-

тать от жара. Рубашка Дары пропиталась потом, а волосы прилипли к лицу. Долго она шла, и ничего не менялось на пути.

Губы пересохли от жажды, и перед глазами стоял серый дым. словно в бреду не различала она уже звука собственных шагов и ворчания притаившегося огня. С оглушительным грохотом обвалилась земля неподалёку, повалился обгоревший ствол, но даже это показалось нечётким и далёким, словно сон.

Шаг, ещё шаг. Подкосились усталые ноги, Дара упала, царапаясь щекой об оголённые корни деревьев. Грудь затряслась от кашля, нечем стало дышать. Весь мир сузился до потрескавшейся земли и торчавших из-под неё корней. Грохотом в ушах отозвался собственный кашель, и за ним не сразу расслышала Дара топот копыт.

Равнодушным взглядом встретила она всадника. Витязь был чёрен как ночь. Он сидел на вороном коне с длинной лоснящейся гривой и такими ладными и тонкими ногами, каких не видела дочка мельника за всю свою жизнь у крепких кобыл землепашцев. Конь ударил копытами совсем рядом, и на звук что-то отозвалось в глубине, заволновалось. Дара прижалась ухом к земле, прислушалась и различила сквозь ворчание пламени щебет ручья. Копыта ударили снова уже в стороне, и звук улетел прочь. Всадник на коне проехал мимо и скрылся за покорёженными деревьями, будто его и не было.

Дара прикрыла глаза, вздохнула и заставила себя подняться. Но стоило ей сделать один шаг, как в глазах почернело. Она споткнулась и снова упала, ухватилась за тонкое деревце, а оно разломилось с хрустом.

Земля зашевелилась, закачалась и ушла вниз.

Дара вскрикнула, схватилась за край, но сорвалась, провалилась ниже. Она загребала руками, но почва убегала всё быстрее из-под ног. Пыль взвилась в воздух, нельзя было ничего разглядеть, а внизу зарычал огонь. Обвал ширился, земля осыпалась, и под Дарой образовалась глубокая яма. Она сорвалась, упала вниз и глухо закашляла, не в силах вдохнуть.

Из пепла и песка вынырнуло пламя, взмыло, раздуваясь, заполняя всё пространство собой. Оно потянулось к ней, и Дара заслонила руками. Огонь лизнул её кожу, обжёг. Девушка закричала и в ужасе, не думая, толкнула духа. Неожиданно он отпрянул назад.

Обвал открыл пещеру под землёй. Она уходила вглубь, во мрак, туда, откуда пришёл жыз. Он был разбужен и разъярён. Чистым необузданным пламенем он плясал вокруг, осторожно изучая Дару, как она изучала его. Дух больше не спешил нападать.

У него не было плоти, не было тела, но Даре показалось, что она увидела быющее сердце, которое лизали огненные языки, питаясь силой и жизнью. Жыз обошёл вдоль стены, исследуя яму. Над обрывом наклонилось дерево. Сухие кор-

ни, обглоданные огнём, свисали с краёв. Дух потянулся к ним, попытался поджечь. Он отвлёкся. Дара не стала терять времени. Она подпрыгнула, схватилась руками за один из корней, подтянулась. Но она не была так быстра, как жыж.

Дух заревел и схватил её за косы и юбку, стянул вниз, обратно в яму. Дара завизжала, зажмурила глаза и от боли и страха разжала пальцы, упала на землю. И тут же подскочила, вскинула руки, защищаясь, бросилась вперёд и должна, должна была сгореть, но прошла сквозь огонь. На этот раз он не тронул её, только обдал горячим дыханием, отчего почернело лицо. Дара врезалась в неровную стену своей подземной темницы, и на неё посыпался песок.

– Сильнее! – крикнули сверху.

Дара оцепенела от неожиданности, а со спины бурей налетел жыж. Он потянул её за косы, прижал к земле, зарычал. Девушка сжалась в клубок, завизжала. Она попыталась отползти, но дух перерезал ей путь. Юбка тлела, волосы сгорели, но жыж больше её не трогал. Он, кажется, сам не знал, что делать с человеческим существом. Он снова закружил вокруг, то приближаясь, то отдаляясь. Он лизал то её руки, то шею, то спину, и Дара вскрикивала от каждого нового ожога. Она не могла заглушить слёзы, тело её тряслось, а руки дрожали. Она отползла к покатой стене. Песок комьями скатывался ей на голову.

Жыж замер. Дара почти разглядела его золотые глаза, его безумную улыбку. Он что-то решил для себя и бросился

на неё. Девушка подскочила, увернулась, толкнула руками в стену пещеры. Земля завывала, отзываясь на удар.

– Бей! Бей! Бей. Бей...

Сверху, из сгоревшего леса, застрекотали голоса.

Сильнее ударила Дара, загудела вся пещера.

– Бей!

– Эй, эй, эй, – отозвалось эхо.

Ладони горели, и не от ожогов, оставленных жыжем, а от силы, распирающей изнутри.

Жыж схватил её за плечи, и из груди Дары вырвался крик. Но она не остановилась.

Она ударила по стене снова, подчиняясь только бурлящей крови в жилах и чужим голосам. И земля ответила. Она разверзлась, раскололась, словно крынка с молоком. В яму хлынула вода. Жыж завыл иступлённо, набросился с новой силой, разорвал в клочья одежду, обжёг спину. Вскрикнув, опять ударила Дара по стене, и дыра сделалась больше, а вода устремилась вперёд, затопляя яму.

Жыж кинулся назад, прочь, чтобы спрятаться меж камней в пещере. Дара снова ударила, и вода радостно забурлила, догоняя огненного духа. Жыж зашипел в отчаянии. Повалил облаком белый пар, заполнил всё вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.